

ОТЗЫВ ГРИГОРИЯ БЛЕХМАНА НА КНИГУ «ПУТЬ К ГОРИЗОНТУ»

Писать о Николае Иванове и легко, и трудно.

Легко, поскольку позволяет его биография и уровень личности. Он – воин в самом ёмком смысле этого понятия, потому что не только достойно прошёл «горячие точки», многое там испытал, но и в мирной жизни, где бы ни трудился, своих высоких нравственных позиций Гражданина не менял и не меняет. Об этом знает не только армейская и литературная среда России, но и люди, живущие во многих местах за её пределами. К тому же Николай Иванов без малейшей натяжки – выдающийся современный писатель и журналист, что подтверждает наш самый беспристрастный судья – Время. Оно не только не снижает, а порой даже усиливает интерес к его литературным произведениям, в которых главенствуют два компонента: талант и обострённая совесть. Они и характеризуют личность этого яркого, но необычайно доброго, скромного и непринотливого в быту человека.

Как ни парадоксально, но именно по этим причинам писать о нём и трудно. Ведь твоё повествование должно соответствовать уровню личности твоего героя – не только его внешней, но и внутренней биографии.

Конечно, у каждого, кто знает Николая Иванова, он свой. Для кого-то превалирует одна черта его характера, для кого-то – другая, третья... И это естественно. Как сказал в одном из интервью Бернад Шю: «Я такой, каким Вы можете меня вместить».

Когда Нина Волченкова поведала мне, что пишет о своём выдающемся земляке, я не представлял, насколько основательно она взялась за этот литературный труд. Но по мере того, как присылала отрывки из своей работы, всё больше убеждался, что личность Николая Иванова уже «не отпустит» автора книги до реализации замысла.

И вот рукопись окончена. Ты начинаешь читать и шаг за шагом вытягиваешься в мир её героя: узнаёшь об истоках его

происхождения, этапах жизни, нюансах литературных строк и образов...

А поскольку автор сама талантлива, то не только глубоко и тончённо воспринимает суть и масштаб своего земляка, уровень его литературного дарования, но и умеет выразить свои чувства так, что чтение тебя захватывает.

Всё, что Нина Волченкова приводит в книге: фотографии, ссылки, цитаты – направлено лишь на то, чтобы как можно точнее передать собственное ощущение неординарности так и оставшегося воином, общепризнанного крупного современного литератора и общественного деятеля, каким является Николай Иванов. Недаром своё обращение к читателю Нина Петровна назвала «Монолог сердца». Такой «монолог» может возникнуть лишь при полном погружении автора в мир своего героя.

На мой взгляд, этой скрупулёзной и многогранной литературной работе уготована долгая жизнь и благодарность читателей разных поколений.

Григорий БЛЕХМАН,

член Союза писателей России, лауреат Всероссийской литературной премии им. Н. Гумилёва и премии МГО СПР «Лучшая книга 2012 - 2014»

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ: «МОНОЛОГ СЕРДЦА»

Встречи с хорошими людьми поселяются в нашем сердце, а маяки памяти возвращают их ясными звёздами, соловьиными ночами, летними зарницами. И мы становимся чище, добрее и тоже в ком-то зажигаем огоньки – светлее от этого на земле-матушке.

Первое восприятие личности писателя Николая Фёдоровича Иванова было связано с образом Солнца. Почему? По цвету рубашки – предметному условному знаку, выражающему сущность какого-то, ещё не понятного никому

явления, которое позже помогает определить характер и качество этого символа.

У Виктора Анатольевича Королькова есть картина «Дажьбог» [<http://www.liveinternet.ru/users/tomikt/post214845307/>] –

сверхглавное божество Солнца, податель всего благого. Когда мы просим у Неба блага или желаем друг другу добра, мы говорим: «Дай Бог!». А поскольку в древнерусском языке слово «дай» звучит как «дажь», то и выходило: «Дажь Бог!» – Бог солнца, света, добра, блага, дождя, покровитель свадеб, природы, богатства, даяния, помощи. И сегодня мы произносим всякий раз: «Дай Бог!»

Да не возникнет у читателя мысль крамольная, что сравниваю Н.Ф. Иванова с Богом – в книге рассматривается Образ Писателя, у которого есть талант, владение СЛОВОМ, желание служить правдой-верою Отечеству своему, нести свет основ духовно-нравственных.

Эта миссия и почётная, и ответ всегда за дела свои. И силен сей муж своим творчеством, а читать его нам за счастье: через боль идём к очищению; здесь двадцатый век на ладони весь.

Вернёмся же к началу знакомства, к тому ясному весеннему дню, когда к Дому культуры г. Хотынца Орловской области собирался народ, чтобы послушать стихи Николая Ивановича Поснова на ежегодном Празднике поэзии в его честь.

Богатая гамма звуков и запахов мая, тепло солнечных лучей, белая и лиловая сирень, большие желтоглазые одуванчики и нарциссы, нарядные разноцветные одежды хозяев и гостей. А среди них только один человек в оранжевой рубашке, идущий уверенной походкой к намеченной цели.

Потому и возник Образ – художественный, но не случайный: говорил Н.Ф. Иванов о личности поэта-земляка искренне, задушевно и светло. Воспроизвести трудно, тем более по прошествии времени, да и цели запоминать речь или записывать её тогда не было. Но, возвращаясь к смыслу сказанного, понимаешь, что и поэт, передающий концентрацию чувств, и писатель, ведущий нас по дорогам своих героев, призывают воспринимать этот мир чистым и лучезарным, быть благодарными родителям и Родине, делать самим всё, что от нас зависит, чтобы солнце светило и небо было голубым и высоким:

Солнышко в оранжевой рубашке
В майский день спустилось к нам с небес,
А душа добра и нараспашку...
Образ в сердце, к счастью, не исчез.

Как приятна светлая улыбка
И открыт для разговора взгляд.
Настоящее вовек не станет зыбким,
А глаза о счастье говорят.

Щедр ты, май, на запахи и краски,
Радость – что от песен соловья.
Да, не только в старых русских сказках
Защищали землю сыновья.

Оттого, наверное, рубашка
Цветом солнца вышита, как встарь, –
Чтоб душа с добром и нараспашку,
Чтобы не тускнела киноварь.

Рождение «Пути к горизонту» как книги о творчестве Николая Фёдоровича Иванова обусловлено несколькими причинами:

- духовно-нравственное воспитание человека возможно только через Слово родного языка, на котором пишут мастера – писатели и поэты;

- художественные произведения, подаренные авторами-земляками, ценны: мы радуемся тому, что их имена известны в России и за её пределами – нас возвышает чувство сопричастности;

- знакомство с текстом предполагает получение информации о создателе: кто он, какие проблемы поднимает, как реализует замысел и чему учит своего читателя – это становится более значимым, когда писатель находится среди нас, а мы можем видеть его и слышать голос;

- литературное образование предполагает литературное развитие: у личности возникает потребность выразить себя в Слове так, как он умеет – в устной или письменной речи, что способствует проявлению индивидуальности.

Мы приобретаем читательский опыт при помощи честных, искренних и мудрых авторов, каковым является Николай Фёдорович Иванов, который любит повторять: «Нужно идти к горизонту: он не закончится никогда».

Монолог моего сердца начался именно с этой фразы героя, а каким он получился, судить тебе, драгоценный читатель.

С искренними пожеланиями, Нина Волченкова

АВТОР – ПОНЯТИЕ УНИКАЛЬНОЕ

Читатель проявляет особый интерес к книге, если хорошо знаком с творчеством автора, с ним самим – непосредственно или опосредованно. Поэтому не случайно мы останавливаемся на понятии *автор* как одного из ключевых литературной науки, который определяет субъекта словесно-художественного высказывания – *виновника, основателя, учредителя, создателя, сочинителя, учителя.*

Чтобы вникнуть в смысл многозначности этого необыкновенно интересного, уникального понятия, попытаемся выстроить свои чувства, ощущения, ассоциации и рассмотрим каждое положение на конкретных примерах.

АВТОР РЕАЛЬНЫЙ (БИОГРАФИЧЕСКИЙ)

Писатель, имеющий свою биографию, обладающий комплексом индивидуальных черт, создающий другую реальность в любом роде и жанре, историческое лицо, частный человек, «претендующий на собственность сотворённого им текста» (В.В. Прозоров), именуется *автором реальным (биографическим).*

Николай Фёдорович Иванов родился 8 июня 1956 года в селе Страчёво Суземского района Брянской области.

Отец, Иванов Фёдор Агапьевич, прошёл всю войну: воевал на третьем Белорусском Фронте в Польше, Прибалтике, брал Кёнигсберг. Мать, Иванова (Зюкина) Анна Григорьевна, защищала Родину в партизанском отряде им. Будённого, где комиссаром был её отец – Зюкин Григорий Прохорович, приняла присягу

партизана. Из воспоминаний мудрого педагога, учителя начальных классов, узнаём о том, что «...вплоть до изгнания фашистов с территории района подрывали эшелоны с техникой, которые двигались на Москву, уничтожали немецкие отряды, перерезали его коммуникации» [Поклонимся великим тем годам / Редактор-составитель: секретарь Союза писателей России Н.Ф. Иванов; руководитель проекта В.И. Денисов. – Москва – Суземка, 2005. – С. 84].

Наталья Сысоева (на Facebook. 17 сентября 2015 года)

С Днём города, любимый и родной Брянск! С Днём освобождения от немецко-фашистских захватчиков! Успеху советских войск на этом направлении способствовала активная борьба брянских партизан. Они нападали на отступавшие колонны врага, громили гарнизоны, срывали его воинские перевозки по железным и шоссейным дорогам, подрывали вражеские эшелоны, обеспечивали переправы через водные рубежи нашим частям, отражали попытки отступающих немецких частей форсировать реки, обеспечивали командование Советской Армии ценными разведанными, помогли освобождению городов и сёл нашего края.

17 сентября войска Брянского фронта успешно форсировали реку Десну и, сломив сопротивление противника, овладели городами Брянск и Бежица.

17 сентября 1943 года.

Этот день освобождения красной датой вписан в историю Брянска. 197-я стрелковая дивизия под командованием полковника С.Т. Украинца вошла в город.

Моя бабушка Зюкина Анна Григорьевна была партизанкой, в 2015 году отметила своё 90-летие! Её отец Зюкин Григорий Прохорович был комиссаром партизанского отряда. Погиб во время войны. Мой дед Иванов Фёдор Агапьевич – командир пулеметного расчёта 291 Стрелкового Ковенского полка дошёл до Кёнигсберга. Фото 2005 г. Это был последний День Победы для дедушки... Будучи тяжело больным, он прошёл в колонне с

ветеранами до Площади Партизан. Шёл чётким шагом, хотя был тогда уже очень слаб. Вот они – настоящие сильные духом люди, которых остаётся всё меньше и меньше. Гордимся. И помним!!!

От читателей Вам, внука героев, огромное спасибо за мысли как способ жизни – такое забыть невозможно, но передавать из поколения в поколение необходимо. И большую благодарность Вы получаете от самого Николая Иванова, Вашего дяди, а мы радуемся возможности прочтения строк его письма:

Отца под Кёнигсбергом спасла санитарная собачка, отыскав его, потерявшего сознание, после боя. Лизала лицо, пока он не пришёл в себя и не перевалился на волокушу. Ушёл из жизни в год Собаки. Надеялся, что она вновь его вытащит...

Мама была в отряде своего отца. Когда отряд окружили, он поручил своей 17 летней дочери 7 раненых и направил их через болото. А сам повёл отряд на прорыв в другом месте. Погиб при прорыве, когда поднял отряд в атаку. Пуля попала в горло при крике «Ура!»...

Н.Ф. Иванов учился в Московском суворовском военном училище. Предыстория, прочитанная нами в эксклюзивном интервью «Я – последний советский воин», вызывает добрую и счастливую улыбку (в те далёкие годы многие мальчишки мечтали быть суворовцами!) и гордость одновременно: получить такую путёвку в жизнь было возможным в добрые советские времена...

С позволения писателя мы помещаем этот диалог:

* * *

- Как же всё-таки получилось, что вы выбрали для себя карьеру военного? И почему потом появилось дополнение «журналист»?

- Помню (учился тогда в седьмом классе), копал торф недалеко от своего родного села. Торфа много было, и мы топили им дом. Вдруг приехала моя сестра на велосипеде и сказала, что меня срочно вызывают в военкомат. Дело в том, что я как-то обмолвился военному, что хочу поступать в суворовское училище. Вот он и поспособствовал.

Написал заявление, начал проходить медкомиссию. Правда, врачи заявили, что мои больные железы могут стать препятствием для дальнейшей службы, на что я, не задумываясь, согласился: «Давайте вырезать!»

Мне до конца не верилось, что простой мальчишка из деревни сможет поступить в такое престижное военное училище. Тем более что из Брянска нас, претендентов, ехал целый плацкартный вагон!

Первые экзамены, диктант и физподготовку, я сдал на «отлично». И хотя по остальным предметам получил тройки, меня приняли в Московское суворовское училище.

Учился хорошо. Вскоре стал командиром отделения, вице-сержантом, затем вице-старшиной роты. В пятнадцатилетнем возрасте у меня в подчинении было уже сто человек, я отвечал за проверки, прогулки, построения, кормёжку, наряды, бани...

Кстати, мне одному из последних подписали рапорт о поступлении в высшее военное училище. Командир взвода частенько говорил: «Генералом будешь! В командное училище пойдёшь!» – а я к тому времени уже начал писать стихи и планировал продолжить обучение на журфаке Львовского высшего военно-политического училища. Так что за своё звание «журналист» мне пришлось побороться – с трудом убедил командование подписать мой рапорт [Иванов Н. Я – последний советский воин (интервью Савелькиной А., Тимченко Н. Я – последний советский воин // Брянская тема. – 2012. - № ½ (51/52). – С. 30 – 37].

О «Солдате и военном журналисте Николае Иванове» 19 февраля 2014 года рассказали работники библиотеки-филиала № 83 им. А. Вознесенского Северного округа Москвы: «Свой

профессиональный выбор Николай сделал еще в детстве, благодаря любви к чтению и хорошему книжному фонду местной библиотеки. Именно там он прочитал две книги, название которых помнит до сих пор: «Счастливый день суворовца Криничного» и «Уходим завтра в море». Эти книги рассказали мальчику о ровесниках, которые уже воевали с врагом и потом решили связать свою жизнь с армией. Настоящие герои! Одиннадцатилетний Коля тоже решил надеть погоны, съездил в районный военкомат, прошёл строжайшую медицинскую комиссию и в 1971 г. поступил в Московское суворовское военное училище» [http://lib75-83.ru/index.php/news/83/2416-soldat-ivoennyj-zhurnalist-nikolaj-ivanov].

Биографический автор Николай Фёдорович Иванов является обаятельным собеседником, и не случайно сказанная фраза: «Одиннадцатилетний Коля» – дополняет сегодня Образ человека, защитника Отечества, гражданина.

По окончании факультета журналистики Львовского высшего военно-политического училища Н.Ф. Иванов получает диплом военного журналиста. Автор, член Союза писателей России, ведёт своих героев по дорогам войны, которая (почему-то?!) не позволяет рассеиваться едкому дыму. Никогда. Не потому ли все книги и написаны сердцем?

Служил в воздушно-десантных войсках. Кадрового офицера, военного корреспондента и сегодня называют **Командиром писательского полка**: совсем недавно **Наталья Сохарева** в газете «Алтайская правда» опубликовала беседу с участником Шукшинских дней Николаем Ивановым [Алтайская

правда от 31 июля 2015. № 138 (29033).С. 20]:

«- Когда настоящий полковник является сопредседателем Союза писателей России, это внушает оптимизм.

Наверняка Вам приходится бороться за хорошую литературу...

- Литературный пласт истончается, люди стали меньше читать.

По последним исследованиям, сегодня в среднем человек в России читает от 3 до 7 минут, а телевизор смотрит 3 часа. Мы, писатели, уже давно не боремся с гаджетами, телефонами, компьютерами. Пусть люди читают с экранов, главное, что читают, а не в игрушки играют.

А вот пишущих очень много... Вы бы знали, сколько желающих вступить в Союз писателей, хотя сегодня наш Союз уже не даёт особых привилегий. Мы рады, когда идёт писательская инициатива из регионов, когда проходят фестивали, такие как Шукшинские дни. Это вселяет надежду».

Нами прочитана не одна беседа, но всегда одна и та же тема – тема плена – волнует людей, и это объяснимо, но позволим себе сместить акценты:

«- Ваша жизнь после плена сильно изменилась?»

- Нет, я не разуверился ни в одном друге, ни в одном человеке. Никто не оставил мою семью, все пытались меня спасти. Чтобы вытащить меня из плена, друзья выходили на боевиков по самым разным каналам. Я прикинул, что более 200 человек участвовало в моём освобождении. Ребята-оперативники, которые меня освобождали, рискуя жизнью, пошли к боевикам, хотя, по сути, даже не знали меня лично. Обмен должен был состояться в 12 часов дня на перекрёстке, а бандиты затянули, и пришлось идти за мной ночью в горы... Когда пропала связь, в Москве подумали, что в плену и мои спасители. И когда они всё же меня вытащили, их жёны спросили: «Что за человек Иванов? Стоило ли ради него так рисковать?!» И вот этот вопрос: «Что ты за человек, что ты значишь в этой жизни?» – я теперь задаю себе постоянно. Живу с ним».

Человек Иванов живёт и помнит своих спасителей, своих сегодняшних друзей – *здравствующего* генерала **Евгения Васильевича Расходчикова**, ветерана Группы «Альфа», в 1980-х годах зачисленного в легендарное спецподразделение КГБ, возглавившего Управление физической защиты Федеральной службы налоговой полиции, создававшего спецназ Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков, будучи начальником Управления специального назначения Департамента специального и криминалистического обеспечения ФСКН [<http://www.specnaz.ru/articles/226/2/2276.htm>], и **Геннадия Александровича Нисифорова**, начальника главного организационно-инспекторского управления Генпрокуратуры России, к великому сожалению, *небожителя с 9 января 2012 года* [http://www.compromat.ru/page_31654.htm].

От такого известия стало не по себе, нарисовалась печальная картина, и родились стихотворные строки «Памяти друга»:

Когда друзья уходят... не за дверь,
Когда душой еще не понимаешь,
А сердцем эту боль воспринимаешь,
Он в памяти твоей. И, верь-не верь,
Твой друг с тобою постоянно рядом...
Печалью ты окутан и тоской:
И с ним никак не обменяться взглядом,
Не дотянуться дружеской рукой –
Он не услышит сказанного слова.
Но мысль о друге, словно о живом,
Всплывает в твоей памяти, и снова
Ты видишь ваши встречи за столом,
Вы у костра, на озере, у дома,
По телефону долгий разговор –
Как далеко всё это, но знакомо...
Зловещий смерть выносит приговор.
Мы просим у друзей своих прощенья
За всё, что не случилось, не сбылось.
Но их уход как наше возвращенье
К делам, что завершить не удалось.

«Оказавшись в руках боевиков, военкор Иванов мог рассчитывать только на чудо» – один из подзаголовков статьи о «Пленнике Ичкерии»: в этот же день, что и в «Алтайской правде», 31 июля 2015, в газете Международной ассоциации ветеранов подразделения антитеррора «Альфа» «Спецназе России» (Август 2015 № 8 / 226) опубликованы подробности освобождения Н.Ф. Иванова из плена.

Фото: Через час после освобождения Николая Иванова из плена. Чечня. 11 октября 1996 года. Слева – Евгений Расходчиков

Только по официальным данным во время войны в Чечне томилось более 1400 человек. И у каждого был свой плен. Николай Иванов написал предельно откровенную исповедь о своих 113 днях, проведенных в руках дудаевских боевиков. На его примере мы смогли увидеть, что есть русский офицер в плену у чеченцев, каковы они, подземные тюрьмы конца XX века. Примечательно, что писатель полетел на вторую свою войну для работы над новым романом «Спецназ, который не вернётся» (готовится к изданию в «Роман-газете»). Действительность же оказалась такова, что мог не вернуться и он сам...

Низкий поклон Людям Чести и Достоинства, «низких моральных качеств», выше которых нет!!! Ваше благородство спасает Россию. Примите слова благодарности от земляков Николая Иванова, которого здесь знают и почитают. Храни Вас Господи на всех перекрёстках дорог!

Очень хотелось бы вписать в текст книги золотыми буквами всю публикацию газеты «Спецназ России», но ограничусь только небольшим диалогом двух русских людей, стоящих на фото слева:

Встретились на перекрёстке дорог – толпа женщин, боевики... Привели измождённого, обросшего бородой мужчину. Спрашиваю, чтобы уж наверняка:

– Как имя-отчество Алмазова?

– Сергей Николаевич.

– Ты – Иванов?

– Да.

– С возвращением. Поздравляю!

И обнимаю его.

– А вы... кто? — спрашивает Николай Фёдорович.

– Расходчиков. Из физзащиты.

В том человеке, которого вывели из машины, прежнего Иванова узнать было невозможно. Похудевший, заросший, в обмотках. Его фотографии имелись у каждого оперативника, но то, что увидели...

[<http://www.specnaz.ru/articles/226/2/2276.htm>]

Комментировать не хочется: в сердце–слёзы!.. Но всё больше убеждаешься и соглашаешься с редактором отдела книгоиздания и литературно-тематических встреч в Алтайской краевой детской библиотеке имени Н.К. Крупской **Валерием Тихоновым**, который опубликовал своё восприятие человека на Facebook (7 августа 2015 года), в том, что Николай Фёдорович Иванов – **«Настоящий полковник-герой! Настоящий писатель-гала́нт!»**

*«Всего-то – недавно! – на позапрошлой неделе (22 – 25 июля 2015г.) Алтайский край принимал гостей! Да, я о Всероссийском фестивале «Шукинские дни в Алтайском крае»... В данном фоторепортаже (или в фотоочерке?) представляю я вам, дорогие мои друзья-соотечественники, одного из самых, пожалуй, **самых-самых ожидаемых – встречаемых – значимых** (выделено нами – Н.В.) гостей – известного писателя Николая Иванова.*

Тут на фото он: в Афгане (молоденький ещё!..) Здесь, в Афганистане, Н. Иванов собирал материал для своей первой книги и написал «Грозу над Гиндукушем» по горячим следам

В Сростках - в музее В. М. Шукшина и на Пикете (на фоне памятника Василию Макаровичу)

И на сцене Пикета с копией Знамени Победы

Ох, и стоило побывать на тех встречах, в которых принимал участие Николай Иванов – гражданин, офицер, писатель!»

Эмоциональный отклик В. Тихонова плавно подводит нас к творению брянско-московского художника *Сергея Чаплыгина*, написавшего в 2010 году портрет (90x86 см) полковника воздушно-десантных войск *Николая Фёдоровича Иванова*.

Первое слово, возникающее при взгляде на образ героя полотна, – *мужество*, а за ним – словно солдатский строй близкие по духу слова – контекстуальные синонимы: *смелость, отважность, стойкость, храбрость, бесстрашие, твёрдость (духа), непоколебимость, стоицизм, непреклонность, несгибаемость, бескомпромиссность, доблесть, героизм*.

Давайте вместе посмотрим, как велась работа над этим портретом.

«Николай Фёдорович Иванов несколько лет служил в Афганистане, отсюда и моё решение выбрать фон для портрета охристого, песочного цвета», - говорит художник. И продолжает:

- Николай Фёдорович позировал очень хорошо, сидел терпеливо, не шевелясь, и я сразу взялся за написание головы и рук.

Фон портрета теперь больше похож на цвет песка. Вибрирующие мазки фона должны внести определённую напряжённость в создаваемый образ. На этом этапе веду работу над военной формой. Написание бело-синих полос на тельняшке для художника-профессионала работа несложная, и

тем не менее, поглощённый созданием образа, я сбился на такой

монотонной работе, что сразу было замечено Николаем Фёдоровичем. Но живопись маслом позволяет легко исправлять неточности в работе.

На заключительном этапе написания портрета прописываю награды. Лессировками прохожу всю голову [http://chaplygin-s.narod.ru/ivanov.html].

Слово мастера кисти, предъявленное цветовой гаммой и его ощущениями, отражает художественный мир творений писателя. При знакомстве с произведением всегда хочется увидеть портрет автора – особую организованную систему, созданную Господом и посланную служить Человечеству.

Понятие «портрет» как категория литературоведения применительно к персонажу художественного произведения, но мы помним о том, что *автор* может быть *внутритекстовым* (имманентным), а также в процессе чтения мы обнаруживаем образ автора как художественную структуру.

Портрет – одно из средств создания образа: изображение внешности героя литературного произведения как способ его характеристики.

Нам известны виды портретов:

– *экспозиционный, или статический* (описание неизменных деталей наружности: лица, цвета волос и глаз, фигуры человека), что делает его запоминающимся, узнаваемым для читателя;

– *динамический, или портрет действий и состояний героя* (рисующий выражение лица, глаз, мимику, жесты, позу), а также черт, сформированных средой или являющихся отражением

индивидуальности персонажа (одежды, манеры поведения, причёски и т. п.).

Особый тип описания – психологический портрет – позволяет автору раскрыть характер, внутренний мир и душевные переживания героя.

Психологический портрет – выражение внутреннего мира через внешний облик (описание внешности в движении – динамика), где возможно одновременное использование таких особенностей, как улыбка, смех, жесты, мимика, походка, плач, выражение лица автора биографического.

Вспомним определение, более привычное нам:

Портрет персонажа – это описание его наружности: телесных, природных и, в частности, возрастных свойств (черты лица и фигуры, цвет волос), а также всего того в облике человека, что сформировано социальной средой, культурной традицией, индивидуальной инициативой (одежда и украшения, причёска и косметика). Портрет может фиксировать также характерные для персонажа телодвижения и позы, жест и мимику, выражение лица и глаз. Портрет, таким образом, создаёт устойчивый, стабильный комплекс черт «внешнего человека».

[http://www.textologia.ru/literature/teoria-literatury/literaturnoe_proizvedenie/portret/363/?q=471&n=363]

И вновь вернёмся к откровениям художника Сергея Чаплыгина:

С удовлетворением вижу, что мой композиционный замысел удался: формат портрета, приближающийся к квадрату, по диагонали разбивает фигура десантника, спокойного и уверенного. Она почти полностью занимает холст, взгляд человека в военной форме выходит далеко за пределы холста. Отсюда возникает ощущение образа сжатой пружины, готовой в любой момент отдать сконцентрированную в ней энергию.

[<http://chaplygin-s.narod.ru/ivanov.html>]

28 мая 2010 года портрет выставлялся в Брянском художественном училище – первый выпуск учащихся порадовал педагогов своими достижениями; в этом же году Музей истории города Москвы поразил зрителей тематической подборкой портретов «Память поколений»; 13 февраля 2013 года украсил персональную выставку Сергея Чаплыгина в Академии управления МВД России, в апреле 2014 г. – на Поклонной горе в Москве.

**28 мая 2010 года в Брянском художественном училище.
Н. Иванов с матерью**

Выставка ко Дню Победы на Поклонной горе. Сергей Чаплыгин. Апрель, 2014 год

При просмотре содержания книги читатель задастся вопросом: зачем весь материал художника помещён в книгу, достаточно сделать ссылку. Возможно. Но в художественном пространстве Н. Иванов так же предъявляет нам портреты своих героев, как и художник, – детально, а мы ярко воспринимаем образы и принимаем манеру письма, стиль автора.

Посмотрите на фото Сергея Чаплыгина в минуты вдохновения. И неудивительно, что образ «сжатой пружины» в портрете получился не сразу: творческий человек, а особенно художник использует все углы внешнего и внутреннего зрения.

Снимки сделаны в то самое время, когда руководители областного УМВД во главе с начальником генерал-майором полицией

Валентином Кузьминым посетили все три группы брянских полицейских в Чечне: СОБР в Старых Атагах, ОМОН и Временную оперативную группу в селении Шатой. Вместе с полицейским руководством по местам дислокации брянцев проехал и писатель Николай Иванов в компании живописца Сергея Чаплыгина. Идея такого «творческого десанта» появилась во время январского визита Николая Иванова в Брянск. Тогда он презентовал в УМВД России по Брянской области созданный с его участием документальный фильм «Брянская повесть» о военной истории Брянщины.

[<http://bryansk.bezformata.ru/listnews/bryanskih-politcejskih-v-chechne-posetili/4982448/>]

ФИЛЬМ «БРЯНСКАЯ ПОВЕСТЬ»

Об этом разговор особый, такое документальное кино нужно посмотреть не один раз [<http://fest.radonezh.ru/video/51657/>], чтобы увидеть то, что видит герой картины. 14 сентября в актовом зале ОМОНа прошла презентация [<http://bryansk.bezformata.ru/listnews/bryanskaya-povest/6615219/>]. Мы помещаем информацию полностью, чтобы не искать по ссылке в интернете:

**«Брянская повесть»
Сотрудник ОМОНа
майор Митин: «"Брянскую
повесть"» непременно
нужно показывать бойцам
перед отправлением в
командировку на Кавказ.**

...На премьеру фильма были приглашены около 400 сотрудников полиции из разных подразделений УМВД и районных отделов внутренних дел области.

Зрительская аудитория могла не только посмотреть фильм, но и познакомиться с его создателями – Александром Константиновичем Смолко – продюсером фильмов «Союзники: Верой и правдой», «Погибли за Францию», Сергеем Леонидовичем Зайцевым – режиссёром, автором более десятка документальных фильмов, Лауреатом Национальной премии кинематографистов «Золотой Орёл», директором киностудии «Русский путь», и нашим земляком, которым мы особенно гордимся – Николаем Фёдоровичем Ивановым. Это человек героической судьбы – полковник воздушно-десантных войск в отставке, воин-интернационалист, участник боевых действий в Афганистане и на Северном Кавказе, сопредседатель правления

Союза писателей России. Николай Фёдорович четыре месяца провел у боевиков в чеченском плену, рисковал жизнью.

Начальник управления по работе с личным составом УМВД России по Брянской области полковник внутренней службы Владимир Борисенков перед началом просмотра сказал:

– Переживания, чувства, события о которых будет рассказано в фильме, близки и понятны брянским стражам порядка. Значительная часть наших сотрудников является участниками боевых действий. Многие из них прошли через северокавказские командировки, награждены боевыми орденами и медалями. Сто десять сотрудников органов внутренних дел области погибли при выполнении служебного долга. И поэтому для нас особенно важно, что подвиги брянских воинов не забыты, что память о них не только живёт в душах, но и воплощается в произведениях искусства. Мы рады, что есть люди и фильмы, которые напоминают нам о таких понятиях, как честь, долг, патриотизм, любовь к Родине.

В фильме рассказывалось о жителях Брянщины, которые в разные годы вставали на защиту Родины. От времён Александра Пересвета, брянского монаха, участвовавшего в Куликовской битве, до сегодняшнего дня – наш край всегда славился героями. По сюжету киноленты Николай Иванов едет в почепскую деревню к отцу лейтенанта Владимира Ляпшина, погибшего в Чечне, в Аргунском ущелье. В память о своем сыне отец построил на болотах избушку, в которой рыбаки, охотники или просто уставший путник может остановиться и передохнуть. Путь к этой избушке через труднопроходимую лесную и болотистую местность, словно путь к нашей памяти, нашим истокам, дающим духовные силы человеку.

Создатели фильма рассказали сотрудникам полиции о возникновении идеи фильма, о съёмочном процессе. Николай Иванов вспоминал: в плену у чеченских боевиков, находясь в тёмной глубокой яме среди мышей и короедов, он просил, чтобы его отправили хотя бы на какие-нибудь работы. Месяцами не видеть неба, солнечного света – это настоящая мука. Боевики

отвечали, что могут отправить его только в Аргунское ущелье на каменоломню, но оттуда живыми не возвращаются. После освобождения из плена Николай Фёдорович приехал в ущелье на ту самую каменоломню, откуда федеральные войска и сотрудники органов внутренних дел выбили боевиков. Камень там добывался следующим способом: с большой высоты каменные валуны сбрасывали в трубу, внутри которой были приварены прочные металлические штыри, о них валуны и разбивались. Нередко на эти самые штыри боевики сбрасывали пленных российских солдат и офицеров... вот почему с каменоломни никто живым не возвращался. Именно там и погиб лейтенант Владимир Ляпшин.

Член Общественного совета при УМВД России по Брянской области, заведующий отделом по связям с правоохранительными органами Брянской Епархии иеромонах Леонид два года срочной службы провёл на Северном Кавказе и сам не понаслышке знает о том, с какой опасностью приходится сталкиваться стражам порядка. Отец Леонид поблагодарил московских гостей за высоко нравственную, патриотическую картину и подарил создателям фильма иконы преподобного Александра Пересвета.

Председатель общественного совета при УМВД России по Брянской области, руководитель областной общественной писательской организации Союза писателей России Владимир Сорочкин подчеркнул, что «Брянская повесть» – это высокохудожественное произведение, благодаря которому зритель понимает, что такие вечные человеческие качества, как долг и честь, всегда останутся востребованными, какими бы сложными ни были времена.

После окончания просмотра брянские полицейские поблагодарили гостей за их труд. Заместитель командира ОМОНа УМВД полковник полиции Андрей Шумилин вручил на память Александру Смолко, Сергею Зайцеву и Николаю Иванову специальные вымпелы с атрибутикой брянского ОМОНа.

Опытным глазом Николай Фёдорович заметил среди зрителей сотрудника ОМОНа УМВД майора полиции Алексея Митина, у которого на груди орденская планка медали «За отвагу».

– Сразу видно, боевой офицер! – пожимая руку майору, сказал Николай Иванов.

Алексей Митин предложил, чтобы каждый раз перед отправлением в командировку на Северный Кавказ сотрудникам полиции демонстрировали «Брянскую повесть».

– В фильме прозвучало: патриотизм – это акт нравственного самоопределения. Этими словами сказано всё, – подчеркнул Митин.

А что? Замечательная идея! Ведь есть у космонавтов добрая традиция, перед каждым полётом в космос смотреть художественный фильм «Белое солнце пустыни», пусть и у брянских полицейских будет свой фильм!

«"Брянская повесть" - среди своих героев» – под таким заголовком была дана информация о просмотре фильма в одном из районных городов области [<http://bryansk.bezformata.ru/listnews/bryanskaya-povest-sredi-svoih/6597069/>]:

Несколько иная атмосфера царила в Почепе, ведь на просмотр фильма приехали родители погибшего лейтенанта, его учителя, родственники, друзья детства. Посмотрели фильм и родители других погибших в «горячих точках» ребят – уроженцев Почепа.

Да и продюсер фильма, автор его идеи А.К. Смолко – сам уроженец Почепа, и его работу в кино тоже пришли оценить родственники.

По единодушному общему мнению, фильм сумел затронуть сердца зрителей, напитать их гордостью за свой родной край, его героев.

Единомысленники - русский народ

**С родными
Владимира Ляпшина
перед показом фильма**

Из многих источников мне было известно о содержании фильма, о мягкости подачи горьких событий в жизни героя Николая Иванова, о встрече с родителями погибшего защитника Отечества, но... увидеть это своими глазами оставалось пока мечтой. И как учитель радуюсь своим ученикам, которые помнят меня и щедро делятся тем, чем могут поделиться: Татьяна Глазова подарила диск с фильмом «Брянская повесть» от телерадиокомпании «Брянская Губерния». Смотрела много раз с карандашом в руках. Не все ещё смыслы вычитала (высмотрела), но фильм потрясающий!!! Жалела лишь о том, что за кадром звучал голос, не принадлежащий герою, но потом поняла стратегический ход создателей: интонации, передающие идею замысла, очень точные, и казалось, что это повествование от первого лица. Художественный образ человечности выполнен на «ОТЛИЧНО»! Низкий поклон вам, Созидатели!

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫМ ЛЮДЯМ, ИМЕЮЩИМ ОТНОШЕНИЕ К ФИЛЬМУ «БРЯНСКАЯ ПОВЕСТЬ»

Вашу «Брянскую повесть» ждала больше года,
Вот и выпало счастье на долю мою
Всё увидеть самой, где любовь и погода,
Где святая заря у судьбы на краю.

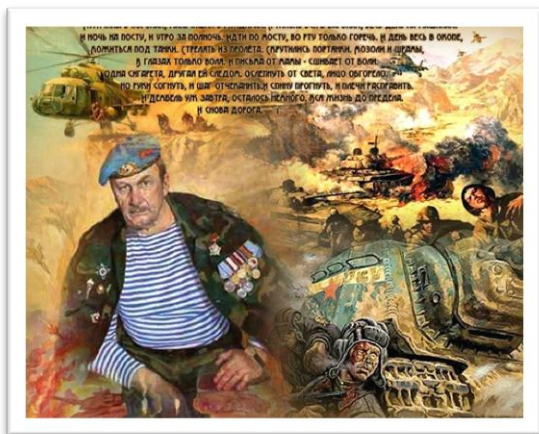
Ваша «Брянская повесть» пленит мою душу:
То, что слышу за кадром, как будто со мной,
Всё со мной происходит, но я не нарушу
Дорогой стороны благодатный покой.

Всё смотрю и смотрю вашу «Брянскую повесть»,
Не глазами, а сердцем тревожно смотрю.
И ведёт по земле меня чистая Совесть,
Чтоб сквозь темень стекла мне увидеть зарю.

Я по брянской земле прошагала немало,
О дорогах её тихо память храню.
Ваша «Брянская повесть» – исток и начало,
Чтобы сердце не прятать в стальную броню.
29 октября 2013

Уже немало прописан путь биографического автора, но это сотая доля, а может быть, тысячная того, что есть сейчас.

Не надо далеко ходить. 11 января – день рождения художника. Я пишу поздравление, желаю творческого подъёма, а мне со словами благодарности приходит... портрет Николая Фёдоровича: *«Высылаю Вам картинку, которую нашёл в интернете сделанную кем-то с наложением моего портрета».* Но... Смотрите сами:

В первых числах октября 2015 года на сайте «Российский писатель» появилась публикация **Николая Иванова** «*За низкие моральные качества*», но рассказ начну с комментария **Александра Борисовича Кердана**, военного, автора стихов и прозы, сопредседателя Союза писателей России, координатора Ассоциации писателей Урала [<http://www.rospisatel.ru/kerdan-stihi.htm>], а в 1993 году – сотрудника того журнала, главным редактором которого был наш земляк, герой этой повести: «*Дорогой Николай! Помню твой настоящий офицерский поступок, как будто это было вчера... Как переживали мы за тебя - твои тогдашние подчинённые, каким «тихим репрессиям» со стороны Ткачёва подверглись все, кого посчитали «командой Иванова», после того, как тебя ушли... Но ведь ты как Главный редактор журнала «Честь имею», сын брянских партизан, ветеран Афгана просто не мог поступить иначе! Герой, что ещё могу сказать!»*

А я вспоминаю минуты холодного начала февраля 2012 года... Но вначале «*Из переписки с Н.Ф. Ивановым*»:

Н.В. Дата: *Thu, 02 Feb 2012 12:22:41 +0400*

Здравствуйте, уважаемый Николай Фёдорович! Я веду курс «Литературное краеведение» и должна говорить о писателях и

поэтах Брянщины и земляках, где бы они ни жили. Студенты очень хотят встретиться с писателем Николаем Ивановым. Когда это возможно?

Н. И. *Дата: Thu, 02 Feb 2012 23:22:23*

Нина Петровна, абсолютно с Вами согласен: будем действовать на благо брянской литературы!!! Составьте удобный график, когда ребятам желательно моё присутствие – утро, обед, вечер... Какие дни недели. В феврале точно буду ещё в Брянске.

Н.В. *Дата: Fri, 03 Feb 2012 19:00:10*

Удобно ли 13, 14 или 17 февраля для проведения Встречи в библиотеке университета. Есть ли другие варианты? Тогда буду думать.

Н. И. *Дата: Fri, 03 Feb 2012 19:00:12*

Эти дни крайне неудобны: 8 числа еду в Севск, 9-го работаю в Суземке. Если только 10: заверну с трассы на встречу, и опять на Москву... Потом приеду в Суземку 26 февраля и буду безвыездно до 2 марта.

Встречу можно сделать как презентацию фильма «Брянская повесть». Он идёт 37 минут – вся история и литература Брянщины. А потом вопросы... Как этот вариант?

Н.В. *Дата: Fri, 03 Feb 2012 23:16:38*

Встреча по Вашему сценарию 10-го числа вполне подходит, только уточним время. Нужно ли официальное приглашение? Я подготовлю Благодарственное письмо от БГУ о состоявшейся встрече.

Н.И. *Дата: Fri, 03 Feb 2012 23:24:58*

Встреча возможна в период с 10 утра до 14.00, дальше уже поздно – надо мчаться на Москву. Думаю, что займёт не более полутора часов. Нужен проектор и экран. Фильм записан на диске. Никаких бумаг готовить не нужно. Можно поблагодарить Брянское землячество и персонально режиссёра Сергея Зайцева за фильм... Сколько будет народу, и какой возраст, и какой факультет?

Н.В. *Дата: Fri, 03 Feb 2012 23:38:38*

Тогда мы организуем встречу в 10:00 в читальном зале библиотеки, народу до 60 человек, возраст 17 – 30, факультет социально-педагогический и филологический. Всё для показа подготовим. Благодарственные письма тоже.

Н.И. *Дата: Fri, 03 Feb 2012 23:43:39*

Договорились. Контрольный звонок – 8 февраля, я уже буду в Севске...

В назначенный мне час захожу в отдел воспитательной работы по поводу окончательного решения, а в это время проректор по социальным вопросам, воспитательной и внеучебной работе БГУ Людмила Анатольевна Зятева с экрана компьютера читает заметку о том, что приглашаемый мной к студентам Николай Фёдорович Иванов (оказывается!!!) уволен из армии «за низкие моральные качества». А потом медленно поворачивается в мою сторону, и я слышу её слова, которые звучат как *обвинение за мою недалёковидность*:

- Нет, накануне выборов мы не разрешаем Вам никого приглашать, тем более... – произнесла проректор, кандидат педагогических наук и показала на экран, где фото нашего земляка – серьёзный взгляд воина, и ордена с медалями на груди.

- А что Вы ещё вычитали из его биографии? – спрашиваю я. – Какие произведения Вам знакомы как учителю русского языка и

литературы? Прошло три недели после первого нашего разговора в этом кабинете!

- Нельзя! – звуки слова, казалось, покраснели за человека.

- Это и мой дом, Людмила Анатольевна! Вас ещё не было здесь, а я спасала книги библиотеки в 1976-ом, училась постигать Слово нашей великой литературы и работала здесь с 1980 по 1983 год председателем профкома студентов, а сейчас – преподавателем. Здесь защитила кандидатскую диссертацию. И неужели Вы думаете, что приведу в свой дом плохого человека?

Я не шла, а бежала по коридору, дыханию мешали спазмы и слёзы, а спиной слышала успокоительные слова работника этого же отдела по воспитательной работе о том, что не надо так реагировать, что встречу можно перенести на другое время.

- На какое? Мы очень мелко плаваем и не понимаем, не ведаем, что творим!

Вот тебе и договорились!!!

Пусть сейчас это прозвучит как просьба о прощении – тогда по телефону Николаю Фёдоровичу сказать не могла, хотя умному человеку ничего не надо объяснять.

Но в том же 2012 году, 7 мая, мне предложили как преподавателю поучаствовать в общеуниверситетском фестивале «Ради жизни на Земле», где читала новеллу «Золотистый золотой» и получила грамоту за участие. Стихотворение, написанное 22 мая 2011 г. в день Святого Николая Чудотворца было прочитано там впервые:

Семь нот «Золотистому золотому»
(рефлексия на прочитанную новеллу)

Я сказала не зря:

- Пусть Господь Вас хранит,

Пусть восходит заря,

Освещающая гранит,

На котором напишут

Святые слова:
«Пока молится Мать,
Сила правды жива!
Пока молится Мать,
Зажигая свечу,
Им Её не сломать,
И Ей всё по плечу:
В муках сына рожать
И, от счастья светясь,
За него не дрожать,
Пред иконой крестясь.

Но две силы в борьбе,
Зло хохочет в лицо,
И идёт по судьбе,
И сжигает крыльцо,
И под пули бросает,
Творя беспредел,
И натальный срывает...

Как отец поседел!
Что случилось с добром?
Почему не в чести?
А виски – серебром,
Но брести и брести,
Чтобы тот, кто погиб,
Не разбросанным был,
И ущелий изгиб
Зло во тьме не копил.

Догорает свеча,
Но не кончен рассказ:
То ль слеза горяча,
То ль в засаде спецназ.

Николай Чудотворец!
От беды нас храни...
Майским жарким лучом
Пропитался гранит,
На котором горят
Золотые слова:
«Пока молится Мать,
Сила правды жива!»

Время всё по местам расставляет. И **«низкие моральные качества»** в том числе (материал статьи Н.Ф. Иванова печатается с небольшим сокращением) [http://www.rospisatel.ru/ivanov_n-1993.htm]:

Все свои записи об октябрьских событиях я сжёг, опасаясь ареста. Остались только три приказа по журналу «Честь имею» («Советский воин»), которые вынес из редакции, когда в журнал уже ехала комиссия из Генштаба. Искать именно их...

Октябрь в той или иной степени прошёлся по каждому из нас. И у каждого он свой.

<...>

Мне передали слова Грачёва:

- Вот если он найдёт в российской армии хоть одного советского солдата, я оставляю название. А если хочет быть советским, пусть журнал финансирует Верховный Совет.

Презрительная рекомендация, как оказалось, была не случайной.

Когда стали задерживать приказы на воинские звание и финансирование, собрал коллектив редакции и дал задание: с каждого по три новых названия. Через день определились: учреждаем по Пикулю – «Честь имею».

Из приказа по редакции журнала «Советский воин»:

«...Лично я как главный редактор был против любого нового наименования и особенно в наше заполитизированное время. Однако сложившаяся ситуация продиктовала иное решение. И

сегодня я как ваш руководитель и начальник подчёркиваю, что смена названия – это не политический акт, а вынужденное подчинение ряду обстоятельств. Это тем более не означает смену ориентиров и позиции журнала... Вместе с тем не снимаю с себя ответственности за утрату привычного для многих поколений советских людей названия журнала и всё, что может быть оценено как негативное, я беру на себя, освобождая каждого подчиненного от моральной ответственности в свершившемся... Приказ размножить для каждого сотрудника редакции, кому предначертано было историей последними носить гордое и высокое звание сотрудника «Советского воина».

Поставил печать. Всё! 13 января 1993 года волей судьбы я оказался последним советским солдатом...

«Я – последний советский воин!» –

Так сказал наш земляк о себе.

Уважения России удостоен

И Союза ССР в своей судьбе.

Журнал «Советский воин»,

«Честь имею!» –

Был детищем и радостью всегда.

И посягать на это не посмеют

Завистники сквозь вехи и года.

Из приказа по редакции журнала «Честь имею»:

«Сегодняшние действия Президента, Верховного Главнокомандующего Ельцина Б.Н. по устранению законных органов власти считаю антиконституционными и антинародными. Моя должность и честь офицера требуют незамедлительной реакции. Не вижу для себя возможным находиться на данном посту в период, когда в стране воцаряется единоличная власть человека, политику которого я не разделяю и не поддерживаю. Исходя из этого, слагаю с себя полномочия главного редактора до полного восстановления конституционных норм...»

И ушёл к Белому Дому. Затем были 3 и 4 октября. И стихи Игоря Ляпина на стене Краснопресненского стадиона:

*«Ваши лица от гари серы,
Ваш противник буквально смят.
Что ж вы, русские офицеры,
Опускаете в землю взгляд?»**

5 числа меня, числящегося главным редактором, других главных редакторов московских военных изданий срочно вызвали в Генштаб:

- Надо незамедлительно дать материалы в поддержку министра обороны по поводу обстрела Белого Дома.

- Но вы понимаете, что я не буду этого делать в журнале с названием «Честь имею»!

- Подполковник!!! Что вы себе позволяете! Это приказ министра обороны.

*...Что ж вы, русские офицеры,
Опускаете в землю взгляд...*

- Я уже написал приказ о снятии себя с должности. Потому печатать материалы не стану.

Я не успел доехать до редакции на «Беговой», как позвонили кадровики:

- Придите распишитесь. Вы уволены из Вооруженных Сил. «За низкие моральные качества».

- Извините, я написал «Снять меня с должности». Но не уволить из армии. Мне погоны давал не этот министр обороны. А как участнику боевых действий вы обязаны предложить мне минимум две должности.

- В Чите?

В итоге приказ переделали, назначив на самую низшую должность в военной журналистике (с 28 разряда на 13-й). Затем в «связи с трудностями в финансировании должности» её сократили и меня уже по сокращению штатов уволили из армии. Комиссия Генштаба долго работала в редакции, выискивая красные знамёна и мои приказы и распоряжения. Однако последний приказ, зачитав коллективу, унёс с собой.

Из приказа по редакции журнала «Честь имею»:

«...По стечению обстоятельств вынужден прервать своё руководство журналом. Как офицер и человек считаю свой поступок единственно верным. Допускаю его некоторую уязвимость как руководителя, но за всё доброе, что сделал для редакции, прошу понять и простить...»

Расписался и поставил печать. «Честь имею». На следующий день журнал уже начали перерегистрировать в «Воин». Просто «Воин»...

А тот стих Игоря Ляпина я люблю. Бог миловал - вроде не про меня...

Про Вас такого не напишут, Николай Фёдорович!

РАСПЛАТА

Игорь Ляпин

Ваши лица от гари серы,
Ваш противник буквально смят.
Что ж вы, русские офицеры,
Опускаете в землю взгляд?

Вам хватило солдат отважных,
Были фланги и тыл крепки.
Что ж играют на скулах ваших
Напряжённые желваки?

Руки целы, и ноги целы,
Вашей тактике нет цены.
Что ж вы, русские офицеры,
Так победой удручены?

Вот на этом высоком месте
Над рассветной рекой Москвой
Вы закон офицерской чести
Раздавили своей бронёй,

Орудийным разбили громом.
И народ не забудет, как
Над пылающим Белым Домом
Развевался российский флаг.

Вы, конечно, достигли цели
В этот горький от горя час.
Только, русские офицеры,
И расплата настигнет вас.

Ваш приказ раздавался глухо,
Но уже никогда не скрыть,
Что у вас не хватило духа
Эту бойню остановить.

Ваши губы уже немеют,
И на всём остальном пути
Вам высокое «Честь имею!»
Не позволят произнести.

Николай Иванов воевал в Афганистане, и с 1981 года не даёт покоя писателю его образ, огромный мир по-прежнему остаётся горячей точкой, дышащим вулканом, а сердечный ритм автора отчётливо слышен в написанных им произведениях не только о далёком-близком государстве, но и о дне сегодняшнем в нашей с вами России.

Библиографический список составлять трудно – великая страна и великий писатель, произведения печатаются в разных издательствах, журналах здесь и за рубежом. Укажем электронные каталоги некоторых из них и представим библиографический список произведений автора:

- *Российская государственная библиотека*

[<http://old.rsl.ru/table.jsp?f=1003&t=3&v0=Иванов%2С+Николай+Федорович&f=1003&t=1&v1=&f=4&t=2&v2=&f=21&t=3&v3=&f=1016&t=3&v4=&f=1016&t=3&v5=&cc=a1&i=41&s=2&ss=31&ce=4>];

- *Иркутская областная универсальная научная библиотека им.*

И.И. Молчанова-Сибирского (5 книг)

[http://i.irklib.ru/cgi/irbis64r_61/cgiirbis_64.exe?LNG=&Z21ID=&I21DBN=IBIS&P21DBN=IBIS&S21STN=1&S21REF=5&S21FMT=fullwebr&C21COM=S&S21CNR=10&S21P01=0&S21P02=1&S21P03=A=&S21STR=Иванов,%20Николай%20Федорович];

- *Гоголевка в Новокузнецке*

[http://www.gogolevka.ru/catalog/search/?_p=1&subj=полиция],

- *Брянская областная научная универсальная библиотека им.*

Ф.И. Тютчева [chz (chz@libryansk.ru)].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ПРОИЗВЕДЕНИЙ АВТОРА

(в хронологической последовательности на декабрь 2015 года)

1. Иванов, Н. *Гроза над Гиндукушем: повесть* /Николай Иванов //Октябрь. – 1984. – № 12. – С. 3 – 25.

Иванов, Н. Ф. *Гроза над Гиндукушем: повесть.* – М.: Советский воин. 1986. – 96 с. – Библиотечка журнала «Советский воин».

2. Иванов, Н. *Рассветы Саура: повесть* /Николай Иванов //Октябрь. – 1986. – № 6. – С. 63 – 85.

Иванов, Н.Ф. *Рассветы Саура: повести.* – М.: Современник, 1987. – 240 с. – (Новинки «Современника»).

3. Иванов, Н.Ф., Третьяков, Ю.В. *На приказ отвечаем: «Есть!»* – М.: Воениздат, 1988. – 388 с. – 1/ 328.

4. Иванов, Н.Ф. *Десант выбирает нас: записки солдата* / Н.Ф. Иванов. – М.: Изд-во ДОСААФ СССР, 1989. – 94 с. – (Б-чка призывника).

5. Иванов, Н.Ф., Сафонов, Э.И. *Долги. День за три*: повести. – М.: Советский воин, 1990. – 160 с.

6. Иванов, Н.Ф. *«Алькор» принимает вызов*. – М.: Патриот, 1991. – 355с.

7. Иванов, Н.Ф. *Чёрные береты*: детективный роман. – М.: Издательство ЭКСМО, 1995. – Издано в сборнике «Департамент налоговой полиции».

Иванов, Н.Ф. *Чёрные береты*: детективный роман. – М.: Издательство ЭКСМО, 1996.

Иванов, Н.Ф. *Чёрные береты*: детективный роман. – Минск: Литература, 1997. – 448 с. – (Новый русский детектив).

8. Иванов Н.Ф. (под псевдонимом Капитан Н.) – *«Женский пляж»*: рассказы. Издательство «Граница». Библиотечка журнала «Пограничник». 1993 г. 96 с.

Иванов Н.Ф. (под псевдонимом Капитан Н.) – *«Женский пляж»*: рассказы. Библиотечка журнала «Советский воин». 1993 г. 169 с.

9. Иванов, Н.Ф. *Операцию «Шторм» начать раньше*: роман / Николай Иванов. –М.: Воениздат, 1993. – 382 с. – (Детектив. Приключения);

Иванов, Н.Ф. *Афганский шторм*. – М.: Издательство АСТ, 2011);

Иванов, Н. Ф. *«Шторм» начать раньше...* / Николай Иванов. – Москва: Вече, 2014. – 477 с.; 20 см. – (Военные приключения).

10. Иванов, Н. Ф. *Департамент налоговой полиции*: романы. – М.: ЭКСМО, 1995. – 432 с. (Чёрная кошка).

11. Иванов, Н.Ф. *Марсейка*, 12. *Срочно...* [роман-трилогия] – М.: Торговый дом «Локид», 1996. – 521 с. – (Современный российский детектив).

12. Иванов, Н. Ф. *Наружка*: роман. – М.: ЭКСМО, 1996. – 484 с.;
Иванов, Н. Ф. *Наружка*: [Роман] / Николай Иванов / – М.: Олимп: АСТ, 2000. – 272 с.

13. Иванов, Н.Ф. *Вход в плен бесплатный, или Расстрелять в ноябре* (1997 – «Роман-газета», 1998, № 4. – С. 1- 47).

Иванов, Н.Ф. *Расстрелять в ноябре*: [Повести] / Николай Иванов / М.: ЭКСМО, 1997.

Иванов, Н.Ф. *Вход в плен бесплатный*: [Повесть] / Николай Иванов / М.: Армада-Пресс, 2001.

Иванов, Н.Ф. *Расстрелять в ноябре*: повесть. – М.: ЭКСМО, 2008. – 288 с. – (Чечня).

14. Иванов, Н.Ф. *Спецназ, который не вернется*: повесть. – М.: ЭКСМО-Пресс, 1997. – 320 с. – (Спецназ).

Иванов, Н.Ф. *Спецназ, который не вернётся* (1997 – «Роман-газета», 1998, №15;).

Иванов, Н.Ф. *Спецназ, который не вернётся* / Николай Иванов / М.: Армада-пресс, 2001.

15. Иванов, Н.Ф. *Взять на мушку*: [Роман] / Николай Иванов / М.: ЭКСМО, 1997.

16. Иванов, Н.Ф. *«Генералы горячих точек*: [О В.В. Овчинникове]» – М., 1998, – 108 с.

17. Иванов, Н.Ф. *Не ищите нас в раю*: [Роман] / Николай Иванов – ЭКСМО-Пресс, 1999. – (Русский бестселлер).

18. Иванов, Н.Ф. *Опасен при задержании*: [Повесть] / Николай Иванов / М.: ЭКСМО-пресс, 1999.

Иванов, Н.Ф. *Опасен при задержании*, 1999
<http://www.biblus.ru/Default.aspx?auth=1b199j3d2>.

Иванов, Н.Ф. *Опасен при задержании*: [Повесть] / Николай Иванов / М.: АСТ и др., 2000.

19. Иванов, Н.Ф. *Чистильщики* // Москва: Роман-газета. – 2000. – № 10. – 64 с., (2006).

20. Иванов, Н.Ф., *Запомните нас живыми...* Пьесы. Военно-художественная студия писателей Министерства обороны Российской федерации. – Москва, 2002 год. – 104 с.

21. Иванов, Н.Ф. *«Амур» собирает Россию*/ Н.Ф. Иванов; фот. Н. Иванова и др.; Гос. служба дорож. хоз-ва М-ва трансп. Рос. Федерации (Росавтодор). – Москва: б. и., 2003. – 200 с.: ил.

22. Иванов, Н.Ф. *Кавказ. Укрощение стихии.*– М.: ТТ, 2003. – 178 с.: фото.

23. Иванов, Н.Ф., Денисов В.И. *Поклонимся великим тем годам.* – М.: Издательство «ВиАрт Плюс», 2005. – 165, илл.

24. Иванов, Н.Ф. *Мы вернёмся живыми*: Рассказы / Николай Иванов. – М.: Эксмо, 2006. – 384 с. – (Афган. Неизвестная война).

Иванов, Н.Ф. *Мы вернёмся живыми*: рассказы. – М.: ЭКСМО, 2007. – 352 с. – (Афган).

25. Иванов, Н.Ф. *Зачистка*: повести. – М.: ЭКСМО, 2007. – 168 с.

26. Иванов, Н. *Белый танец* (Вера, Надежда, Война) / Н. Иванов // Воин России. - 2007. - N 7. - С. 108-125.

27. Иванов, Н.Ф. *Чеченский бумеранг* [Текст] / Н.Ф. Иванов. - М.: Вече, 2001. – 414 с. – (Русский век).

Иванов, Н.Ф. *Чеченский бумеранг*. – М.: Издательский Дом «Вече», 2009. – 398 с.

Иванов, Н.Ф. *Чеченский бумеранг*. – АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ, 2011. – 384 с. – (Боевые береты).

28. Иванов, Н.Ф. *Дела земные*: рассказ / Н. Ф. Иванов; подготовила М. Переясллова // Москва. – 2011. – N 12. – С. 192-197: 1 фото.

29. Иванов, Н.Ф. *Семь нот о любви*: [новеллы]. – М., Издание осуществлено Федерацией сильнейших атлетов России». Издательство «Вишнёвый пирог». 2012. – 78 с.

30. Иванов, Н.Ф. *Нам дороги эти позабыть нельзя*. – М.: Худож. лит., 2011. – 127 с. 6 ил.: фото.

31. Иванов, Н. Ф. *Московский излом*. М.: АСТ: Полиграфиздат, 2011. – 282 с. – (Боевые береты).

32. Иванов, Н.Ф. *Брянская повесть*: новелла. – М.: [б.и.], 2013. – 24 с.

Иванов, Н.Ф. *Брянская повесть*: новелла. – Минск // Неман. – 2013. - № 5. – с. 6 – 15[http://www.lim.by/limbyfiles/nem5_2013.pdf].

33. Иванов, Н.Ф. Овчарова Н.И. *Прохоровское поле: Да святится имя твое*. – Белгород, «Константа». – 2013 год. – 178 с., илл.

Иванов, Н.Ф. *Прохоровское поле: Да святится имя твое*.– Белгород, «Константа». – 2015 год. Издание 2-е, исправленное и дополненное. – 196 с., илл.

34. Иванов, Н.Ф. *Спас-на-Любви* Пьеса (2014) – http://www.rospisatel.ru/ivanov_n-pjesa.htm.

35. Иванов, Н.Ф. Комбатанты. –http://www.rospisatel.ru/ivanov_n-kom.htm. - 2013.

36. Иванов, Н.Ф. *Новеллы цвета хаки*: новеллы. – Брянск: Областная писательская организация Союза писателей России. 2014. – 165 с.

37. Иванов, Н. Ф. *Контрольный выстрел*: романы. – М.: Вече, 2015. – 318 с. – (Военные приключения).

38. Иванов, Н.Ф. *Золушки объекта 217. Повесть*. – Альманах «Подвиг». Издательство «Сельская молодежь». 2015 г. 4 – 127 с.

39. Иванов, Н.Ф. *Партер. Седьмой ряд*. –http://www.rospisatel.ru/ivanov_n-novella.htm. – 2015.

В журнале писателей России «Наш современник» опубликованы произведения Николая Фёдоровича Иванова:

1997, № 3. *Вход в плен бесплатный*: документальная повесть / Николай Иванов // Наш современник. – С. 3 – 33; № 4. – С. 36 – 70.

2007, №5 – *Зачистка*: Повесть. – С.33.

2011, № 2 – *Тот, кто стреляет первым*: рассказы. – С. 6 – 11; *Золотистый золотой* (С. 11 – 13); *Тузы бубновые* (С. 14 – 17); *Контрольный выстрел* (С. 17 – 21); *Вера. Надежда. Война* (С. 24 –28); *Дела земные; Помяни, Господи...* (С. 28 – 29).

2013, № 10 – *Брянский рейд*: повесть. – С. 11 – 19.

2014, № 12– *Засечная черта*: новелла. – С. 38 – 47.

Журнал «Берега», главным редактором которого является **Лидия Довыденко**, дарит радость прочтения новелл Николая Иванова, написанных в последние два года:

Иванов, Н.Ф. *Крейсер Крым. Крейсер Победа // Берега*. Литературно-художественный и общественно-политический журнал. – 2014. – № 4. С. 6 – 16.

Иванов, Н.Ф. *Засечная черта // Берега*. Литературно-художественный и общественно-политический журнал. – 2014. – № 6. С. 18 – 26.

Иванов, Н.Ф. *Камерный полковник. Главы из романа // Берега*. Литературно-художественный и общественно-политический журнал. – 2015. – № 4 (10). С. 24 – 37.

Иванов, Н.Ф. *Партер. Седьмой ряд // Берега*. Литературно-художественный и общественно-политический журнал. – 2015. – № 6 (12). С. 16 – 19.

Автор **тридцати девяти книг** прозы и драматургии. В Уссурийске и Брянске режиссёрами драматических театров был поставлен спектакль «Белый танец». Но лучше давайте совершим путешествие по годам:

ДРАМАТУРГИЯ НИКОЛАЯ ИВАНОВА

2007

- 16 февраля – приказ Директора Брянского областного драматического театра о начале работы над пьесой «Белый танец. (Вера. Надежда. Война)»;

- 20 апреля – **премьера спектакля**. (Показы: 20, 24, 28 апреля, 4, 7 (утро), вечер – благотворительный показ ветеранам, 18, 23 мая, 13 июня, 16, 20 сентября – показ на гастролях в Витебске, 30 октября, 21 ноября, 11 декабря);

- 23 мая – участие спектакля в 15-ом Международном фестивале «Славянские театральные встречи» (г. Брянск). Приз за лучшую роль второго плана – Бауди. Специальный приз

губернатора Брянской области «За верность военно-историческим традициям»;

- 10 ноября – церемония награждения победителей в премии В. Розова «Хрустальная роза». Бауди – премия за лучшую мужскую роль;

- 2 место в конкурсе пьес в честь 70-летия Краснодарского края (ноябрь).

2008

- показы спектакля в БТД – 17 января, 15, 24 февраля, 13 марта, 4, 24 (Трубчевск), 25 (Севск) мая, 3 июня, 20-28 октября (Новозыбков, Унеча, Клинцы);

- Премия «Успех» за лучшее сценическое оформление спектакля (27 марта);

- Премия Бояна – 25 мая.

2009

- показы спектакля в БТД – 17 марта, 6 мая, 22 сентября (Дятьково), 23 сентября (Фокино), 20 октября, 15 декабря.

2010

- показы спектакля в БТД – 21 января, 19 февраля (Бежица, БМЗ), 20 февраля, 17 марта, 14 апреля (Москва).

2011

- показы спектакля в БТД – 24 января (кадеты), 1 февраля.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРЕМИИ

Биографический автор – лауреат многих литературных премий:

имени Н. Островского (1985)

«Гроза над Гиндукушем» – первая книга молодого прозаика. За эту повесть автор удостоен премии на Всесоюзном

литературном конкурсе имени Н. Островского. В ней рассказывается о мужестве и отваге советских воинов-десантников, выполняющих интернациональный долг в Афганистане.

Самого же автора именуют **Солдатом Мира**.

имени М. Булгакова (1987). В 1985 году клуб «Феникс» им. М.А. Булгакова учредил общественную премию имени Михаила Булгакова. **В начале 90-х газета «Гудок»** также учредила премию им. Булгакова. Эти премии нисколько не противоречат друг другу. «Гудок» присуждает премию **профессиональным журналистам**.

Всероссийская литературная премия «Сталинград». Присуждена в **1997 году** решением правления Союза писателей России и Волгоградской администрации писателю Н.Ф. Иванову за повесть *«Вход в плен бесплатный, или Расстрелять в ноябре»* и другие произведения [<http://volglib.ru/files/Premia%20Stalingrad.pdf>]. Данная премия ежегодно присуждается за выдающиеся произведения о мужестве, героизме и стойкости наших соотечественников.

29 апреля 2011 г. в Камерном театре Объединенного Музея писателей Урала в Екатеринбурге состоялась первая церемония вручения **Всероссийской литературной премии имени Венедикта Станцева**, военного журналиста и писателя, где участник боевых действий в Чечне, автор сборника лирических новелл *«Семь нот о любви»* Николай Фёдорович Иванов стал первым лауреатом премии. Премия учреждена в апреле 2010 года Координационным Советом Ассоциации писателей Урала, дирекцией Уральского отделения Литературного фонда России и дочерью поэта Еленой Венедиктовной Григорьевой. «Учреждение этой премии – не только дань уважения нашему выдающемуся земляку, поэту, человеку исключительных свойств характера, – рассказал Александр Кердан. – Премия имени

Венедикта Станцева служит прежде всего делу пропаганды культуры и литературы на Урале и в России, делу патриотического воспитания молодежи.

[<http://www.justmedia.ru/news/culture/2011/04/26/88063>;
http://www.egd.ru/about/lenta/_aview_b421]

Третья премия ФСБ за 2010 год в номинации **«Художественная литература и журналистика»** была присуждена автору и составителю литературного сборника **«Высокое слово правды»**, Издательский дом «Российский писатель», 2010г., заместителю председателя правления Союза писателей России полковнику Николаю Иванову.

Материал автора **«Писателю важно самому проползти под пулями, а не сидеть и придумывать...»**

опубликован в журнале «ФСБ За и Против» – № 5 [16]_декабрь_2011.

[<http://lubyanka.org/news-text/vruchenie-premii-fsb-rossii>]

[<http://www.fsb.ru/fsb/premiya/2010.htm>]

[<http://booktracker.org/viewtopic.php?t=54519>]

24 мая 2012 г. в Государственной думе РФ состоялось награждение лауреатов **Четвертого международного конкурса детской и юношеской художественной и научно-популярной литературы им. А.Н. Толстого**, среди которых назван и наш земляк, Н.Ф. Иванов, в номинации **«Художественная проза для юношества»** – за повесть о военных событиях в Чечне **«Вход в плен бесплатный, или Расстрелять в ноябре»**.

Важность такого события подтверждается словами, сказанными председателем оргкомитета конкурса и членом

Молодежной общественной палаты России *Михаилом Синицыным*: «Подобные конкурсы показывают, что детская литература сегодня жива, а писатели ставят перед собой серьезные задачи. Сам конкурс с такой высокой морально-этической планкой был бы невозможен без сподвижничества наших авторов».

[<http://www.rospisatel.ru/k-t.htm>]

Председатель Попечительского совета Николай Рыжков и губернатор Белогорья Евгений Савченко вручили премию **«Прохоровское поле» 2012 года** Иванову Николаю Фёдоровичу (Москва), автору романов «Афганский шторм», «Чеченский бумеранг», «Московский излом».

Высокого рода слова сказаны Александром Бобровым о духовном мире лауреатов премии «Прохоровское поле», настоящих бойцах видимого фронта с открытой позицией автора-творца. За названиями произведений – Россия!

[Лауреаты премии «Прохоровское поле» за 2012 год]
read.bgunb.ru»sources...31.03.2014_15_41/2012.pdf
<http://www.rospisatel.ru/bobrov-prohorovka.htm>]

Лауреатом 2013 года премии имени Юлиана Семёнова в области экстремальной журналистики впервые стал писатель – сопредседатель правления Союза писателей России Николай Иванов. Учрежденная Культурным Фондом Юлиана Семёнова и Союзом журналистов Москвы, премия присуждается за проявленное мужество в экстремальных ситуациях при выполнении служебных обязанностей.

«Полковник Николай Иванов – писатель, пришедший в литературу из военной журналистики, но никогда не оставляющий её. И премия отечественного родоначальника «журналистских расследований» Юлиана Семёнова стала достойной наградой военному писателю».

[<http://www.specnaz.ru/articles/226/2/2276.htm>]

[<http://www.bryanskzem.ru/news/714--150114>]

Приятный тембр голоса лауреата премии писателя и журналиста можно послушать в «Вечернем дилижансе».

[<https://www.youtube.com/watch?v=N-rtwTC3wRo>]

Был полковником налоговой полиции России. Прошёл чеченский плен, о мерзостях которого с болью читаешь в документальной повести «Вход в плен бесплатный, или Расстрелять в ноябре».

Награждён орденом «За службу Родине в ВС СССР» III степени, медалью «За отвагу», знаком ЦК ВЛКСМ «Воинская доблесть».

Награждён **знаком губернатора Московской области Б. Громова «Благодарю»**. Во время конфликта Грузии с Южной Осетией в 2008 году в качестве специального корреспондента журнала «Подмосковье» выехал в Цхинвал с первой колонной гуманитарной помощи. Естественно, после этой поездки он стал организатором и выездного Пленума Союза писателей России в Южной Осетии и Беслане: для Иванова делиться впечатлениями с коллегами по перу так же естественно, как и патронами во время боя. Ещё раз в Цхинвал он поедет уже делиться опытом работы в экстремальных условиях с местными жителями.

[<http://www.bryanskzem.ru/news/714--150114>]

[http://wikimo.ru/wiki/Законодательство:Правовой_акт_ru50000_200400245_от_26.05.2004]

Все поздравления [<http://www.rospisatel.ru/sob206.htm>], присланные в адрес уникального экстремального журналиста, прокомментированы так:

Дорогие друзья!

Когда я слышу от кого-то, что вокруг все сволочи, я всегда улыбаюсь и отвечаю: а вот вокруг меня настоящие друзья, которые и из могилы вытащили, собой рискуя, и всегда распахнуты на просьбу. От других-иных просто отхожу...

Спасибо большое за отклики. Это воистину счастье – иметь друзей, радующихся за тебя и вместе с тобой.

Премия совершенно случайная. Она не литературная, она «пришла» как бы со стороны. Тем более, что среди моих друзей и знакомых десятки офицеров, которые живут не менее напряженной и связанной с рисками жизнью, и в нашем кругу это не считается чем-то необычным. Перед ними немного неудобно, но что свершилось, то свершилось.

Еще раз кланяюсь всем – и написавшим, и позвонившим. Удачи всем, друзья. А настоящая литература военной направленности и впрямь требует того, чтобы идти за буквами и «по острию каната» (фраза моего десантного редактора, который посылал меня на боевые в Афгане). Николай ИВАНОВ

За книгу "Амур" собирает Россию» становится лауреатом «Имперской премии» им. Э.Володина.

Во время наводнения на Северном Кавказе в 2002 году создавал пресс-центр Росавтодора (в Ставрополе), итогом этой работы стала его книга «Кавказ. Укрощение стихии». На следующий год он отправляется в поездку от Читы до Хабаровска (2500 км) по строящейся магистрали «Амур».

[<http://www.bryanskzem.ru/news/714-150114>]

Имя Николая Фёдоровича Иванова по праву занимает место в списке лучших имён – ведущих мастеров детективного жанра, список которых более пятидесяти. И возникает чувство гордости,

счастья, радости от общения с героями его произведений, и рождаются стихи по прочтении:

ПИСАТЕЛЮ

Высок удел писателя-таланта!
К вершинам прозаической строки
Стремимся, как военный к аксельбантам,
Но не дойти без авторской руки.
Писатель мудр, ему даётся свыше
Не поучать, а жизнь принять такой,
Чтоб Слова смысла, чести не нарушить,
Чтоб поселился благодный покой
В душе читателя, когда исполнен веры:
Он за героя в воду и в огонь –
Тому на свете множество примеров...
Ах, память сердца! Только её тронь,
И потекут, что реки, наши слёзы,
Не принимая смерти рваный рот.
Стремимся отвести беду, угрозы, –
Не волен автор, чтоб наоборот.
И потому в художника пространстве –
Реальность через думы и талант.
Читатель с неизменным постоянством
Рисует и рисует аксельбант.
Душа всегда и плакала, и пела,
Когда с героем мы – в одном строю.
Сердечный ритм, не нарушай пробела –
Писатель на странице, как в бою.

21 мая 2014 года 02:29

Биографический автор – это реальный человек с неповторимым внутренним миром и психологическим укладом; писатель, живущий в определённом социокультурном пространстве, включённый в литературный контекст, обладающий теми или иными эстетическими установками и специфическим мировоззрением.

АВТОР ВНУТРИТЕКСТОВЫЙ (ИММАНЕНТНЫЙ)

Художник слова, творческая личность, которая существует во внехудожественной, первично-эмпирической реальности, носит имя *автора внутритекстового (имманентного)*, его образ рассматривается как эстетическая категория в широком и узком (конкретном, частном) значении. В широком – это устроитель, воплотитель и выразитель *эмоционально-смысловой целостности, единства данного художественного произведения*. Он выступает как *автор-творец*. Не случайно говорят о «присутствии» автора как творящего и завершающего начала произведения как целого. Например, в новеллах «*Брянская повесть*», «*Контрольный выстрел*», «*Засечная черта*» чувствуется живое присутствие автора, а автор биографический, Н.Ф. Иванов, теряет над ним власть, не может влиять на судьбу произведения, на его реальную жизнь в среде читателей. Когда *автор-творец* изображает в произведении себя, то говорят об *образе автора как персонаже* художественного произведения, который рассматривается в ряду других действующих лиц.

Персонажи, как правило, подразделяются на главных, второстепенных, эпизодических, внесценических. Термин *персонаж* употребляется по отношению не к главным, а второстепенным действующим лицам.

Одна точка зрения (С.П. Белокуровой) заключается в том, что *автор-персонаж* может быть предельно сближен с биографическим автором или намеренно отдалён от него.

Другая мысль проводится Н.Г. Мельниковым, что *образ автора занимает особое место в образном мире художественного произведения*; он возвышается над персонажами, занимает позицию всевидящего соглядатая, определяет особенности повествования: *последовательность и полноту изложения фактов, чередование описаний, рассуждений и сценических эпизодов, передачу прямой речи, «внутренних монологов» персонажей и т.д.* Нередко автор

тормозит сюжетное действие, отодвигает героев на второй план, открыто вторгается в повествование со своими оценками описываемых событий, прямыми характеристиками действующих в произведении лиц, отвлеченными рассуждениями философского, морального и даже личного, автобиографического характера. Иногда под понятием *автор* подразумевают единство художественного мира писателя, и тогда имя его воспринимается как обозначение, как «знак художественной системы» (Г.А. Гуковский).

В лирическом произведении эта форма обозначается терминами «лирический субъект», «лирический герой». В эпическом произведении мы встречаемся с *повествователем*, и автор являет собой целый и законченный образ – «особую индивидуальную, личностную и словесно-речевую структуру, пронизывающую строй художественного произведения и определяющую взаимосвязь всех его элементов» (В.В. Виноградов).

Автор рассматривается как основа единства и целостности литературного произведения. Его «внеаходимость» (М.М. Бахтин) и одновременно проявленность ощущается в каждом первоэлементе текста, на всех уровнях. Он остаётся главной оценочно-идеологической инстанцией, его смысловым центром, неразложимым смысловым ядром, который обладает определённой степенью автономности по отношению к своему создателю, выявляется в процессе читательского восприятия и предполагает многообразие истолкований. И в сознании читателя, по мнению М.М. Бахтина, как *эстетическая категория (так называемый образ автора – изображение себя автором-творцом)*, как «*принцип, долженствующий быть осуществлённым*».

Автор, создавший текст, объективно теряет над ним власть, он не волен уже влиять на судьбу своего произведения, на его реальную жизнь в читающем мире.

Вопрос Николаю Фёдоровичу Иванову:

Теряется ли ощущение себя как автора биографического в процессе создания образа героя? Если да, как переходит автор биографический в внутритекстового?

Конечно же, образ героя в процессе работы над произведением «проверяет» и самого автора. «А как бы я лично поступил в этой ситуации?» – стандартная ситуация для автора, когда герой загоняется в какой-то тупик. Легче, когда ты идентичен герою, когда вы одинаковы в своих мироощущениях. Себя приходится ломать, когда герой чуть иного возраста (хуже, когда моложе). И некоторые неоправданные, стыдливые даже для автора его поступки – это всего-навсего ступени роста самосознания героя, его мужания.

Из «Брянской повести»:

«А ты не летай быстрее своего ангела, – утихомирила попутчица, всё замечая. – Раз сдерживает в пути, значит, хранит от беды, которая может ждать впереди». – «Слева дозорными пошли дома с окраины Севска, и первый купол от Москвы – как раз **Крестовоздвиж...** Я не понял, почему вильнул хвостом летящий по трассе снежный вихрь. Но из него выпала, оторвавшись от общей колонны, последняя фура. Машина на глазах, перед глазами, стала крениться, хватать перепуганными колёсами воздух, перегораживать путь. **Я летел прямо под этот падающий двухэтажный дом, тормоза бессильно завизжали на скользкой трассе, меня закружило, и последнее, что увидел, – это обрыв. То ли крикнул, то ли подумал: «Всё!»**»

Из документальной повести «Вход в плен бесплатный, или Расстрелять в ноябре»:

Как зарок, как надежду на будущее говорю себе: если когда-нибудь выберусь из этих ям, поднимусь на самую высокую вершину. А ещё лучше прыгну на эту самую вершину – пусть это будет Северный полюс – с парашютом.

Порой специально забрасываешь какой-нибудь крючок, булыжник, о который герой должен споткнуться – то самое «чеховское ружьё», которое впоследствии должно выстрелить.

Из «Брянской повести»:

«По замершему взгляду проверяющего понял, что сам же и оставил тому зацепку – **бутылки из-под пива!** – «Бутылки из-под пива – это набрать воды Лёшке».

Из «Небожителей»:

«...сегодня ты будешь... **заложником.** Я сначала поеду вон с тем товарищем сержантом, уничтожу всех плохих дядек, вернусь и освобожу тебя». – «Террористов в школе человек тридцать<...>Тишина. Если не слышать стоны людей, собравшихся вокруг школы. **А на дереве, почти над головой, висит вырвавшийся из плена, но зацепившийся за ветку праздничный воздушный шарик. Ему, как и трагедии, три дня. На солнце никнет, воздух, словно жизнь, уходит и из него. Что же дети в такой жаре и тесноте спортзала?»**

Вопрос Николаю Фёдоровичу Иванову:

Живут ли Ваши герои своей жизнью, не подчиняясь впоследствии замыслу автора? Как это происходит?

Автору не стоит бояться и стыдиться за поступки героя. Сам начнешь переживать за его глупости или несуразности – будет переживать и волноваться и читатель. Хуже – отстранённость.

Иногда, но редко, ибо это может вытирать из ровной кладки – автор может попробовать доказать, объяснить персонально какому-то читателю через монолог, мысли героя свою личную позицию, какой-то свой поступок.

Лично я люблю близких мне по духу героев, тогда я с ними заодно и меньше надо придумывать.

Из «Без права на славу»

«Он отошёл в сторону, предлагая капитану самому закрыть дверь на защёлку. Однако тот наложил палец на селекторную кнопку:

- Я вызываю старшего помощника. Кто вы?

- Для вас - сотрудник одного из наших силовых ведомств. Мне необходимо нелегально вернуться в СССР. И, если возможно, срочно выйти по закрытой связи на Москву. В экипаже обо мне никто лишний не должен знать».

«Не зря, наверное, преграждали Егору Буерашину морские штормы путь на Родину. **За время заточения он как-то подзабыл о политических страстях, кипевших в Москве, а ступил на родную землю, - и оказалось, что ничего главнее их в стране нет. Даже показалось: не вывернись он сам из плена, никто всерьёз им бы заниматься не стал».**

«Ирак отбивался от американской авиации из последних сил, и боеприпасы ему были необходимы не меньше, чем **советским офицерам чувство гордости за собственную страну».**

«- **Служи, - «Кап-раз»** медленно порвал листок с нервными ночными каракулями Егора. Выбросил бумажки в урну. - **Страна-то остаётся. Люди остаются...**

- Но я не желаю снова ступать в это болото...

- **Будешь желать!** - вдруг резко перебил моряк, возвысив голос. – **У нас сейчас на плечах не погоны, а судьба страны. И что, её тоже коту под хвост? Не дождутся».**

«А пока... пока он готов, как те три советских солдата, бившихся с эсэсовцами, **стоять здесь до последнего.** Лишь бы подошли главные силы. Или заговорщиков будут брать на аэродроме? Или каждого в отдельности по прибытии в Москву,

Минск и Киев? И неужели ещё кто-то будет носить им сухари в Лефортово? **А уж памятника, как солдатам у въезда в заповедник, им точно никогда не поставят...**»

Порой герой выражает не востребуемые, не проявленные автором собственные амбиции, устремления, и писатель видит в своём герое себя лучшего, себя не получившегося, не допрыгнувшего до нужной планки. Автор в таком случае сам равняется на своего героя. И тогда автору внутренне приятно, когда его начинают сравнивать с героем.

Но в настоящей литературе у героя и у автора – у каждого своя жизнь, как бы близки по духу, возрасту, профессии они ни были.

Принимаю ответ писателя, но как «наивный читатель» не намеренно, а по собственному желанию ставлю фигуру автора биографического на путь мной любимого Егора Буерашина и ясно вижу, как «Фёдор Максимович, присевший послушать новости на табурет, не вставал, растирал ноги, и Егор сам прошёл к серванту с посудой... взял бутылку водки. Сдёрнул за ленточку алюминиевую бескозырку-пробку. Опрокинул поллитровку и провёл ею полумесяцем по стаканам. Протянул один растерянному военкому, разрывающемуся между необходимостью мчаться к служебным телефонам и страхом остаться одному перед рухнувшим миром. А тут хоть Герой, человек из Москвы, из самой охраны Ельцина...

Подошёл, задевая половики, вслед за Егором к Фёдору Максимовичу. Тот, не дождавшись объяснений от сына, глянул на военкома как на должностное лицо:

- **Что же они творят...**

- Пьём! – прервал стенания Егор.

И пили русские мужики посреди брянских лесов водку. И столь тяжело было у них на душе, что не смотрели даже друг на друга. Испугавшись хмурого веселья взрослых, Васька сам увёл в школу Аньку, на ходу набивавшую портфель гостинцами.

А в деревянной избе брянского лесника продолжали держать за страну гранёные стаканы три её воина - старый партизан, прошедший Афганистан военком и бросивший начальству вместе с погонами рапорт на увольнение спецназовец, не успевший стать Героем Советского Союза. Пили коренники, рабочие лошадки, которых ни о чём не спросили, о которых скорее всего политики и не вспомнили при своих играх с Союзом.

Эх, по третьей!

Угнетённые стенами, вырвав за шнур изображения кривляющихся друг перед другом президентов, **мужчины убито вышли из дома на улицу. Вышел морской диверсант**, три месяца вырывавшийся из колумбийской сельвы на родину, которая теперь осталась только на картах. Уже привычно зацепившийся раненой ногой за порожек артиллерийский корректировщик огня, **оставивший здоровье на афганских склонах**. И старый партизанский разведчик, пускавший под откос фашистские поезда, идущие на Москву. Вроде все бились насмерть за правое дело, а вот когда пропустили врага в столицу? Почему не разглядели на дальних подступах - ни в горах, ни на море, ни в лесах? И теперь, 26 декабря 1991 года, им оставалось черпать ладонями колкий морозный снег и растирать им лица.

Не помогало.

Не трезвели.

И только, давая надежду, тянулись из деревенских труб к застывшему от мороза небу белые, извивающиеся под собственной тяжестью, столбцы дыма...

Автор — «виновник» другой, искусственной реальности — внеположен ей. Но постоянные и повсеместные следы его творческой личности хранит произведение как художественный мир, им скомпонованный, им организованный, как некая поэтическая структура с её особым фонографическим

осуществлением. И концовка первой части романа «Без права на славу» – тому явное подтверждение.

Отношения автора, находящегося вне текста, и автора, запечатленного в тексте, отражаются в трудно поддающихся исчерпывающему описанию представлениях о субъективной и всеведущей авторской роли, авторском замысле, авторской концепции (идеи, воле), обнаруживаемых в каждой «клеточке» повествования, в каждой сюжетно-композиционной единице произведения, в каждой составляющей текста и в художественном целом произведения. И в этом случае можно говорить (по В.В. Виноградову) об *образе автора* – «индивидуальной словесно-речевой структуре, пронизывающей строй художественного произведения и определяющая взаимосвязь и взаимодействие всех его элементов». В художественном тексте как фабула (конструируемое автором референтное пространство текста), так и сюжет (его истолкование и представление) определяется субъектом речи, то есть автором – его моделью мира, его личностью в целом, а также его представлением об избранном жанре, о читателе, о литературе вообще. В свою очередь, художественный текст рисует нам не только героев, их судьбы, но и автора во всех аспектах.

Необходимое единство авторских решений обеспечивается единством авторской личности и его взгляда на мир – тем, что Л.Н. Толстой назвал «единством самобытного нравственного отношения автора к предмету» и что в советской филологии (в литературоведении XX века) часто именуют «образом автора».

ОН УМЫВАЛСЯ ЗЕРНОМ! КАК БУДТО ИЗ РОДНИКА...

(прочтение документальной повести

«Вход в плен бесплатный, или Расстрелять в ноябре»)

Образ автора – это последняя, высшая инстанция. Читатель имеет дело не непосредственно с ним, а с *образом повествователя*, который выступает как организующий принцип повествования, определяющий соотношение рассказа и

показа, отбор деталей, последовательность изложения, монтаж фрагментов – все основные сюжетные и стилистические решения. Как и всякий субъект речи, он характеризуется этим рядом параметров или свойств. Думается, что документальная повесть «Вход в плен бесплатный, или Расстрелять в ноябре» – явное подтверждение сказанному выше.

Посвящение, как заглавие и эпиграф, представляет концентрат содержания: «Спецгруппе, которая отыскала меня в чеченских подземельях и освободила из плена - с вечным благодарением. Автор» [http://artofwar.ru/i/iwanow_n_f/text_0040.shtml].

Незаметные переходы из автора биографического в автора внутритекстового создают образ повествователя и такое художественное пространство, в котором читатель проверяет свои нравственные принципы, жизненную позицию и понимает, насколько человек может быть великим в своём первозданном виде, взрослении и предъявлении себя обществу, где ему жить не день-два, а отписанный Господом срок.

Знали все и в комнате: в случае гибели или плена то, что лежит в тумбочке на верхней полке, уничтожается, а остальное отправляется домой.

Вот оно – руководство к действию, правила поведения на войне, способ жизни в экстремальных условиях.

Существовали еще сотни мелочей, которые, оказывается, бронжилетом оберегали нас от непредвиденностей и случайностей. Не потому ли за девять лет афганской войны мы потеряли солдат меньше, чем при одном штурме Грозного? Тогда, в Афгане, всех командиров за подобное прямым ходом отправили бы на скамью подсудимых. Слишком быстро забыли Афганистан. Его уроки. Я - тоже.

Удивительна судьба повествователя в тексте: ему отводится много ролей, но это не исполнение, а служение во имя Отечества.

Читатель принимает эти принципы близко к сердцу, попадает под обаяние образа внутритекстового автора, становится другом; события и явления художественного поля произведения формируют собственное мировоззрение, и оно не противоречит мировоззрению повествователя, наоборот, словно реки, сливаются мысли, а поток сознания читателя посылается автору как помощь в такой сложнейшей ситуации, как эта:

Догадался предупредить о выезде и дежурного в Нальчике, там после восемнадцати часов начнут волноваться по поводу моего отсутствия. Позвонят оперативному дежурному в Москву. Так что можно надеяться, что часов с десяти вечера начнутся поиски. И если сразу не расстреляли, значит, время работает на нас. Надо тянуть время...

Махмуда и Бориса отвели в сторону, разбираются пока со мной, оставленным в кабине.

- Где оружие?

- Я приехал без него.

- Мужчина на войне должен быть с оружием. И стрелять из него, – усмехается Непримирымый. – А это чьё?

Из-под водительского сиденья, с расчётом на эффект, извлекаются пистолет Макарова и винчестер. Подкинули?

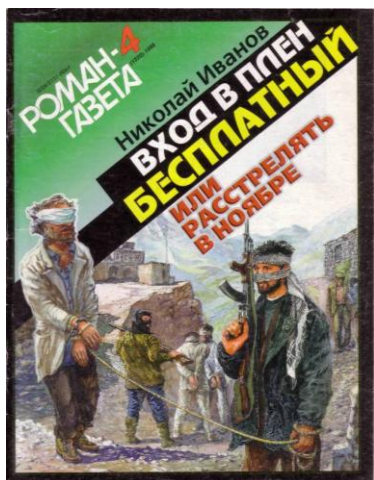
- Моё, - подаёт голос Махмуд.

Непримирымый не поверил, потому даже не обернулся. В самом деле, как это так: полковник – и без оружия!

И тут доходит – да это же полное пренебрежение к боевикам! Они наводят страх на Россию, захватывают её города, а здесь, под носом, полковники раскатывают без оружия и охраны.

- Смелый, что ли?

Смелость или трусость здесь ни при чём. Всего лишь афганский опыт, вот здесь как раз сработавший: пистолет на войне только мешает, а против «красавчиков» и гранатомёта в засаде – новогодняя хлопушка страшнее. И всё-таки хорошо, что меня не сопровождала охрана.

Текст-исповедь-признание «*Вход в плен бесплатный, или Расстрелять в ноябре*» стала читать в июле, хотя и подготовилась: скачала повесть из интернета – [<http://www.rospisatel.ru/ivanov%20nikolay.htm>] и нашла обложку. И задумалась...

Фотография пленённого чеченцами автора не накладывалась на ту майскую 2011 года, присланную моей студенткой Яной Гаргаевой (на фото – справа), землячкой Николая Фёдоровича, где он совершенно другой, хотя всё объяснимо, и анализу эти состояния не подлежат.

Читала медленно и болезненно, боялась каждого последующего предложения, строки были острыми и ранили сердце. Останавливалась и бралась за карандаш, пытаюсь ответить на вопросы для себя, но принимая как данность текст автора: *«...исподлобья вижу, как охранник отступает на пару шагов, усаживается на сваленные в углу погребки доски. Привычно, ствол в нашу сторону, устраивает на коленях АКМ. Тягостно молчит. Тягостно для нас, троих пленников, потому что будущее предполагает только худшие варианты. Хотя что может оказаться хуже плена? Только смерть».*

Позже я начну собирать ключевые фразы из прочитанных произведений Николая Фёдоровича Иванова – лексические единицы, предложения становятся семантическими доминантами, ведущими читателя к основной мысли автора, а пока свою боль вплетаю в слова:

«Что может быть страшнее плена?»
Страшнее плена «только смерть!»
А самому себе измена?
Вам не дано её иметь!

От пыток слишком много боли –
Попробуй этот крик сдержать.
А русский дух в Чечне, в неволе? –
И ни спастись, ни убежать.

И от вопросов безобидных
Порой вот так зависит жизнь:
Казнить! Других решений, видно,
Не принимают. Что ж, держись!

Ах, если б вязким стало время,
Замедлил мир круговорот.
Для настоящих русских – бремя,
И ад крошечный, поворот...

Людского зла подвал огромный
Над беззащитными навис.
Характер зверя неуёмный:
Лишь только слово – камнем вниз.

Да! Обречённость и уродство
Растут, как в поле сорняки.
С людьми обманчивое сходство,
Но строит тьма особняки.

А кто на самом деле воин,
В плену воробышком сидит,
Высоких почестей достоин,
Но знак судьбы крестом глядит.

А шерстяной квадрат, как крылья
Надежды светлой, неземной.
Не сказкой потчует, а былью...
Читаю. Автор, что со мной?

И почему так больно? Больно!
И холодеет в жилах кровь.
Остановитесь же, довольно:
Забыли вы, что есть любовь!

Забыли, люди-человеки:
У каждого отец и мать,
Жена и дети словно реки –
И это надо понимать.

У офицерских жён вопросы,
Но задаются только два...

**Армейской дружбе нету сноса,
И Клятва – это не слова!**

Из страха солнце не сияет –
Оно определяет путь,
И добрым светом очищает,
Чтоб не смогли во зло свернуть.

22 июля 2011года, 02:00:52

Дошла до стихотворения-письма дочери и задыхнулась:

*# Тянусь к пустой сигаретной пачке, аккуратно разрываю её.
Стихи, которых не писал лет двадцать, вдруг легли сразу начисто,
будто сочинил их давным-давно:*

Надюше. Пленное

*Две косички, улыбка, распахнуты руки,
Словно хочет спасти, оградить и обнять,
Дочь навстречу спешит после долгой разлуки,
Но не может никак до меня добежать.
Я и сам не хочу. Прерываю виденье.
Слишком горько и больно мне видеть тот бег.
Я за тысячи вёрст заточен в подземелье,
И охранник сквозь смех говорит про мой грех.
Ах, как ночи длинные, как тревожны рассветы,
Каждый день нас готов разлучить навсегда.
Здесь бессильны молитвы, смешны амулеты,
Всё седеет виски и белей борода.
На коленях стою лишь за то, что позволил
Твоим малым сердечком коснуться беды...*

Дописать не мог. Слишком тяжело и больно. И это не старый стих двадцатилетней давности. Это – сегодня. Чувствую: буду думать о детях – надорву сердце...

Но набралась сил, оттолкнулась от первой строки стихотворения – оттуда, и:

Надюше

«Две косички, улыбка, распахнуты руки...»
Спит Надюша, и словно в кино:
Папа рядышком, близко, и нету разлуки,-
Это было недавно и было давно.

И как только подушки головка коснётся,
Снова видит она дорогого отца,
Он в ответ ей сейчас широко улыбнётся ...
Но вокруг никого – только бьются сердца.

Крови зов – что на свете дороже,
Когда помнят, и любят, и ждут?
И в поклоне с молитвою «Боже!
Пусть надежда и вера живут!»

06.08.11г. 10:51.

Образ беды не давал покоя как матери, женщине, человеку, и я снова вернулась к этой теме:

Ожидание

Её косички золотистыми змейками свернулись на подушке. Туго заплетенные жгутики взлетали, как только девочка переворачивалась с одного бока на другой – так беспокойно спала Надюша которую ночь.

Во сне, широко расставив руки, она бежала навстречу фигуре, теряющейся в тумане. Надюша ближе – фигура всё дальше и дальше. Улыбка превращалась в гримасу, и ручейки слёз стекали по щекам. Утром подушка была мокрой и солёной.

- Мамочка, я боюсь тумана!

- Чего ты так боишься его? Это всего лишь туман.

- Нет, ты не понимаешь: туман – это люди, о которых забыли!

- Тебе опять что-то снилось?

- Да! Он белый-белый с бородой. Я больше ничего не помню, но всё время кого-то ищу.

«Сердечко не обманешь, – подумала женщина и тихо, чтобы не испугать дочь, вздохнула. – И откуда у неё такое представление о тумане?»

Видения... Как ловко они нанизываются на шёлковую нить и не исчезают, но превращаются в невыносимую боль, в тысячи морщинок на сердце, как на лобовом стекле: от случайного камешка образуется мелкая сеточка. Господи! Сколько еще этих видений? Сколько?

Фигура, пропадая в тумане, шла к Надюше каждую ночь и не доходила – расстояние не уменьшалось, оно становилось непреодолимым.

Длинные ночи и тревожные рассветы не сулили встречи, а туман, не жалея белой краски, обильно наносил её на каждый волосок бедной головушки. В осколке зеркала едва просматривалось лицо, глаза выцвели от сырости и темноты.

Туман крал всё и у всех. И ставил на колени: их – перед иконой Святого Николая Чудотворца в страхе за попавшего в беду любимого, его – что позволил малым Надюшиным сердечком коснуться такой беды.

- Мама, туман рассеялся! – прошептала девочка. – Белый аист прилетел! Мама, смотри, какой он красивый! Мамочка!

Голос становился сильнее и зазвенел колокольчиком, когда её подхватили сильные мужские руки, а борода, белая-белая, подарила тепло и нежность.

07.08.11г.

Повествователь в книге «*Вход в плен бесплатный, или Расстрелять в ноябре*» представляет собой непосредственное воплощение автора – *Николая Фёдоровича Иванова*, а основным пластом является его, *авторское слово*, отражающее ту эпоху, в которой он живёт, реализует задуманное в излюбленных жанрах эпоса. Понятие «авторское слово» является одной из центральных проблем стилистики художественной речи и имеет первостепенную важность для интерпретации текста. Эта тема особая, и, возможно, будет раскрываться учёными-лингвистами, а не только литературными критиками и почитателями таланта писателя.

Примеров авторского слова в повести более чем достаточно. Все цитаты взяты из текста повести «*Вход в плен бесплатный, или Расстрелять в ноябре*», находящейся на сайте Брянского землячества [<http://www.bryanskzem.ru/news/26-2010-08-01-13-49-02>].

Говоря о стиле писателя, по которому он легко узнаваем, обратим внимание на вопросы. Риторические ли они? Нет! Вопросы требуют особой подготовки читателя, звучат как подсказка, погружающая в текст – это мастерство владеющего пером человека. Это дар.

Вторая часть и начинается с вопросительных знаков, за которыми – проблемы, проблемы, проблемы:

Что есть российский офицер в плену у чеченцев? Существует ли у него возможность выжить, бежать, а в какие моменты судьба висит на волоске? Нужно ему рассчитывать только на свои силы или за него станут бороться товарищи и государство? Что происходит с трех сторон плена: у родных и близких пленника, у него самого и у охраны? Каковы они, подземные тюрьмы конца двадцатого века?

Эти вопросы, согласно технологии продуктивного чтения, открытого типа, но пленник Ичкерии (по-другому его называют «кавказский пленник») их не просто задаёт: повествователь начинает рассказ – «*Я прилетел в Грозный в середине июня 96-го,*

когда война дышала ещё полной грудью», он ведёт по тропинкам авторских отступлений, и мы оказываемся в опосредованном времени и пространстве, созданном писателем, но в то же время реальном – истинная правда жизни, ставшая историей, которую нельзя не помнить. Если смотреть на цветовую гамму слов, видится только красный и никакой другой:

Её легкие находились где-то в чеченских предгорьях, а вот сердце – сердце в Москве. И именно оно, заставляя войну дышать и жить, знало по артериям оружие, продукты, боеприпасы и людей. Это в первую очередь были рабоче-крестьянские ребяташки-солдаты, не сумевшие отмазаться от армии, и brave до первого боя контрактники... А возглавляли колонны, естественно, офицеры, ошалевшие от безденежья, отсутствия жилья, задёрганные политическими заявлениями депутатов и невесть откуда повылезавших правозащитников «выполний - не выполняй», «стреляй - не стреляй», «герой - подлец».

Назад, по венам, из Чечни выталкивались цинковые гробы, знакомые по Афгану как «груз 200». Не прерывалась ни на день цепочка живых, но искалеченных солдат, подорванной техники и окончательно во всем разуверившихся, увольняющихся из армии офицеров. Всё это перерабатывалось, сортировалось в военкоматах, госпиталях, складах артвооружения, где вновь готовились живительные коктейли для поддержания войны.

Эти два потока текли навстречу друг другу совсем рядом, нигде, однако, не пересекаясь. Кто-то умный рассудил: а зачем преждевременно показывать здоровым и сильным будущим героям, какими они могут стать после первого же боя?

Что-то подобное я отметил ещё по афганской войне: ташкентский аэропорт Тузель, откуда в Кабул перебрасывался ограниченный контингент наших войск, располагался всего в пятистах метрах от деревообрабатывающего завода, где работало так называемое «нестандартное подразделение» по изготовлению гробов для этого самого ОКСВ. Один из лётчиков

военно-транспортной авиации, развозивший по стране «груз 200», однажды признался мне:

- Знаешь, когда я почувствовал, что в Афгане идёт настоящая война? Думаешь, когда без передышки забрасывали туда людей? Совсем нет. Когда карта, на которой мы отмечали аэродромы посадок с погибшими, оказалась сплошь утыкана флажками...

В данном отрывке имеют место выделительная, выразительная, фактографическая и символическая детали, сходящимися лучами вместились в детали психологической. Фрагмент текста повести – отступление автора для представления читателем исторического времени, к которому он имеет непосредственное отношение. Есть полуриторические вопросы: *«Лоб, уткнувшийся в колени, покрывается потом, от него же липко горит спина. Неужели страх? Он – такой?»* А рядом новый абзац, говорящий больше о страхе за других, чем за себя – каждая мелочь превращается в недосыгаемую вершину обвинения и грозит смертью:

Пытаюсь лихорадочно вспомнить, что у меня есть такого, за что сразу поставят к стенке. Блокнот с записями «нечаянно» уронил, когда распахивали дверцы, и его удалось затолкать ногами под сиденье. Найдут, конечно, но потом. А вот отпечатанное на бланке редакционное задание – это моя смерть. Особенно строчки о том, что я должен собрать материал о мужестве чеченских налоговых полицейских, защищавших Грозный от боевиков. Зачем печатал задание и брал с собой? Ну страдал бы склерозом и не помнил, зачем еду в Чечню, тогда простительно. А так будет мне сейчас чужое мужество...

Но я – уже пропал, а вот фотоаппарат... На последних кадрах – ребята из физзащиты, охраняющие здание с раненым коlobком. Их лица крупным планом. Подставил. А перед этим – снимки, где я в окружении воронежских омоновцев. Снялись на

память совершенно случайно, когда они подъехали проверить наши документы. Милиционеры обвешаны оружием, победно вскинули вверх кулаки. Будут мне и кулаки...

Но кулак взметнулся и вбился в меня, как в тренировочную грушу, когда раскрыли удостоверение.

- По-олковник?! Мразь.

Детали, подробности как калейдоскоп, где стёклышки не имеют зелёного цвета жизни, все они от цвета асфальта до чёрного, а красные как вспышки гнева, злорадства, агонии и всепоглощающего желания насытиться чужой жизнью:

Начинает накрапывать дождик. Подводят Бориса и Махмуда, их сковывают одними наручниками. Автоматчики стоят по кругу, один из них уже в моей рубашке. Непримируемый рассматривает мои книги, найденные в сумке. Вычитал в сведениях обо мне что-то неприятное для себя:

- *Значит, воевал в Афганистане? Убивал мусульман? А ты знаешь, что они наши братья?*

Сзади кто-то бьёт ногой и прикладом. Сдерживаюсь, не оглядываюсь. Да и что это даст, тем более, что за Афган у меня медаль «За отвагу» и орден. Надо надеть «рубашку» и держать удары. Бьют – значит, выпускают пар. Они должны бить, это для них психологическая разрядка. Держать удары... Держать... Всё равно держать...

Им приятно пнуть меня, но делают это сзади, воровски: то ли не хотят показывать лиц, то ли им интересно наблюдать, как я дёргаюсь от неожиданных ударов. А лично мне становится всё равно. Первый испуг прошёл, и хотя безысходность осталась, определяю для себя главное - собраться, не паниковать. Что будет - то и приму. От меня сейчас ничего не зависит.

Через художественную деталь, компонент предметной выразительности, выразительную подробность в литературном

произведении, имеющую значительную смысловую – эмоциональную нагрузку, мы уже начали с вами смотреть на это авторское слово, которое невольно заставляет содрогаться от проступков «непримиримых», испытывать боль и сочувствовать заложникам обстоятельств.

Начнём с **натуралистической детали**, которая внешне точно, бесстрастно, объективно изображает предмет или явление.

Кровь от рассечённой губы наполняет рот, хочется сплюнуть, но боевик стоит вплотную, не позволяя отвернуться, и приходится сглатывать кровавую юшку.

Непримирымый только что приехал, разбудив всех. Выложил на стол неизменный набор: колбаса, огурцы, хлеб, «пепси».

Над головой - тусклая лампочка. Подвал огромный, хоть загоняй грузовик, а мы, мокрые и продрогшие после дождя, сидим на рулоне линолеума, словно воробы.

И когда я знакомился с Грозным, на его развалинах увидел всего один экскаватор, который, как оранжевый пыльный жук, копошился на развалинах бывшего президентского дворца. Один на весь город!

Желание провести чёткую грань между видами художественной детали неосуществимо: оценка автором-полковником происходящего с ним на территории России соединяет эти детали в художественное пространство таким образом, что оно делится на государства в государстве. К натуралистической детали – **«один экскаватор»** – добавляется определительное местоимение **«всего»**, и картина меняется: в какое море разлитое текут реки народных денег? Поставим многоточие, которое Николай Иванов тоже использует как психологическое средство. А сравнительный оборот – **«как оранжевый пыльный жук»** – становится ярким пятном в эмоциональном поле сознания – *эмоциональной деталью*. С добавлением «контрольного выстрела»: **«Один на весь город!»**

И сравнение «словно воробы» невольно отправляет нас к стихотворению Сергея Есенина «Поёт зима – аукает»: *«Озябли птички малые, / Голодные, усталые, / И жмутся поплотней. // А вьюга с рёвом бешеным. // Стучит по ставням свешенным. // И злится всё сильнее»*. В иносказательности художественной строки прописана великая миссия – воспитывать читателя и открывать ему мироздание Слова. Кстати сказать, С.А. Есенин – любимый поэт прозаика Николая Иванова [<http://www.rospisatel.ru/vstretsha-s-nfi.htm>]. Может быть, это какой-то символический знак?

А если посмотреть на натурализм действий боевиков, можно ли это рассматривать односторонне? Судите сами! Всё хочется выделить жирным шрифтом, но останавливаюсь на эмоциональном аспекте, дающем волю воссоздающему и творческому воображению:

*# Наконец вытаскивают из машины и меня. Руки сразу назад, в жёсткий захват наручников. «Нежность» называются: чуть пошевелишься, из стальных колец мгновенно вылезают шипы. Уткнув головой в машину, обыскивают. Вытряхивают карманы. Рассматривают часы, которые **подстреленной птицей машут оборванными крыльями**. Пренебрежительно возвращают:*

- «Генеральские»... – Мол, не мог «Сейко» для нас приобрести. – Устраивайся, – проведя лицом по борту машины, бьют по ногам, сбивают на землю.

За радостями желудочными забыли о войне. А она исчезала вместе с летом, которое оставляло себе на память брошенные вдоль дорог ленты окровавленных бинтов и разорванных танковых траков, начинающие ржаветь медные терриконы гильз, подточенные первыми дождями окопы. Обглоданные собаками трупы. Переломанные взрывами мосты. И в этих остатках и ошметках войны оставались и мы.

Да, мы переходили в осень. Мы, невиновно виноватые, оставались среди сгоревших сел и разрушенных городов-

сталинградов. Среди кишящих боевиками и шакалами лесов, среди чёрных лицами и платками чеченских матерей.

Фактографическая деталь характеризует данный факт действительности через графическое изображение (фотографию, картину) или словесное рисование:

В итоге картина.

Я, полковник налоговой полиции, первый вице-президент Международной ассоциации писателей баталистов и маринистов, лауреат литературных премий имени Н. Островского и М. Булгакова, кавалер ордена «За службу Родине» III степени и медали «За отвагу», писатель, бывший главный редактор журнала «Советский воин», – а теперь просто пленный, ловлю мышей.

В руках у меня верёвка, связанная из тряпичных лоскутков. Она тянется к палочке, на которой одним краем стоит пиала. Под ней - кусочек хлеба.

Так вообще-то ловят птиц, это – силок. Но мыши начали устраивать такой кавардак, ночью преспокойно бегают по головам, залезают под одеяло, что становится ясно: выживем или мы, или они. Бурундуки со своими выходками кажутся мелкими дошколятами.

С помощью **выделительной детали** писатель выделяет событие, художественный образ, явление из ряда подобных:

Сам Боксёр в чёрной маске-чулке...

...на стволе автомата, покачиваясь, висят три пары чёрных носков. В доброту и благородство после всего случившегося не верится, и решаюсь спросить:

- Нам?

Николай Иванов, переживший каждую секунду плена не один раз и переживающий до сих пор, хотя и прописал спасительную

для него фразу: **«Из плена я «вышел», лишь написав книгу – когда всё снова пережил и поставил точку»**, – но посеял художественные детали и по одному зёрнышку, и горстями в абзаце, которые вызывают столько эмоций, что перестаёшь дышать:

Сама налоговая полиция размещалась в здании полуразрушенного детского садика. О его прежней принадлежности напоминали лишь песочницы, приспособленные под курилки и места чистки оружия, широченные окна, ныне забаррикадированные мешками с песком, да бывшая воспитательница Людмила Ивановна, перешедшая в уборщицы. Пожалуй, еще рисунок колобка на стене, насквозь прошитый в румяную щеку рваным осколком. Зато перед ним, не испугавшись взрыва, сидела целехонькая лиса и размышляла: кушать ей искалеченного уродца или полакомиться чем-нибудь более вкусным. Такая вот старинная сказочка в современном интерьере.

Не успели мы подумать, не заглядывая в следующий абзац, а он уже сам подсказывает:

Кто знал, что в течение всего пребывания в Грозном я сам был подобен колобку, а за мной осторожно, чтобы не спугнуть, наблюдала другая лиса.

Сравнение по законам языка! Но как тонко проведены линии сказочной и реальной жизни (позднее это будет в «Небожителях»). Вот тебе и многозначность слова русского! Колобок мечтал посмотреть белый свет – автор поставил перед собой задачу узнать, куда текут рекой народные деньги; сказочная Лиса целёхонька, сидит и раздумывает, а реальная сети зла плетёт да хихикает.

Душа читателя не может быть равнодушной к происходящему, моя в том числе:

Продажен мир, продажно поле лести,
Покрыта слоем плесени душа.
Летят, а не ползут дурные вести,
Всё на пути сметая и круша.

У Времени слагаются минуты
Из крохотных невидимых частиц.
Герои на семи ветрах продуты,
И перед ними падаем мы ниц.

И переносим горькую годину
В свою судьбу, чтоб каплями тепла
Друзей согреть, в беде их не покинуть,
Чтобы вся жизнь, как Волга-мать, текла.

Символическая деталь выступает в роли символа – самостоятельного многозначного художественного образа, который имеет эмоционально-иносказательный смысл, основанный на сходстве явлений жизни:

А вот мой взгляд на «Боксёра» оказался, наверное, столь выразительно презрительным...

#...чёрные носки, хочешь не хочешь, оказались единственным светлым пятном начавшегося плена.

Но чудо на этом не кончилось. На плечи падают одеяла. Да нет, какие одеяла - это опустила на нас свои крылья надежда.

Нет, одеяла не дают гарантий на надежду. К тому же тёмно-синий шерстяной квадрат, доставшийся банкиру, наискосок прострелен автоматной очередью. Борис тоже замечает дыры, замирает. Знак свыше? Сбросить его на землю? Ботинки Боксёра рядом, тому не до сантиметров и психологических тонкостей, и Таукенов медленно набрасывает, словно судьбу, простреленное одеяло на свои плечи. Первая чёрная метка выставлена.

Пора уже привыкнуть и к тому, что меня бьют только за то, что полковник.

Зато не по артериям и венам, а по каналам, неведомым простым смертным, потекли полноводной рекой из Москвы на отстойку только что самими же разрушенного денёги. Много денег. Грузовики денег. Вроде не разучились с советских времён помогать тем, кому трудно.

В эти же дни игралась свадьба моего крестника, Тимура. Он приехал с невестой в родительский дом, наполнил красным вином до краёв рюмку:

- Пусть стоит. Крёстный вернётся и выпьет.

Не выпил. Слишком долго меня не было, а лето стояло жаркое. Вино постепенно высыхало, в конце концов оставив на дне черно-красный сгусток. Родным казалось – запекшейся крови. Спрятали рюмку с глаз.

Только однажды мелькнула надежда, когда отцу приснился сон, будто ловит он в огороде молодого аистёнка с подбитым крылом и вносит на руках в дом.

Мама рассказывала этот сон всем встречным, и те радостно вытирали слёзы:

- Это сын. Значит, вернётся. Вернётся! К сентябрю вернётся, когда аисты полетят.

И ещё один подарок, в котором захотелось увидеть смысл, - белые вязаные шапочки, принесённые Чикой.

- Белые – это хорошо, – вслух обрадовался я.

- Почему?

- В начале плена нам дали чёрные носки. Они сносились. Может, с шапочками светлая полоса начнётся.

– Пускай, – соглашается Чика. – Нам тоже надоело из-за вас здесь мерзнуть. Все отряды уже по домам сидят.

Художественное представление собственной жизни (потому повесть и называется документальной) – великий труд психологии души, являющийся очень важным для постижения содержания произведения. А психологическая деталь требует от писателя особой наблюдательности и логичности образного зрения. Мысли, чувства, переживания, желания автора

раскрываются в глубинном душевном движении и обнажают суть изображаемых не обыденных событий и явлений, а военных, амбиций людей, позволивших себе непозволительное:

«...что может оказаться хуже плена? Только смерть. Нет, я не прав даже перед собой. Лично я боюсь ещё и пыток. Не хочу боли. Страшно, что не выдержу. И сойду с ума, стану похожим на обезьяну. Если уж умирать, то лучше сразу».

Николай Фёдорович Иванов попал в плен **накануне ночи летнего солнцестояния 1996 года – через 55 лет после начала Великой Отечественной. 55 – зеркальное число: «отлично»** – потому что выберется из такой сложной ситуации, или пятёрки перевернутые – *«неудовлетворительно»*: всё будет плохо???

В день летнего солнцестояния,
В канун той великой войны
Летело в зиндан Обаяние
Из брянской родной стороны.
Прошёл через все испытания,
Как в Красную книгу вписал
День летнего солнцестояния,
Людского бесчестья подвал.

Читаем в повести об этом:

*# Сколько возвышенных слов посвятили люди самой короткой ночи в году! И бархатная она, и самая звёздная, и тем не менее закат в ней с зорями целуется, и быстрокрылая, и светлая...
Пленная она!*

Да, всё плохое впереди...

- Приехали.

Останавливаемся и долго ждём на каком-то взгорке. Дверцы машины распахнуты, ветер продувает её и нас насквозь, унося с собой в горы и ночь песенные проклятия генералу Ермолову, покорившему-таки Кавказ в своё время.

Из этой ночи, с этих гор, из незаконченной, как оказалось, истории и появляются за нами призраки той, далёкой кавказской войны. Но вполне реально, по одному они выдёргивают нас на землю. Не забывают ударить по почкам. Холодные пальцы оцупывают лицо, но это затем, чтобы проверить повязки и заткнуть нам уши ватными тампонами.

Звуки, особенно дальние, гаснут. К моим наручникам привязывают верёвку, дергают за неё, заставляя идти. Так ведут верблюдов по пустыне. И в каком-то из фильмов подобным образом гнали людей в рабство в давние времена. Какое сегодня число? Какой год? Век? В каком фильме я снимаюсь?

А идём быстро – полем, лесом, буераками. Оступаемся, ловим лицами ветки и стволы деревьев, выворачиваем ноги на колдобинах, падаем. Кажется, я привязан к Махмуду – именно на его шлепанцы наступаю раз за разом. Очень скоро становимся мокрыми по пояс от росы и вчерашних луж, а спину и лицо покрывает пот. Нет, нас не ведут – нас гонят. И не в киношное рабство. И никто никогда нас уже не найдёт. Мы даже не иголки в стоге сена. Мы – песчинки, которые всё глубже и глубже засасывает воронка...

И вот, наконец, подвал с тусклой лампочкой, наброшенные на плечи простреленные одеяла и короткое забытьё...

И вспоминаются «Комбатанты» [http://www.rospisatel.ru/ivanov_n-kom.htm], которых военный журналист Николай Иванов учит защищать самих себя.

Психологическая деталь является средством психологической характеристики героя, помогает раскрыть внутренний мир персонажа. Читать настолько тяжело, что разрывается сердце от боли, и здесь наивности читательской нет места: мир героя воспринимается как собственный, мы проходим

по каждой буковке слов, написанных его рукой, как по осколкам стекла, припасённого пленнику на этапе горького пути.

«...взгляд его устремлён на меня через неровные, обтрёпанные от времени вырезы. Впрочем, это встретились не наши глаза, а заискрились, оттолкнулись два оголённых провода».

Говорить не хочется, не о чем – мы мало знаем друг друга, да и боязно – вдруг оставлен «жучок». И – полная обреченность.

Боксёр молча сбрасывает с «жёрдочки» подарок. Осторожно, всё ещё опасаясь подвоха, начинаем снимать мокрую обувь.

Словно судьбу, переламывает пополам палку колбасы. Среди огурцов выбирает самый крупный и смачно, словно нашей судьбой, хрустит им...

Тяжелее всего родителям оказалось ездить на стадо доить корову. Женщины собирались около пастухов и ждали их приезда – в надежде услышать новости.

Новостей не было. Только падали в подойник вместе с тёплым сладким молоком горькие мамины слёзы.

А потом люди спрашивать перестали. Увидят опущенную голову отца – и торопятся пройти мимо, словно стыдясь своей беспомощности. Зато чистосердечные деревенские старушки засели за карты, гадания, распознавание снов. Никогда за меня не молилось сразу столько народа! И не проклинали так моих тюремщиков. Пусть им когда-либо аукнется это проклятие русских женщин – в своей жизни каждый должен получать причитающееся. У мужчин всегда считается подлостью воевать с теми, кто не причастен к твоей личной беде. И высокими словами о святости борьбе за свободу собственную жадность и наживу на торговле людьми не прикроешь...

Птицы улетели, а сон все не сбывался. А ей вспоминался уже не сон, а момент моего рождения. Весь день стояла солнечная погода, а только повезли рожать – разразилась сильнейшая гроза. Под гром и молнии по всему небу я и появился на свет.

- Да, видать, достанется этому парню в жизни, – проговорил врач, прикрывая меня от бьющих в окно сполохов.

Мама отмахнулась (креститься тогда еще не могла), а когда вернулась в палату, вновь засияло солнце. Она и успокоилась, и забыла слова доктора, пока я не полетел в Афганистан...

Психологическая деталь раскрывает (дополняет, характеризует) сущность натуры автора-повествователя, Николая Иванова, которого по праву считают лучшим представителем плеяды военных прозаиков, и одновременно автора биографического, у которого есть жена и дети – его семья.

А вернувшийся в Москву мой сын засел за учебники. Матери сказал прямо:

- Если папа не вернётся, одни мы учёбу в коммерческой академии не вытянем. Надо перепоступать в государственный вуз.

Так порой мы заставляем своих детей мгновенно взростеть. Месяца ему хватило, чтобы подготовиться и сдать на «отлично» вступительные экзамены на юрфак Высшей школы экономики. Больше о моём пленении в семье ни разу не говорилось, на это слово наложили табу. Только жена, когда оставалась одна, каталась по полу и выла...

Так люди узнают о горе. Один из тысячи примеров, потому что только по официальным данным к концу первой чеченской войны в плену у боевиков оставалось ещё около тысячи четырёмсот солдат и офицеров, рабочих и служащих. И в каждом доме - своя боль, бессонные ночи...

«И – полная обречённость», «фитиль нещадно коптит, но всё становится ерундой по сравнению с тем, что темнота отступила за пределы могилы», «из всех земных человеческих чувств – только угнетение склепом» – прочитав мы, и сдавит тисками душу, и покатятся слёзы крупными горошинами, и польются реками, образующими море разлитое – море горя и боли, несказанной тоски. Но созидательная сила слова писателя,

который проповедует добро, успокаивает нас сам, дарит крылья надежды:

#...величайшее искусство плена – не раздражать охрану.

Повторяю как заклинание – не паниковать. События вокруг станут происходить вне зависимости от моих желаний, и надо быть готовым принимать их.

К двум предыдущим установкам – не паниковать и не раздражать охрану – мысленно добавляю третью – не заболеть. Если даже подземных тварей окажется больше самого матраца, я стану сидеть и спать на них. Лишь бы было теплее.

Выразительная деталь актуализируется в структуре личного повествования, в не собственно прямой речи персонажа, внутри разных элементов текста, связанных с психологизацией. С помощью деталей биографической автор обозначает внутреннюю траекторию героя-повествователя следующим образом: *от страха до ожидания скорейшего освобождения, от получения одной неприятности за другой до удивления, от непонимания до злости и жалость к себе, от отчаяния до временного успокоения и надежды – во что верил сам и что сотворил в своих произведениях должно возвращаться добром и памятью человеческой.*

Аукториальное Николая Иванова как повествователя находится над ситуацией, он знает, что произойдёт, комментирует сказанное и дарит читателю как послания советы для многих жизненных ситуаций:

У мужчин всегда считается подлостью воевать с теми, кто не причастен к твоей личной беде. И высокими словами о святости борьбе за свободу собственную жадность и наживу на торговле людьми не прикроешь...

Вот ты, полковник, если бы кто-то разбил твой дом и убил родных? Ты бы взял в руки оружие?

Не лукавлю – взял бы. Мне легко в этом признаться, потому что к войне в Чечне лично я относился с самого начала резко отрицательно. Не друг, не брат и не сват я чеченцам, но в этом вопросе – больше сторонник, чем противник.

Но признаться в этом, сидя на цепи, не хочется, чтобы не выглядело лизоблюдством: мол, запел соловьём, когда попался. Не пою, больше молчу.

В люк, став на колени, заглядывает старуха, жалостливо качает головой. Рядом резвятся детишки.

Мы немеем. Кажется, это самое глубокое потрясение за время плена. Когда держат в неволе боевики – это вроде нормально, как-то объяснимо. Но чтобы в подобном участвовали женщины...

Попытался представить маму – что бы она делала, если бы мы, её сыновья, загоняли в погреб пленников? Она у меня брянская партизанка, сама не раз сидела в ямах под бомбёжками. Помню, рассказывала, как укутывали во время мороза всем отрядом попавшего в плен мадьяра. Прокляла бы, отреклась и выгнала из дома. А здесь – в порядке вещей. Конечно, в глазах наших тюремщиков – это не мы сидим, а сотни тысяч долларов копошатся в яме. А ради этого можно закрыть глаза... Вот только мама бы не закрыла.

Деталь становится стержнем психологической характеристики – уникальности личности советского офицера:

В яму летит солдатское «хэбэ». А я замираю, когда на глаза попадает белое клеймо с датой выпуска: 1973 год. Год, когда я принимал присягу на верность Родине – Советскому Союзу. «Если же я нарушу... то пусть меня покарает суровая кара советского народа»...

Карают? Меня – карают? Но за что? В октябре 93-го, после танкового обстрела Белого Дома, нас, главных редакторов военных газет и журналов, вызвали в Генеральный штаб. Друзья из Управления информации успели шепнуть: станут давить на

то, чтобы мы напечатали материалы в поддержку министра обороны Павла Грачёва и его приказа о стрельбе из танков.

Грачёва я знал, когда тот ещё генерал-майором командовал дивизией в Афганистане. Я же, специальный корреспондент «Советского воина» и всего лишь майор, летал в Кабул к его десантникам для подготовки материалов. Время пролетело, Паша (он и в Афгане звался Пашей, до отчества так и не дослужился даже будучи министром обороны) стал министром, я – главным редактором журнала. Наши пути еще раз пересеклись, когда он в 1992 году приказал поменять название «Советскому воину». Насколько можно тянули волюнку, потом убеждали, что есть пример «Советской России», «Комсомольской правды», «Советского спорта», наконец. А слово «советский» – это от Верховного Совета, который осуществляет нашу законодательную власть, и никаких политических пристрастий и подоплёк в названии журнала нет. Кроме истории.

– Вот если он в российской армии найдёт хотя бы одного советского солдата, тогда разрешу оставить это название. Или если журнал начнёт финансировать Верховный Совет, а не Министерство обороны, – передали мне его слова.

После этого в редакцию стали возвращать проекты приказов, представлений на воинские звания сотрудникам, закончились деньги на выпуск. Понимал, что победы за мной не будет в любом случае, и пришлось объявить конкурс среди журналистов на новое название. Из девяноста семи предложений больше всех баллов получило «Честь имею». И литературно, и по-военному. Таня Саськова, редактор по отделу литературы, правда, сказала:

– Имя – это судьба. Вам его нести, Николай Фёдорович. Ох, и ответственно будет.

А из белого здания на Арбатской площади передают недовольство министра:

– Они что там, в журнале, имеют честь, а я, выходит, нет?

Мне ли, подполковнику, было судить министра. Тем более, до стрельбы по парламенту дело ещё не дошло. Я как офицер просто оставлял за собой право иметь собственное мнение.

Психологизм документальной повести «Вход в плен бесплатный, или расстрелять в ноябре» концентрируется в **особых фразах**, по праву называемых **ключевыми**.

- *Пленный отвечает за всё и за всех.*
- *В затылок вопросы задавать труднее.*
- *Величайшее искусство плена - не раздражать охрану.*
- *Что может оказаться хуже плена? Только смерть.*
- *Жизнь обесценилась до одной пули.*
- *Как же в плену начинает выпирать любая мелочь!*
- *Усталость, оказывается, смыкает глаза даже смертникам.*
- *В плену надо радоваться медякам и в самом деле считать их за рубли.*
- *У Бога, как известно, по мелочам не просят, и сравнения с судьбой лучше не трогать.*
- *Жить отдельно от России, но за её счёт - слишком откровенная наглость.*
- *Пыли той можно ждать годами... или пыли для ветра не собираешь...*
- *Незнание истории не освобождает от участия в её созидании!*
- *Жизнь оказалась зависимой от того, на каком месте стоит это слово – «прощаясь»...*
- *Реагировать лишь на то, что можем изменить.*
- *Смерть бестелесна, она входит в сознание, и к ней привыкаешь, как к печальной неизбежности.*
- *Пленники смотрят на мир с обратной стороны...*
- *Подземные тюрьмы легче всего охранять.*
- *Колодцы становятся пустыми не только без воды.*

- *В плену всё новое, непривычное изначально таит опасность и заставляет напрячься.*
- *В плену идёт игра в подкидного, к тому же ты вынужден играть вслепую.*
- *Религия – это помощь, а не пустая вера...*
- *Войны развязывают благородненькие на вид, чистенькие и румяные политики, а в грязь, вонь, бинты и стоны бросают людей в погонах. Это лишь кажется, что военные только и умеют командовать. Ещё больше они умеют и вынуждены подчиняться...*
- *У нас тоже не мёртвые на постах стоят.*
- *Сколько же раз человек способен прощаться с жизнью?*
- *Страшно умирать в неизвестности, быть без вести пропавшим.*
- *И до чего неожиданными оказываются превратности судьбы!*
- *Если нет вестей, это не значит, что ничего не делается.*
- *На войне, в бою страшно умолкнувшее в твоих руках оружие. В плену, когда не бьют и не расстреливают, – голод и холод.*
- *Ничего в мире не изменится, если вдруг пропадём на какое-то время или даже навсегда...*
- *А у нас в налоговой полиции стихийно приступили к сбору денег. Офицеры, прапорщики оставляли себе из зарплаты по сто тысяч, остальное несли в общую казну, на возможный выкуп. Удивительный экзамен на нравственность, сплочённость.*
- *А мы, как над своей судьбой, сидели над углями.*
- *У нас профессионалы, они знают цену времени.*
- *В плену как на незнакомой планете: любое неосторожное движение таит опасность. Но ведь порой ещё большую угрозу представляет бездействие...*

- *Как же мы ленивы в обыденной жизни и как мало знаем и умеем. Цивилизация развращает или, по крайней мере, не учит выживанию...*
- *Что я о зиме. Ноябрь ближе... У человека с ружьем нервы всегда слабее...*
- *Плен – это личный крест каждого, и нести его только нам.*
- *Считай свои минусы, человек. И не говори, что праведную жизнь хотел начать с будущего понедельника. Расплата идёт по цене сегодняшнего дня...*
- *Погоны и честь офицера не пустой звук. И совершенно не безразлично, как меня станут вспоминать.*
- *Хочу света и тепла. Они – словно синонимы свободы.*
- *Боевики правы: сегодня последний день. Впереди – или новая жизнь, или её конец. Третьего не дано. Третьего не хочу. Жить хочу, но и к смерти готов. Жизнь или смерть? Жизнь или смерть?..*
- *Наши? Обмякаю в сильных объятиях. Так не умирают и не рождаются. Меня вытащили? Я буду жить?*
- *Деньги, полученные за страдания другого человека, не добавят вам ни счастья, ни благородства...*
- *Вместо проклятий и презрения – моё им прощение.*
- *Испокон веков русские, как никто другой, умели прощать. Что намного благороднее других человеческих качеств. Поэтому я тоже горд и счастлив, что родился русским. Ничего не забываю, но прощаю. Ради будущего.*
- *Как сладостно-томительно не верить в хорошее, когда в подсознании стучит: «Верь, верь, верь».*
- *Ещё остались чеченцы, которые радуются моему освобождению? Как мне теперь к ним относиться?*
- *А первое, что делают мои трое русских спасителей, – обнимаются сами. Значит, интуиция не подвела меня и встреча на ночном перекрёстке висела на волоске?*
- *Начались последние известия. И вдруг в эфире звучит: «В результате специальной операции оперативников налоговой*

полиции России вчера освобождён из чеченского плена писатель, полковник Николай Иванов».

- *Всё. Вот теперь – всё! Верю. Впервые за последние годы верю официальному сообщению, потому что в нём до последней буквы – правда.*
- *И как же тяжело, оказывается, сдерживать чувства.*
- *На свободе ведь, на свободе! И могу делать всё, что хочется. Меня никто не держит. Не стережёт. И ключ от двери – у меня самого. В окно бьёт луч солнца, на деревьях – ещё не опавшие листья. Что нам ещё надо, люди?!*
- *...Дайте мне выплакаться, люди. Чтобы оставить всё в прошлом. Если получится.*

Если эстетическое восприятие исповеди повествователя будет осуществляться в процессе медленного чтения, ключевые позиции автора, прописанные в тексте повести, дадут нам возможность пройти все 113 дней и ночей плена Николая Фёдоровича Иванова, но выйти из окружения. А путеводными звёздами являются его человеколюбие, сила духа и вера в самые лучшие качества человечества – в Заповеди человечности, предложенные нам Д.С. Лихачёвым.

А то, что увиделось мне, нашло отражение в стихотворении «Благодать», написанном не сразу и не вдруг:

Свободный льняной хитон.
Светел лицом и тих.
И птичьего щебета звон.
И солнце как счастья штрих.

Дорога бела как день,
В золоте колос тугой.
Не бросит печали тень –
Семь ярких цветов дугой.

Но что же случилось вдруг?
Слеза по щеке и в пыль.
А руки сомкнулись в круг,
Вдали зашумел ковыль.

Ветер носил слова
К небу. И мчался прочь.
Никла к земле глава,
Словно не день, а ночь.

Долго стоял он так.
Плакал и Бога просил.
В руки Пшеницу-Знак
Отче послал для сил.

Он умывался зерном!
Как будто из родника...

ЗАГЛАВИЯ О МНОГОМ ГОВОРЯТ

Вопрос о смысле заглавия произведения волнует меня по долгу моего служения обществу и государству (преподавателя высшей школы по теории литературы, основам литературоведения, методике литературного чтения в начальных классах), а сейчас – больше как творческого читателя. Увлекательное это занятие – работа с названием, с историей наименования его автором. Но вначале обратим внимание на **«Алфавит Николая Иванова»**. Восемнадцать букв из тридцати трёх в строю. Если не считать «й», «ы», «ь», «ъ», то две третьих букв на службе у литературы:

А

«"Алькор" принимает вызов»; «"Алькор" выходит из боя»;
«"Амур" собирает Россию»

Б

«Без права на славу»; «Белый танец»; «Брянская повесть»

В

«Вера, Надежда, Война»; «Взять на мушку»; «Вход в плен бесплатный, или Расстрелять в ноябре» («Расстрелять в ноябре»; «Вход в плен бесплатный»)

Г

«Генералы горячих точек: [О В.В. Овчинникове]»; «Генералом он стал на войне: [о Гронове]»; «Гроза над Гиндукушем»

Д

«Дела земные»; «Департамент налоговой полиции»; «Десант выбирает нас: записки солдата»; «Долги. День за три»

Ж

«Женский пляж»

З

«Запомните нас живыми...»; «Засечная черта»; «Зачистка»; «Золотистый золотой»; «Золушки объекта 217»

К

«Кавказ. Укрощение стихии»; «Камерный полковник»; «Комбатанты»; «Комбат Егорычев»; «Контрольный выстрел»

М

«Маросейка, 12. Срочно...»; «Московский излом»; «Мы вернёмся живыми»

Н

«На приказ отвечаем: "Есть!"»; «Нам дороги эти позабыть нельзя»; «Наружка»; «Небожители»; «Не ищите нас в раю»; «Новеллы цвета хаки»

О

«Ограниченный контингент»; «Опасен при задержании»; «Операцию "Шторм" начать раньше» («Афганский шторм»; «Начать раньше...»; «Шторм - 333»)

П

«Партер. Седьмой ряд»; «Перевал»; «Поклонимся великим тем годам...» (в соавторстве с генерал-майором В.И. Денисовым); «Помяни, Господи...»; «Прохоровское поле: Да святится имя твое» (в соавторстве с Натальей Овчаровой)

Р

«Рассветы Саура»

С

«Семь нот о любви»; «Спас-на-Любви» (пьеса); «Спецназ, который не вернётся»

Т

«Тот, кто стреляет первым»; «Точка возврата»; «Тузы бубновые»

У

«У синей реченьки»

Ч

«Чеченский бумеранг»; «Чёрные береты»; «Чистильщики»

Э

«Эхо афганских гор» (коллективный сборник)

Цель заголовка как первого элемента произведения – привлечь внимание читателя, установить с ним контакт, направить его ожидания. Полный смысл формируется постепенно и может быть

осознан только после прочтения текста: он не просто обобщает какой-то фрагмент, а выражает целостную идею произведения.

Быть может, теория литературы здесь покажется скучноватой и взгляд читателя будет скользющим, поэтому мы постараемся замедлить скольжение и обратимся к практической стороне проблемы, чтобы слова, написанные на русском языке, не оказались для читателя пустыми.

Заголовки, представляющие *основную тему* или *проблему произведения*, дают читателю самое общее представление как об узком, так и широком круге жизненных явлений, отображённых автором в произведении, ориентируют прямо или опосредованно. Узкие связываются со смысловым ядром текста самым непосредственным образом, дают ответ на самый первый вопрос, о ком пойдёт речь, и совпадают с заголовком: «*Комбат Егорычев*» – о комбате, «*Ограниченный контингент*» – о группе войск специального назначения; вторые даются опосредованно, шире – «*Гроза над Гиндукушем*», «*Рассветы Саура*», «*Засечная черта*» и другие.

Заглавия квалифицируются как тематические (тема – данное) или рематические (рема – новое). К заглавиям *тематического характера* относятся такие, которые называют *действующих лиц* произведения или предметы описания: «*Женский пляж*», «*Партер. Седьмой ряд*», «*Прохоровское поле: Да святится имя твое*», «*Эхо афганских гор*» (коллективный сборник). Тематические заголовки могут содержать и два предмета речи, если они по значимости равноправны. В заглавиях Николая Иванова мы находим равноправие не двух, а более предметов – они дают возможность сопоставить: «*Десант выбирает нас: записки солдата*», «*Запомните нас живыми...*», «*Мы вернёмся живыми*», «*Нам дороги эти позабыть нельзя*», «*На приказ отвечаем: "Есть!"*», «*Не ищите нас в раю*», «*Поклонимся великим тем годам*», «*Спецназ, который не вернётся*» и противопоставить их: «*Вера, Надежда, Война*», «*Тот, кто стреляет первым*».

В большинстве случаев заглавие художественного текста выступает в качестве сложного языкового явления, непосредственно связанного с гносеологической функцией языка; основными же текстоформирующими функциями его являются информативная (выявление главных сюжетных линий текста) и смыслообразующая, способствующая созданию единого смыслового целого всего текста – идее и её воплощению, благодаря таланту автора.

В заглавиях произведений Н.Ф. Иванова есть конструкции с усложненной семантикой:

- заголовки символические («Без права на славу»; «Вход в плен бесплатный, или Расстрелять в ноябре»; «Гроза над Гиндукушем»; «Департамент налоговой полиции»; «Небожители»; «У синей реченьки»; «Чёрные береты»);

- метафорические («Белый танец»; «Женский пляж»; «Золотистый золотой»; «Партер. Седьмой ряд»; «Рассветы Саура»; «Семь нот о любви»; «Точка возврата»; «Тузы бубновые»; «Чистильщики»);

- аллюзийные («Дела земные»; «Десант выбирает нас: записки солдата»; «Контрольный выстрел»; «Опасен при задержании»; «Прохоровское поле: Да святится имя твое»);

- пословичные («Спецназ, который не вернётся»; «Тот, кто стреляет первым»);

- цитатные («Запомните нас живыми...»; «Нам дороги эти позабыть нельзя»; «Поклонимся великим тем годам»; «Спас-на-Любви»).

Несомненно, что к этому надо возвращаться, обосновывать, приводить примеры и переводить в плоскость исследований. Пока же только обозначаю, прокладывая пунктирами дорогу. И помню наказ, нежели просьбу, очень серьёзного, умудрённого человека, тёзки русского писателя Иванова – **Николая Фёдоровича Стручкова**, которому сегодня уже 84 года: «Николай Иванов – это герой! О нём надо писать, чтобы Брянщина знала. Вы на правильном пути, Нина Петровна. Не

жалейте сил и времени – на таких людей не жалко!» Согласна. Не жалко! И потому позволяю себе небольшое отступление от темы.

Убеждена, что имя, даденное человеку, – то же самое заглавие, а вся жизнь его – текст без черновиков. Н.Ф. Стручков позвонил неожиданно, представился и задал вопрос, связанный с моим творчеством: его волновала военная тематика (журнал «Новый литератор» – редактор В.А. Владыкин). Он прочитал там зарисовку «Карты» (рассказ о моём дедушке, коммунисте, председателе колхоза – **Иване Михайловиче Волченкове**, которого из-за предательства забрал в комендатуру, но не расстреляли, но охранной грамотой «наградили» – портретом Гитлера, который он порезал на карты и отдал моему отцу). С электронной версией можно познакомиться на сайте «Российский писатель» – [<http://www.rosписatel.ru/volchenkova-mr.htm>]. «Читал много раз, – сказал Н.Ф. Стручков. – Правдиво. Такого не встречал ни у кого. А вот стихотворение «Война» заставило меня плакать. Если бы я не знал, что Вы родились после войны, то подумал бы, что написано участником тех роковых событий».

Я оставляю здесь для прочтения всем, кто пролистает эту книгу или будет иметь её у себя:

ВОЙНА

К 70-летию Великой Победы

Эта тема всегда волновала меня.
Я читала стихи и пыталась понять:
Как Душа уцелела среди моря огня?
И сейчас эту Душу хочу я обнять,
Стать пред ней на колени, молитвы шептать,
Чтобы силы хватило другим прочитать,
За что пала отцов, дедов, прадедов рать.

Что не сделали мы, и на чем мы стоим,
Когда вражьи тьмы за погостом самим?
А ответ очень прост, его знаем давно:

Память добрая в рост как святое вино,
Где в атаке солдат, и где Родина-мать,
Где Москва, Сталинград –
Это сердцем принять
и сберечь мы должны.

И сомнения прочь: есть у нашей страны
День святейший, не ночь,
Май!

Девятое!

Слёзы...

Сирень...

И салют в поднебесье, и горечи тень,
Вальс Победы, и плачущей матери стон...

Возвращаются беды, но Памяти тон
Как молитвы слова: всяк живущий живи,
Чтоб не никла глава, –
У России на это,

как Правда, права!

Хрупок мир и раним, беспокойства не счесть,
Но сегодня есть рать –
Доблесть,

Мужество,

Честь,

Память белых берёз,
леса Брянского стать,
чтобы край партизанский
подняться и стать
В полный рост мог сегодня
и завтра стоять.
Нужна сила Господня,
чтобы Родина-мать,
У которой Любви и Заботы –на всех,
Процветала в веках, не меняла бы вех!

Память – зов и набат,
слово сердца в строке!
Кто её написал от семьи вдалеке?
Генерал,
 комиссар,
 политрук
 иль солдат?
Человек – чей-то муж,
 или сын,
 или брат!

Я читаю стихи, понимая сейчас,
что поэтов рождал
грозный Родины час.

Да, я родилась в год запуска Союзом Советских Социалистических Республик первого космического спутника Земли – в тысяча девятьсот пятьдесят седьмом году, но военная тема никогда не оставляла меня равнодушной, а после знакомства с писателем Николаем Ивановым она вернула меня на новый уровень и в другом понимании происходящего.

Прочитано много, по-своему пережито, студенткой под моим руководством написана дипломная работа. И, конечно же, достаточно изучено материала по теме «Заглавие» – оно нам говорит о многом. Задаю **вопрос** Николаю Фёдоровичу Иванову: **«Как рождается заголовок (название) произведения: как следствие, отталкиваясь от причины, проблемы, или как тема с последующей корректировкой идеи – главной мыслью»?**

А какой ответ я получила, когда читала первую повесть молодого прозаика Николая Иванова в журнале «Октябрь» 1984 года «Гроза над Гиндукушем», читайте:

- Если бы Вы спросили что-либо полегче.... Откуда я сейчас помню, как создавалась эта повесть? По наитию. А более – просто по желанию что-то написать. Вдохновил роман Александра Проханова «Дерево в центре Кабула». Но там были только советники, а мне очень хотелось создать в литературе восьмидесятых образ солдат и офицеров. Вот только это ощущение осталось.

А как структурно выстраивал, ей Богу, не помню. Помню, что привез какие-то бумаги из Афгана, записи. Одна из листовок и дала толчок. Написал вроде быстро. Благо, повесть попала на Советание молодых писателей 1984 года, посчастливилось принять участие на семинаре Георгия Маркова и Анатолия Ананьева. Они похвалили, а корреспонденты тут же «налетели». Прозвучала. Сначала напечатали в газете «Красная звезда». Невиданно: давали по колонке каждый день. Потом в журнале «Октябрь» [<http://mreadz.com/new/index.php?id=327935&pages=180>]. За неё дали премию имени Николая Островского, пригласили корреспондентом в «Красную звезду». Но заместитель командующего ВДВ не пустил: говорит, пойдёшь, потеряешь себя как писатель.

А по названиям.... У каждого – свой случай. Где шёл от заглавия, где оно рождалось в процессе работы, где-то искал после окончания работы.

«Спецназ, который не вернётся». Придумал сначала название, а потом поехал за материалом в Чечню. Взяли в плен. Там подсказали боевики название документальной повести своим «обещанием»: «Расстреляем в ноябре».

А эти строки из интервью главному редактору журнала «Брянская тема» **Наталье Тимченко** и корреспонденту **Александре Савелькиной** (простите, если есть повтор, но вычеркнуть не могу):

– Как случилось, что вас отправили в Афганистан?

– Первый рапорт в Афганистан в 1979 году я написал по собственной инициативе. Помню, как военных журналистов собрали на совещание, и наш руководитель сказал: «Ребята воюют в Афганистане уже полтора года, нужно подготовить для них замену. Кто готов поехать?» И все как-то притихли... Мне стало стыдно за товарищей, и я поднял руку.

После первой поездки я написал повесть «Гроза над Гиндукушем», которую опубликовала «Красная звезда», а затем и журнал «Октябрь». В 1985 году за свой литературный дебют я получил престижную премию имени Николая Островского. И мне,

обычному редактору дивизионки, лично позвонил командующий воздушно-десантными войсками генерал-полковник Дмитрий Семёнович Сухоруков, поздравил с публикацией и вручением премии. «Можете попросить меня о чём угодно», – сказал напоследок командующий. Я попросил... снова отправить меня в Афганистан. Генерал-полковник пообещал подумать, и ровно через месяц я был в списке командированных. Правда, оформили меня как врача – в то время в Афганистане особенно требовалась помощь медиков.

Когда я добрался в родную дивизию, меня встретил начальник политотдела со словами: «Насчёт тебя командующий звонил, сказал, что если хоть один волос с твоей головы упадёт, буду отвечать лично. Только смотри, у нас сегодня ночью планируется боевое задание. Не пойдёшь – ни одной книжки твоей читать не стану!»

Уходили мы на два дня, а вернулись только через неделю – попали на минное поле. Когда мы выбирались из заминированной местности, с Доски почёта в военном городке упал мой портрет

и разбился вдребезги. Сотрудница редакции Таня Петрова побежала с ним к начальнику политотдела. Они боялись, что со мной что-то случится, и, чтобы хоть как-то помочь, наспех распечатали новую фотографию, смастерили рамку и вернули портрет на место.

Так получилось, что я стал первым военным журналистом, награждённым уже после Великой Отечественной войны медалью «За отвагу». Приходилось не только писать, но и участвовать в боевых действиях. Мои командиры прекрасно знали, что если погибнет офицер, я смогу занять его место и не подведу.

Из Большой Советской Энциклопедии 1978 года: «*Советский воин*» – общественно-политический и литературно-художественный журнал Главного политического управления Советской Армии и ВМФ. Основан Политическим управлением РСФСР Республики. Издавался с апреля 1919 в Москве под названием «Красноармеец», с 1947 – «Советский воин». Задачи журнала: политическое, воинское, культурное и эстетическое воспитание воинов Советских Вооруженных Сил, до призывной молодёжи. Печатаются репортажи, очерки, статьи, рассказы, повести, стихи, репродукции произведений живописи графики, снимки мастеров художественной фотографии. Публикуются беседы о литературе, искусстве, спорте, международной жизни. Награждён орденом Красной Звезды (1944).

НИКОЛАЙ ИВАНОВ: «Я ПОСЛЕДНИЙ СОВЕТСКИЙ ВОИН...»

В начале жизни судьба заворачивает историю,
о которой «Брянская ТЕМА» рассказывала и сейчас по-новому выпускает
книжку и публикует автор интервью Сергей Петров

Для брянского читателя «книжка былинки на родную Брянщину» пришла

другой наш земляк — военный журналист, писатель

и полевой человек с орденом героя Советской Родины Николай Иванов.

Важные командировки и административная, гражданская жизнь

длинной и 113 дней и ночей. — это и другие пережитые моменты

своей диссертации Николай Фёдорович с тончайшей проницательностью

отмечает на страницах своей книги. По форме это современное издание на тему родную

книжку без максимализма интервью «Брянской ТЕМА».

Николай Фёдорович, как и любой рабочий командировки в Бресте. Пускаю слово: прощай, земляк! — «Я не знаю, где ты, но ты же точно собираешься приехать и — жене и детям. И тогда прощай, и я тоже собираюсь на фронт, но время будет, детский сад, институт, курсы. Николай Фёдорович, а вы же собираетесь вернуться? — Да, я был участником войны: командир взвода в Брестской крепости, командир роты в Берлинском секторе. Сидели в плену в лагере в Германии. Сидели, и вспоминаю это пленение в Силезии (немецкой Германии). И в плену я был, но не совсем. Потому что мне все время приходило в голову: «Мне надо вернуться в СССР, я должен вернуться в СССР». И тогда я решил написать книгу. И тогда я решил написать книгу. И тогда я решил написать книгу. И тогда я решил написать книгу.

идет, а время идет, рана не заживает. Выбывая из жизни, мыслишь о том, что ты не можешь вернуться. И тогда я решил написать книгу. И тогда я решил написать книгу. И тогда я решил написать книгу. И тогда я решил написать книгу.

[Иванов Н. Я – последний советский воин // Брянская тема. – 2012. - № 1 /2 (51 / 52). – 30 – 35. – С. 33. Или: <http://tema32.ru/fromjournal/2012/51-52/640/>]

Прочитав заглавия произведений Николая Фёдоровича Иванова, мы определим тему его труда, а вернее, концепцию всего творчества. Самостоятельно, без навязывания чьей-то точки зрения. Но есть одно обязательное условие – надо непременно читать!

Для меня диалог с автором во время чтения книги – чтение с остановками («чтение островками»), во время которых думаю над событием, задаю вопросы, прогнозирую, а потом ищу поиск решения и подтверждение ему у автора; и если в унисон моё мышление с предложившим мне это диалог, я счастлива. И счастье проявляется в умении откликнуться – написать сочинение так, как сам сформулируешь тему и основную мысль собственного труда. Такой форме общения с автором нас учила советская школа, мы пользовались цитатами текста,

интерпретировали событийно-фабульную линию, находили своё в авторских размышлениях и... с этим жили. Росли. И становились теми, кем являемся и сейчас, – надёжным поколением своей Родины, потому что знаем, с чего она начинается! Как и наш земляк Николай Иванов, заслуг его не перечесть.

Здесь, в этом разделе, останавливаюсь на аннотациях к книгам (не ко всем – чтоб был стимул к прочтению), имеющимся в личной библиотеке, найденным в интернете, а также моих откликах на произведения, которые успела прочитать творчески.

«ГРОЗА НАД ГИНДУКУШЕМ» – первая книга молодого прозаика. За эту повесть автор удостоен премии на Всесоюзном литературном конкурсе имени Николая Островского. В ней рассказывается о мужестве и отваге советских воинов-десантников, выполняющих интернациональный долг в Афганистане, об их готовности пойти на самопожертвование ради революции, которая позвала на помощь. Наряду с этим в повести действуют и главарь, и молодой парень-афганец, задумавшийся о смысле жизни, о своём месте в новом Афганистане.

Это произведение я читала весной этого года: появилась необходимость вернуться к истокам мастерства писателя.

БУДЕТ ОЧИСТИТЕЛЬНОЙ ГРОЗА...
*Героям «Грозы над Гиндукушем» и автору
первой повести об Афганистане Николаю Иванову*

ОБРАЩЕНИЕ

Прости меня, земляк мой дорогой,
За вольность обращения на «ты»,
Но, видно, формы не дано другой,
И мною не положены цветы

На склоны гор, где умирал солдат,
А у меня тогда родился сын...
И чтобы он душою был богат,
Налью в стакан я утренней росы
И прочитаю повесть, как могу,
Опасный не минуя поворот.
Восьмидесятые я тоже берегу,
И помню, и храню свой добрый род.
Охапки полевых цветов страны
У повести подножия кладу,
Да, на суде пред Богом все равны,
А на земле должны мы жить в ладу...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В 18 километрах севернее Пешавара
создан лагерь афганских беженцев
Адезай.

Из сообщения разведчика «Шабнаме»

Не на радость – на беду –
Повстречались люди.
Да... в Афгане жизнь в бреду,
Что же дальше будет?
Напряжение и страх,
Горе, обречённость.
Опрокинутая в прах
Жизнь как отвлечённость.
Ходят люди там и тут,
Посмотреть не смеют.
И метут пески, метут –
Ветры ситом веют.
Пробивает боль висок:
Где любовь, где вера?
Тихий, слабый голосок:
Здесь иная мера
Человеческих судеб,
Кто на что сгодился,

Ах, найти планету, где б...
Заново родился.

Гандж Али

Встретил друга ты, как брата,
Ох, Али, хранимым будь!
Встреча хуже, чем расплата,
А назад не повернуть,
И тебе б не слышать это,
Но понять, откуда смерть...
Нет кровавее рассвета
Да судьбы, чтобы иметь
Злую долю, словно камень:
Друг – убийца, а не брат!
В сердце ненависти пламень –
Кто же этим был богат?
Мракобесия законы
Разуму не воспринять.
Где вы, главы обороны,
Где любовь? Родная мать?
Солнцу стыдно за раздоры,
Продолжает грех расти,
Повторяют эхом горы
Запоздалое: «Прости!»

ГЛАВА ВТОРАЯ

Во всех лагерях идет усиленная вербовка для заброски банд на территорию республики.

По предварительным данным, многие банды

нацелены на северные провинции.

С одной из групп возвращается «Тура».

Из сообщения разведчика «Шабнаме»

Недооценивать врага –
Ходить по свету
В вечном страхе.
Жизнь, как дорога, дорога,
Но липнет потная рубаха –
Противен самому себе.
Зачем же надо жить в борьбе?
На брата, друга – на народ
Идти войной за годом год,
Не посмотреть глаза в глаза...

Пусть долгожданная гроза
Прибьёт песок, уложит пыль,
И разольётся песней былъ
О самом важном на земле:
О мире, счастье и тепле,
О песне горного ручья –
Земля и наша, и ничья,
Она нам в дар поднесена,
Чтобы смогли мы уберечь
Её от самых ложных встреч,
От бед была бы спасена,
Но людям надобна война...

Безумства жёсткие приказы,
Бесчинство банд и главарей...
Ужели усыхает разум?
Распределение ролей
И содержание... Кто пишет?
Присвоил кто права судьи?
А рядом твой ребёнок дышит!
Война! Война!.. Ничьи! Ничьи!..

Афганистана лик расплылся:
Погибнуть или быть стране?

Тот, кто в сиротстве очутился, –
По твоей собственной вине,
Делавархан, убийца Мира!
Солдат советский здесь в строю,
Чтоб не устраивал ты пира,
Сразимся в праведном бою.

Делавархан

Представитель тёмной силы,
Презирая вся и всех,
Без суда бросал в могилы –
В этом состоял успех
Послужного списка...
Люди!
У зверей закон другой,
Но они хранимы будут
Божьей волей дорогой.
Эта воля нас спасает!
Что же ты, главарь творишь?
Униженьем забывая,
Что дехканам говоришь?
Презираешь неприкрыто,
Ухмыляешься, грозишь...
В припасённое «корыто»
Сам однажды угодишь.

Нет, невысказано представить –
Человеком решено:
От людей себя избавить,
От народа – не грешно?
До поры продлится барство,
Очищения гроза
Как защита государства,
Дождь – спасения слеза.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

В связи с имевшими место провокациями
мятежников на дорогах движение
автотранспортных средств вне
расположения лагеря в одиночку
разрешать только в исключительно
крайних случаях...

Из приказа

Однажды утром ранним
К нам постучали в двери.
- Я Коля, из Афгани...
Возможно ли поверить?
Живой! В отличной форме!
Подтянутый, красивый –
Брат мужа.
- Как ты?
- В норме!
Но скажет мама: «Сивый!
Сынок, мне твоя служба
Покоя не давала...»
- Хранила, мама, дружба!
Добрался до привала...
Мой дом – Страна Советов!
А липы пожелтели.
Давали мы обеты,
Как журавли, летели...

Читая твою повесть,
Родной земляк, ровесник,
Я вспомнила то время,
И грусть легла ковром.
Но книга, светлый вестник,
Меня всегда спасала
И наполняла смыслом,
Как солнышко добром.

Главу читая третью,
В любовь я погрузилась –
Какое многоцветье:
Она ведь не грозилась,
Но верность испытаньем
Представила сполна.

Читатель не наивный,
Давно всё понимаю,
И в подтвержденье мыслям
Нахлынула волна –
Волна воспоминаний,
Не била, но качала,
Немного грустно стало,
Усвоила одно:
Всё, что тебе даётся
Бесплатно у причала,
Как песня, не поётся...
Что ж, начинай сначала.

«Сегодня», «завтра» и «а вдруг»–
Исходные три точки.
Начертим нашей жизни круг
(Ох, ягоды-цветочки!):
Сегодня – значит «сего дня»,
Такого непростого.
На страже воины, страна...
Сознания людского
Ни обмануть, ни обойти,
Сегодня не получится,
Земному честному пути
Все друг у друга учатся.

А «завтра» – значит «за вторым»,
А первый как исходный.

«Отцов мы подвиг повторим! –
Сказал солдат. – Походный
Мы будем шаг держать везде,
Союза марку – тоже!»
В ущелье не упасть звезде,
И будет день погожий.

«А вдруг»...
И вспомнился тот миг
На Родине любимой,
Когда он истину постиг,
И жизнь неповторимой
Предстала верой,
Будто впрок,
Чтоб сильным быть
И смелым,
Не повторять чужой урок,
Но день оставить белым,
И звёздной–ночь,
В росе –траву,
И землянику –сладкой.
Пишу, солдат, свою главу,
Пусть всё в ней будет гладко.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ДИР - контрреволюционная организация «Движение исламской революции» («Харакят-е-энгеляб-е-ислами»), руководителем которой является Мухаммед Наби. Бандитские группы этой организации отличаются особой жестокостью и грабежами. *Из справки, полученной в ХАДе (Органах афганской государственной безопасности)*

Я – Женщина! И годы все мои,
Как рек разлив, весною соловьи,
Как летний зной, падение звезды
И сладкий вкус из родника воды.

Я – Женщина! Стара иль молода,
На склоне лет иль у подножья гор,
Таким, как раньше, вижу я рассвет,
И с солнышком справляю разговор,
Любви своей ловлю желанный взгляд,
О чувстве говорю не наугад,
Кого люблю, тому любовь дарю.

Я – Женщина, родившая детей
И доме создающая уют,
Не допущу безумия, смертей,
Пока живая и пока я тут!

Дела варханов не носить Земле –
Веками горе на её челе.
Гроза заходит, ветер не унять,
Пыль до небес, но мир хочу обнять,
От похотливых спрятать Абиду –
На счастье родилась, не на беду.

Я – Женщина! Я – мать-Земля, Слеза!
Да будет очистительной гроза
Для тех, кто повесть эту прочитал,
Кто после чтения гораздо выше стал.

К Мужчине обращаюсь не на «вы»,
Молю о том, чтоб зарастали рвы
Зелёною-зелёною травой,
Чтоб колокольчики качали головой,
А на лугу душистые цветы
Хранили мир добра и красоты.

Я – Женщина!

ГЛАВА ПЯТАЯ

Воин! Родина доверила тебе благородную и почётную миссию – помочь трудящимся Афганистана отстоять завоевания революции, обеспечить мирное строительство новой жизни. Будь всегда и во всём достоин этого доверия. Высоко носи честь и достоинство советского воина-интернационалиста.

Из обращения «Воину-интернационалисту, находящемуся в ДРА»

Воин, защитник, солдат –
Родственные слова.
Будто читаю трактат,
В нём за главою глава,
Как мировой протокол,
Пакт, где ни шага к войне,
Горной породы скол
Эхом вернётся вдвойне.
Принципиальный подход,
Родины рубежи,
Русских в Афган поход –
Миссия, не миражи.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Дружба предполагает взаимное содействие и, исходя из нашего желания, по мере возможности способствование развитию и процветанию дружественного Афганского государства. Мы готовы оказывать ему содействие, какое в наших силах...

*Из «Инструкции полномочному представителю РСФСР в Афганистане».
Июнь 1921 г.*

Сколько их, этих славных судеб,
Опалённых войной? Не счесть!
Много будет судей и судий,
Только главной порукой – Честь!

Свою совесть в карман не спрячешь,
Память прожитых лет не сотрёшь,
Песню слышишь, поёшь и плачешь,
Это значит, что ты живёшь!

Алексей Спирин

Собирательный образ,
В то же время конкретный,
Светлый образ солдата,
Что служил беззаветно.
Замполит третьей роты,
Награждённый медалью, –
Проявление заботы,
Но знакомый с печалью.

Боевые заслуги
За дома, переулки,
За посланье подруги,
За ночные прогулки,
За восход ясный солнца,
За закат без потери,
За родное оконце,
За скрипучие двери,
За дожди за грибные,
Встречи после разлуки –
Воевал за родные
За отцовские руки.
За сосну и берёзу,
За ольху и осину,
Да не лить маме слёзы,
Да читать сказки сыну
О великом народе.

Но коль чёрная смута
С гор лавиной нагрянет,
Будет сбор и минута,
Воин к воину станет.
Жизнь положат за други,
Не считаясь с годами,
Боевые заслуги –
Как один с орденами.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

В своей справедливой борьбе мы всегда
чувствовали и чувствуем могучую
солидарность наших надежных и верных
друзей, и прежде всего нашего великого и
естественного друга - СССР.

*Генеральный секретарь ЦК НДПА
Б. Кармаль. 1981 г.*

Договор дороже... знаем,
Срочно: помощь ДРА!
Боль чужую не сметаем,
Понимаем, нам пора
Мир держать во всей округе
И соседством дорожить –
Все нуждаемся друг в друге,
В эре света жить бы, жить,
Но летит в ущелье воин,
Задыхается в песке,
Он всех почестей достоин,
А судьба на волоске...

И плакала ночами тихо мама,
Молчала днём
Под гулкий стук колёс.
От времени желтела телеграмма,
Которую «афганец» ей принёс.

Ему сегодня было б пятьдесят...
Отец вздыхает тоже не украдкой.
А под окном деревья голоса,
И в доме без него совсем несладко.
Объём в часах? Да целых тридцать лет,
И Память возвращается медалью.
Тускнеет фотография-портрет,
Окутанная горем и печалью.
Он на портрете – молодой солдат,
К лицу ему счастливая улыбка,
В руках АК – надёжный автомат.
Афгана путь не стал для нас ошибкой:
На двадцать лет отведена беда
Наркотики детей не убивали,
Дождём лилась прозрачная вода.
Клинки блестели из высокой стали.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Завтра в Узбекистане сохранится жаркая
погода. Ночью возможны грозы...

Из сообщения Гидрометцентра СССР

Мысленный разговор во время грозы

Она

Если дождь этих чувств не остудит,
Если солнце прорвётся сквозь тучи...

Он

Столько радости в сердце прибудет,
Станут легче судьбы нашей кручи.

Она

Если редки случайные встречи,
Если слов не хватает признаться...

Он

Шаль из мыслей накинешь на плечи,
Шанс, дарованный нам, – улыбаться.

Она

Если жизнь называем борьбою,
Небо плачет, объято грозой...

Он

Ты увидишь: я рядом с тобою,
Я тебя в непогоду укрою.

Она

Разговор во Вселенной наш вечен,
Вопреки всем невздам мы живы!

Он

Дай мне руку, ведь миг бесконечен,
А у солнца – цветов переливы!

Вы знаете, как вас умеют ждать
Со всех сторон всего земного шара,
И при сверканье молнии не спать,
И терпеливо принимать грозы удары.
И мысленно всегда лишь рядом быть,
Чтоб и самим из пепла возродиться,
И показать, что могут вас любить
Красивые и гордые, как птицы, –
Те женщины!
Мужчины, верьте им!
Хранимы будьте!
Милые, хранимы!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

«Союз Советских Социалистических
Республик, город Энск, войсковая часть №

...

Слисарю Александру Евгеньевичу

Да будет очистительной
гроза,
Да смоем горе,
боль,
 тоску,
 тревогу,
И краснотала яркая лоза
Очистит от невзгод
любви дорогу.
Советский воин!
Долг неоценим
Всех ратных дел и
подвигов крылатых.
Стоим сегодня молча перед ним –
Перед Огнём,
 сказаньями богатым...

«РАССВЕТЫ САУРА»

В книгу молодого прозаика Николая Иванова вошли повести, написанные очевидцем и участником сложных событий, происходящих в последние годы в Афганистане. Все повести – о силе братства по оружию, о борьбе за равенство и справедливость, о верном служении советских воинов интернациональному долгу.

Содержание: «Гроза над Гиндукушем», «Перевал», «Рассветы Саура», «"Алькор" выходит из боя».

«"АЛЬКОР" ПРИНИМАЕТ ВЫЗОВ»

Эта книга во многом своеобразна. Она о наших воинах-афганцах и написана офицером-афганцем. Едва откроешь её – и сразу чувствуешь живое дыхание тех недавних событий, которые до глубины души волновали всех нас. Автор раскрывает не только подвиги комбата Егорычева, замполита Воронова, прапорщика Рокотова, рядового Чумичёва и других. Он взволнованно и искренне говорит о незатихающей боли утрат, горечи просчётов и неудач, рассказывает о том, что и сегодня волнует вчерашних афганцев, чем они живут.

«ЧЁРНЫЕ БЕРЕТЫ»

Очередная книга серии представлена творчеством писателя Николая Иванова (ранее публиковавшимся под литературным псевдонимом – Капитан Н.). В книгу вошли два произведения автора: повесть «Чёрные береты» и роман «Операцию "Шторм" начать раньше...». Ввод войск в Афганистан, московские события августа 1991-го и октября 1993 годов - недавняя история нашей страны. На основе документов, фактов, свидетельств очевидцев автор в увлекательной, остросюжетной манере ведет повествование. Возможно, не все согласятся с позицией автора, затронувшего трагические, связанные с громкими политическими именами, вчерашние события, но нельзя не отметить его стремление взглянуть на это по-своему.

«ОПЕРАЦИЮ "ШТОРМ" НАЧАТЬ РАНЬШЕ» – Серия «Боевые береты»

Кто был «за», кто «против» ввода советских войск в Афганистан? Как готовилась операция «Шторм»? И почему она началась на 4 часа 35 минут раньше времени «Ч»? Всё это и многое другое восстановлено по дням и по часам на основе секретных документов США и бывшего СССР писателем Николаем Ивановым, участником боёв на афганской земле.

Операция «Шторм» – взятие дворца Амина. О том, что предшествовало этому событию, о судьбах людей, безжалостно

перемолотых Молохом Большой Политики, рассказывается в этой книге, написанной участником боёв на афганской земле.

«ДЕПАРТАМЕНТ НАЛОГОВОЙ ПОЛИЦИИ»

Совсем недавно в России была создана специальная служба – Департамент налоговой полиции. Писатель Николай Иванов впервые в отечественной литературе рассказал об этой организации. Предотвращение попыток хищения документов и подкупа фининспекторов, схватки служб физзащиты с охраной частных фирм, отслеживание агентов из-за рубежа и внутренних шпионов, работающих на «чёрный бизнес» – всё это ежедневная и нелегкая работа Департамента налоговой полиции.

«МАРОСЕЙКА, 12. СРОЧНО...»

Книга «Маросейка, 12. Срочно...» объединяет три произведения – «Департамент налоговой полиции», «Наружка», «Акта эст фабуля». В наши дни, когда налоговой политике уделяется особое внимание, писатель Николай Иванов впервые в отечественной литературе с полной достоверностью рассказал о напряженной работе этой службы, состоящей из различных спецподразделений. Пресечение попыток хищений, отслеживание внутренних агентов, схватки с охраной частных фирм, захват вооруженных преступников, погони, стрельба, скрытое наблюдение – вот будни сотрудников налоговой полиции.

«НАРУЖКА»

Стрельба, погони, захват вооруженных преступников – таковы будни Департамента налоговой полиции. Однако работа сотрудников этой структуры не ограничивается силовыми методами работы. В её составе есть особое подразделение, называемое «наружкой», – группа негласного наружного наблюдения. Эти «крутые парни» не только ловко ведут слежку, мгновенно меняя обличье, но и способны в случае необходимости вступить с бандитами в открытую схватку.

«ВХОД В ПЛЕН БЕСПЛАТНЫЙ, ИЛИ РАССТРЕЛЯТЬ В НОЯБРЕ» («РАССТРЕЛЯТЬ В НОЯБРЕ»; «ВХОД В ПЛЕН БЕСПЛАТНЫЙ»)

Ужасы чеченской войны не ограничиваются боевыми действиями и террористическими актами. Плен – испытание не для слабых. Что ждет российских офицеров, попавших в «подземную тюрьму» к...

* * *

Ещё одной коснусь страницы
И с русским именем свяжу.
По праву им страна гордится,
Сверяет честь по рубежу,
Который в образе солдата
Стоит за совесть, не за страх,
И побеждает супостата,
И нет презрения в глазах –
Они наполнены любовью
К Отчизне милой и родной,
Что защищается лишь кровью
И Словом в Памяти людской.
Есть Иванов, как факел света,
А Божий дар отцом вручён.
Его поступок в каждом Слове,
Как купол храма, золочён.
Он наш земляк – и это благо:
Он пишет правду о войне,
О человеке, в ком отвага
Как благовест по всей стране.

«СПЕЦНАЗ, КОТОРЫЙ НЕ ВЕРНЁТСЯ»

Они не должны были вернуться, потому что невольно прикоснулись к тайне развязывания чеченской войны. Только вот сами спецназовцы об этом не знали, и продолжали пробиваться к своим – сквозь огонь собственной артиллерии, «утюжки» вертолетов, сквозь минные поля и засады. Они по сто раз на дню умирали, они хрипели, жадно глотая воздух, они свято верили в абсолютную справедливость страны, пославшей их на смерть. И вот

закончилось всё, что поддерживало в них жизнь. Остались лишь бережно сложенные в планшетке захваченные у боевиков документы, да в памяти – места, где тайно хоронили друзей...

«ПОКЛОНИМСЯ ВЕЛИКИМ ТЕМ ГОДАМ...»

Книга посвящена хронике событий и воспоминаниям о действиях партизан в Суземском районе в период Великой Отечественной войны. Редакционный совет будет признателен бывшим партизанам, их родным и близким за новые сведения и уточнения об этом периоде времени.

«МЫ ВЕРНЁМСЯ ЖИВЫМИ»

Эта проза – она оттуда, из выдолбленных в скалах окопов, из арыков, по которым десантники на спинах выползали из-под обстрелов, из дрожащего чрева «вертушек», в которых уносились с застав на «большую землю» вперемешку живые и мёртвые... Это юность тех, кто сначала рвался в бой, а потом долгие годы выходил из боя. Написанные во время афганского похода, повести даже сейчас, по прошествии долгих лет, не исправлены ни на одну букву или запятую: солдатская правда о войне не терпит лакировки. Вслушайтесь – зашелестели лопасти «вертушек». Всмотритесь – десант уходит на боевые. Запомните – многие из них ещё живы...

«ЗАЧИСТКА»

Их предупреждали: на Северном Кавказе офицера на белый танец может пригласить только одна дама – смерть. И погоны на плечах не позволят отказаться от этого приглашения... Их предавали, продавали и унижали, а они всё равно вставали и останавливали пули, летящие в сторону Родины. Потому что их учили: на колени офицер может стать только в трёх случаях – перед любимой женщиной, чтобы испить воды из родника и попрощаться с Боевым знаменем. Но, к сожалению, они падали на колени и от выстрелов в упор тоже...

«БЕЛЫЙ ТАНЕЦ (ВЕРА, НАДЕЖДА, ВОЙНА)»

* * *

Война на белый танец пригласила
России смелых и отчаянных парней,
Чтобы жена иль мать заголосила,
Чтоб отчий дом оставить без корней.

Да вот любовь не может ей позволить
Чинить расправу – нет на то причин.
Глаголом жечь сердца, а не глаголить!
Не истребить в Отечестве мужчин!

На белый танец вера пригласила.
Коль поселилась в сердце, – светлый день!
Ко всем делам и мыслям проложила
Дорожки и тропинки деревень,

Проспекты городов, чтоб новой песней,
Как светом солнца, озарились вновь,
А с верой да к восходу интересней
Идти вперёд, где властвует любовь.

Любовь и вера! А ещё надежда!
Не умереть ей в душах, нет, не жди!
Пусть не закроет память веки – вежды,
Пусть нас омоют летние дожди.

И в день сентябрьский ко святой иконе
Прильнём губами, чтобы всем спастись,
С молитвою в торжественном поклоне
Мы кружим в белом танце, мать Жизнь!

09.02.14 г. 12:17

«ЧЕЧЕНСКИЙ БУМЕРАНГ»

На свою беду, они невольно соприкоснулись с тайной развязывания чеченской войны. И потому не должны были вернуться. За ними охотились как свои, так и чужие. По ним стреляли собственные вертушки и артиллерия, и чеченские снайперы. Они сотни раз должны были погибнуть, но, теряя товарищей, всё же выбирались из ловушек, подстроенных

продажными политиками. Их предавали, но они оставались верны Отечеству.

«МОСКОВСКИЙ ИЗЛОМ»

Из горящего Белого дома в октябре 1993 года рижский омоновец Андрей Тарасевич вышел через подземные коммуникации. А до этого в его жизни был август 1991 года, Беловежская пуца и распад СССР, гибель любимой жены, участие в подпольных гладиаторских боях. И вот с разрешения российской власти латвийская охранка начинает преследование бывших рижских омоновцев на территории России...

«СЕМЬ НОТ О ЛЮБВИ»

«Не выстрелы пою – а тех, кто шёл под пулями. Не войне поклоняюсь – а тем, кто не прятался от неё».

«БЕЗ ПРАВА НА СЛАВУ»

* * *

Без права на славу, но с правом на счастье
жил-был человек – Буерашин Егор.
Вокруг его имени – бури и страсти...
Не смолкли они до сегодняшних пор.
«Вот это – твой рапорт.
Ставь подпись. В дорогу!»-
сказал деловито серьёзный кап-раз.
Проверка на прочность:
фальшивка – ей-Богу! –
Зачем её столько?
На жизнь? Про запас?
Вставай же, Егор, через тюрьмы внедряйся,
Каналы поставки добудь, хоть умри,
А после (ты можешь!)
да в рост поднимайся:
Суземка твоя в свете алой зари...

«БРЯНСКАЯ ПОВЕСТЬ»

К ИСТИНЕ ДОРОГА

Автору «Брянской повести» Николаю Иванову

*Вселенная и есть тот храм, который
спасаем миром, чтоб душой спастись!*

1

Как в народном эпосе – образ очень зримый:
Бабушка-задворенка уточкой бежит,
А в руках опора: то ль клюка, то ль палка –
Разницы не видит, очень дорожит.

Плащ-палатка крылья смело распластала,
Чтобы снег колючий душу не забрал.
По дороге птицей – пусть не будет мало –
Торопилась, видно, и ждала похвал.

На дороге всякое каждый миг случается.
Стала настороженно, а в глазах вопрос:
- Разве меня знаешь? Странно получается:
Все машины мимо. Ну какой с них спрос?

Старая традиция – помогать попугчикам.
Если равнодушен, значит быть беде
Или неприятности. Разве не наскучило,
Что лишь снег колючий в белой борозде?

Простота святая мудростью богата,
Опыта немерено – целый Божий век.
Проживает дома, пятистенка хата,
Разлетелись дети. Что же человек?

Рыбу в понедельник ловит, да и только,
А очки забыл вот – и к нему бегом.

Когда есть забота, апельсина долька
Слаще и приятней. Так-то, дорогой!

Ехали попутчики средь полей России,
На часы водитель косо поглядел.
- Не спеши, родимый, ангелу бы силы,
Чтобы за тобою он везде поспел.

Не летай быстрее, чем души хранитель,
Он порядок ведает, ты ж не нарушай!
Знаешь поговорку: если сам Спаситель
О тебе в заботе, тихо поспешай.

Слушай наставленья, людям будь приятен,
Помогай, как можешь, и счастливым будь.
Мир сегодня хрупок, зол и непонятен,
Ты иного рода! Помни, не забудь.

Вот тебе и бабка с палкою-клюкою!
Перцем не чихает, мудростью полна.
Кто ж тебя, Россия, сделал вот такую?..
Пробежала нежности добрая волна.

Кто ж тебя, Россия, сделал вот такую?..

Пробежала нежности добрая волна...

Рисунок Наталии Шелудяковой

Светом наполняется прямо Божье слово.
Бабушке спасибо: важный был урок.
- Далеко ль до трассы? – вопрошает снова.
- За тремя кустами. Славно мне помог.

2

За тремя кустами! Край и вправду дикий?
На дорог скрещении ставятся кресты.
Символ воскресения – Образ светлоликий,
Чтобы не поссорились он, и я, и ты.

И кресты, и храмы с тихою молитвой
Возводились, чтобы путник принят был,
Попросил у Бога счастья перед битвой,
И восславить Господа сам не позабыл.

Ангела с тобою – он везде успеет,
Он на то и Ангел, чтоб любить людей,
Охранять повсюду – пусть его согреет
Мудрость человека без шальных затей.

И от бед спасенье – символы и знаки
В виде остановок на твоём пути.
И горит лампада, затаив дыханье,
Чтобы не проехать, чтобы не пройти.

3

- С днём тебя рожденья,
Славный парень Лёшка!
Ты не очерствеешь, сколько жизнь не бей,
Только бы не алчность, не судьбы делёжка...
Прыгает на холоде бедный воробей.

С именем таким же от меня участия
Ждёт в краю далёком раненый мой друг.
На себя он вызвал, чтоб других ненастье
Не могло коснуться, зла людского круг.

Хорошо быть щедрым, добрым и разумным,
Мыслящим и славным по земле шагать,

Молвить слово людям, поддержать, где надо,
Чтобы стала твёрдой по трясине гать.

Вот какой закрученный
Зимний день на Брянщине,
Мысли, что позёмка, змейкою бегут.
И рассказ изустный – да сродни бывальщине:
Личности рассказчика и не нужно тут.

Но как важно, автор, знать сегодня свету,
Что не Белоруссия – наш дебрянский край:
В Куликовской битве имя Пересвета –
Песнь о нём великую от души сыграй.

А наивность Лёшке, как совет, поможет,
Имя по значению – Божий человек:
Он высоким слогом изъясняться может,
Защищать от врага двадцать первый век.

4

Есть у нас у каждого к Истине дорога.
Сколько б жизнь ни била,
тянемся лишь к ней,
За благословением в храм идём, до Бога,
Чей-то путь короткий, чей-то подлинней.

Русскому солдату в пояс поклонимся,
Сколько же на долю выпало его
Быть в горячих точках – разве удивимся:
Хорошо, что выжил, умер – ничего?

Человеку чести не принять «закона»,
Потому и сотни километров путь,
Чтоб испить шеломом из родного Дона
Мог бы друг водицы – в этом, знамо, суть!

«ПРОХОРОВСКОЕ ПОЛЕ: ДА СВЯТИТСЯ ИМЯ ТВОЕ»

Книга рассказывает о роли и месте в истории страны и Великой Отечественной войны крупнейшего танкового сражения Красной Армии и вермахта в 1943 году, о строительстве мемориального комплекса в посёлке Прохоровка в память о погибших бойцах и командирах. Это книга о людях, которые посчитали своим долгом перед памятью павших возвести на месте танковой битвы под Прохоровкой, которое впоследствии названо Третьим ратным полем России, светлые и величественные памятники, достойные подвига наших отцов и дедов. Это рассказ о строительстве храма Петра и Павла, Звонницы Победы, «Колокола Единения», музея, Дома ветеранов, Культурно-исторического центра, библиотеки Н.И. Рыжкова, скульптурной композиции «Танковый десант», танкодрома, детских домов, других зданий и памятников, посвящённых одной из самых героических страниц в истории нашего Отечества.

«НОВЕЛЛЫ ЦВЕТА ХАКИ»

В новую книгу брянского писателя, сопредседателя правления Союза писателей России, лауреата литературных премий ФСБ России, «Сталинград», «Прохоровское поле» и других, полковника Николая Иванова вошли новеллы, добытые автором в «горячих точках». Опубликованные во многих литературных журналах, газетах, альманахах, они впервые собраны вместе. Перед нами предстают бойцы спецподразделений органов безопасности, военной контрразведки, ГРУ ВДВ, погранслужбы. Выполняя каждый свою задачу, они делают общее дело – защищают Отечество.

* * *

Держу в руках «Новеллы цвета хаки».

Перечитала их не раз, не два.

В них есть любовь, надежда и атаки,

но главные здесь сказаны слова:

о Родине, беречь её мы в силах;

о Совести и Чести на Земле.

Чтобы беда планету не накрыла,

хранить её обязаны в тепле –
в тепле руки, во взгляде на округу,
в улыбках, и служении своём,
и в помощи знакомому и другу,
чтоб не сужался жизни окоём.

«ТОТ, КТО СТРЕЛЯЕТ ПЕРВЫМ»

* * *

Тот, кто стреляет первым,
Всё же умрёт вторым.
Война проходит по нервам,
Мешает любить живым –
Любить свой красивый город,
На звёздное небо смотреть,
Ведь каждый, по сути, молод,
Не вправе в огне гореть.
Живое даётся Богом,
Он знает ухода срок.
Нам – нашу пройти дорогу
И долг свой исполнить в срок.

«У СИНЕЙ РЕЧЕНЬКИ»

* * *

Вода что зеркало у синей реченьки,
Россия-матушка лицом светла,
Но слышу горькие слова-словеченьки:
Была бы силушка, вспять потекла.

А рябь на зеркало да пепел ворохом!..
Что ж, человечество, с тобой стряслось?
Где быть цветению, там пахнет порохом,
Простить не могут там, где не сбылось.
Россия-матушка, несёшь за всех кресты,
Платки на случаи любые есть.
Где пали воины, в живом костре цветы,
И офицерская порукой честь.

«НЕБОЖИТЕЛИ» ЗВЁЗДЫ МЛЕЧНОГО ПУТИ

«Небожителям» Николая Иванова посвящается...

*Вы теперь высоко, Обитатели неба...
На земле идёт дождь, потому что
скорбим.*

Часть I

1.

Интересное начало!
Но к названию вернёшься –
Словно ветром закачалось...
В голос да навзрыд заплачешь,
Никогда не засмеёшься.
Дан приказ в одно лишь слово
Не куда-нибудь: «На выезд!»
Сердце ко всему готово,
Пустота души не выест.

2.

Вековечное многоточие!
Погловило улыбку вмиг.
Санаторий, путёвки, прочее...
Но «На выезд!» - приказ настиг.
Всё, что сказано о начфине,
Не ложится в одну строку,
Как мечта за стеклом в магазине
И как рок на твоём веку.

3.

Кто на что обречён с рождения:
Кто на отдых, а ты на пост.
К небу трудное восхождение,
И не виден воздушный мост.
Есть дорога к семье и дому,
С ними рядом бы чаще быть,
Но приказы тебе знакомы!..
Как Отечество не любить?

4.

Добрый воин,
Уйдёт сомнение,
Не поставят его в упрёк.
В светлом Глебке –
Твоё повторение,
А за вторником –
Твой Урок.

5.

Первый день сентября
Не уложишь в сознание,
Не поверишь тому,
Что творит человек.

Человек ли творит?
Что, скажи, за создание?
Это нелюдь, и в нём
Люцифер говорит.

6.

Я смотрю на тебя,
Воин Доброго света,
Я тобою,
Защитник России,
Горжусь.
Ты стоишь на тропе
Самого Пересвета
И идёшь к небесам
За любимую Русь.

*Я тобою, защитник России, горжусь.
Ты стоишь на тропе самого Пересвета...*

Рисунок Наталии Шелудяковой

7.

С незапамятных лет
Дети «Ласточку» любят,
Первой ласточкой в мае
Приносится весть.
Но сегодня сентябрь,
Его нелюди губят,
Истребив изначально
И совесть, и честь.
Беспринципных, убогих
Много бродит по свету,
Разрушать ведь не строить,
Всем известно давно.
И нечистый вселяется
Только в двуногих,
Расползается зло,
Как в ужасном кино.

8.

Никогда не бывать
Лихолетью во власти,
Не кружить воронью
Над заветной тропой.
Разойдётся туман,
Растекутся напасти...
Кто уйдёт в небеса,
Кто вернётся домой.

9.

Солидарность военных,
Живущих Уставом,
И старлей из наряда –
В едином строю.
Они служат Отечеству
(Просто так надо!)

И выходят вперёд
В самом сложном бою.

10.

Если чьи-то колени
Для кого-то – примером,
Пусть запомнятся с детства
Теплом дорогим,
Чтобы были любовь,
И надежда, и вера,
Чтобы можно увидеть
Всё это другим.

Часть II

«Вот только где может быть твой папка, брат?»

Н. Иванов

1.

Правомерный вопрос
Лейтенантом был задан,
А ответ на него –
В продолжение пути,
Что давно капитану
Этот путь был предсказан:
От земли до небес
Через подвиг пройти.

2.

«Где же папка твой, брат?» –
Словно азбука Морзе:
Пробивает виски
И тревогу сулит.
Каждый звук – невозврат,
Злобной смерти ухмылка,
Потому-то в груди
Всё болит и болит.

3.

Константин!
Это имя с рожденья
Получил человек
С постоянством души.
Стойкость, выдержка,
Воля, активность –
Мгновенья...
Злобной азбукой Морзе
Нельзя задушить.

4.

Ценность жизни чужой
Осознал ты прекрасно.
Когда надо спасать,
Тот ответ прозвучит,
Что давно уж готов,
Что предельно всё ясно:
Солнцу жизни земной
Не дано угасать.

5.

Кап-кап-кап по груди...
Ах, водичка-водица,
Кто же так замарал,
Кто испачкал твой лик?
Родниками Россия...
Нет, так не годится!
Мир у Господа –
Космос. О, как он велик!

6.

Чувство юмора есть.
Обладание тоже.
Смотришь молча на небо,

Любуешься им.
А душа на растяжках.
Негоже, негоже...
Мир Господний
Давно был
Задуман другим!

7.

Только вот незадача:
Неймётся нечистым,
Окровавлены руки
По локоть всегда.
Кап-кап-кап...
Кап-кап-кап...
Дети, матери плачут,
А с небес голубых—
Чистой влагой вода.

8.

В небо шарик воздушный
Лететь не стремился:
Его друг оказался
В смертельной беде.
Он на дереве, рядышком,
С ним поселился
Лёгкий шарик воздушный...
Друг мой милый, ты где?

9.

Как надежда на чудо,
Висит этот шарик,
Но дышать ему нечем,
Как заложникам тем.
Жизнь по каплям уходит,
Давайте мы не будем
Представлять, что родные...
Не надо! Зачем?

Добрый Боже, прошу:
Созови скорей Вече,
Чтоб с решеньем Богов
Сразу стало ясней.

10.

Вы пролейтесь скорей,
Капли Божьего света:
На земле слишком плохо,
Потерян покой.
Защити, небожитель,
Родную планету,
Своим именем-званьем
Планету укрой.

Часть III

*Иконические знаки – это знаки-образы,
имеющие сходство с тем, что они обозначают*

1. Иконические знаки

В мире знаки повсюду,
У автора тоже:
Красный шарик
Воздушный,
И пламя свечи,
Страх в глазах у людей,
Палачей равнодушие,
В жуткой злобе
Своей – вороньё,
Добрый ангелов строй,
Млечный Путь
В поднебесье,
Небожителей подвиг...
Страданье моё.

2. Шарик воздушный

Не улетай,
Ты нужен на земле.
Заветный шарик,
Очень-очень нужен!
Здесь речь
О человеческом тепле,
Ведь мир давно
Предательством
Простужен.
Тебя и автор
Просит не лететь,
Он создал текст,
Где очень много боли.
Ты – знак добра,
Чтобы о мире петь,
Чтобы другого
Не лишали воли
И не кружили
Страшные кресты.
Не улетай!
О, как им нужен ты!

3. Чёрное вороньё

Кар-р-р-р! – в воздухе
Зловеще раздаётся,
Гортанных звуков
Просьбой не унять.
Окаркал ворон
Небо голубое –
Ни взглядом,
Ни руками не обнять.
Накликал он беду,
И предсказанье
Стрелой смертельной

Полетело ввысь,
А на земле
Великое стеланье...
О Разум человеческий,
Вернись!

4. Пламя свечи и зловещий огонь

За здравие свеча
Поставлена рукой,
И крест священный
С царственным
Поклоном.
А вот свеча
Горит за упокой –
Горенья купол
В отсвете зелёном.
Богослужение
Ещё не началось,
Фигурки тихо
Двигутся по храму.
О, сколько
В судьбах их
Переплелось?!
Записку подают,
Как телеграмму.
Туда, на небо,
Богу подают,
И верят,
И надеются на чудо.
Они добро во храме
Познают,
Чтоб Божья благодать
Была повсюду.
Но есть другое
Пламя у огня,

Оно на купол
Вовсе не похоже...
Спаси, Господь,
И защити меня,
Таких, как я:
Народ губить
Негоже.

5. Ангелы в белом

Небесный воин,
Ангел светлокрылый,
С земли не виден
Среди белого дня.
Кругом жара,
А в сердце
Воздух стылый,
От сквозняков
Зловещая дыра.
Мой добрый ангел,
Собери все силы,
На подвиг ратный
Кликни все войска,
Живых нельзя
Закапывать в могилы...
Смотри с небес:
Здесь горе и тоска.

6. Звёзды Млечного Пути

Не сегодня создан
Богом Млечный Путь.
Звёзды по спирали...
Хочется взглянуть
На тот путь поближе –
«Облака» плывут...
Белые, как вата,

Только не собрать
Смотрим виновато,
Ни к чему гадать:
То ль это солома,
Что горит в ночи,
То ли злая Гера...
Лучше помолчим.
Автор очень точно
Знак нам подаёт:
Ангелов бессрочных
В Вечности полёт,
По движенью стрелки,
Чтоб помочь в беде,
Чтобы без подделки...
Люди, где вы? Где?

«КОНТРОЛЬНЫЙ ВЫСТРЕЛ»

В июле 1943 года по приказу Ставки Верховного главнокомандующего в районе Орловско-Курского выступа от станции Ржава до станции Старый Оскол за 32 дня была построена железнодорожная ветка расстоянием в 96 км. На её строительстве трудились преимущественно женщины и подростки. Для уничтожения этой важной дороги абвер создал под Киевом специальную школу для подготовки диверсантов...

«СПАС-на-ЛЮБВИ» – пьеса и «ЗОЛУШКИ ОБЪЕКТА 217» – повесть

В июле 43-го на Курском выступе за 32 дня было построено 96 км железной дороги. Героизм советских людей был невероятен: порой за неимением носилок женщины в подолах носили землю для насыпи... Одновременно подрывники немецкой разведшколы делали все, чтобы вывести дорогу из строя. О событиях тех дней написал сначала пьесу «Спас-на-Любви», затем повесть «Золушки объекта 217». Повесть только что вышла в издательстве «Вече» в книге «Контрольный выстрел».

КО ДНЮ РОЖДЕНИЯ

Стихи всю ночь легко в эфир летели.
Ты – наш, ты – свой, и знаю, что простишь
За обращение на «ты», ведь строки пели:
Ты – Бастион России. Ты стоишь
Двумя ногами, чуя эту землю
И охраняя честно её пядь.
Тебе, полковник, верю и приемлю
Твой твёрдый шаг. И повторю опять:
«Спас-на-Любви!»
Всех золушек и принцев
Спасает Слово – это твой удел.
А у России самый главный принцип:
Чтоб воин в жизни Жизнь не проглядел.
Пусть маки поминальными свечами
Всегда стоят в солдатском том строю.
Мы знаем: за могучими плечами
Надёжно нам – и вот о том пою.
8.06.15 07:03

МЕДОВЫЙ СПАС, ПЧЕЛИНЫЙ ПРАЗДНИК
«Золушкам Медового Спаса» Николая Иванова посвящается
http://www.rospisatel.ru/ivanov_n-pjesa.htm

*Всё, Золушки. Дорогу и впрямь
к Медовому Спасу надо сдать.*
(Из речи Натальи)

ПРОЛОГ

Первый Спас называют Медовым,
Соты золотом в ульях полны –
Это мёд. Именуется новым.
Да и души обновлены.
Сколько радости в славном обычае,
В дивном празднике у славян.
В нём найдёшь не одно отличие –
Людям Господом свыше дан:
Мокрый, Маковый, и Пчелиный,
Маковой, Маковеев день,
Лета Проводы – он былинный!..
Исчезала сомнений тень,
Растворялась в воде освящённой –
Крест Господен Животворящ!

...Вспомним Золушек,
в жизнь влюблённых,
Да услышит Россия плач!

БАБА ЛЯЛЮШКА

А Ляля – славянское имя,
Дочь Лады, богини Весны.
Она прибауткой поднимет,
Умчатся воздушные сны.

Детишкам на тёплых коленях,
Любовь отдавала и кров.

Промчались годочки в селенье,
К защите Отчизны готов
Был каждый возвращённый
Лялюшкой,
Сама она тоже в строю...

Война – это вам не игрушка,
И все – у Судьбы на краю.

Глаза в Божий мир –
нараспашку,
Доверчивы и светлы.
И сушат от пота рубашку
Участливо листья ветлы.
Носить бы тебе первоцветы
И зелень в венке полевым –
Красиво! Но всё это где-то...
Сегодня живём – не в былом.

Заботу ко всем проявляет
Она в окруженье своём,
Внимательна, не забывает,
Что с крестницей милой вдвоём
На этом земном белом свете –
Роднее теперь не сыскать,
За девочку в полном ответе,
За крестницу – крёстная мать!
Толкает дрезину Лялюшка,
Спасает от горьких плодов:
Совсем несмышлёныш, девчушка –
«К труду-обороне готов!»

Стараться до косточки малой,
Рельс к рельсу – дорога как жизнь.
О женщине милой, усталой,

Читатель, прошу, помолись!
Она и в огонь, да и в воду
За всех, кто с ней рядом идёт,
Поможет в любую погоду,
Подставит плечо, подпоёт.
И юмор звенит, как защита,
Где надо, отпором обдаст.
Как Золушка в сказке... Забыта?
Она никогда не предаст!

ЗОРЯ

На плече бревно у Зори –
Вышла из лесу она.
Где же тут не будет хвори?..
Но в заботах вся страна,
И семнадцать – возраст тоже,
Чтоб Отечеству служить.
Дай ей силы, добрый Боже,
Ждать Победу, просто – жить!

Бал твой в Золушкином платье
И в хрустальных башмачках?

Рельс, бревно, войны заклатье,
Гибель... бомбы... жуткий страх.
И ни дня тебе покоя,
Не рассвет – один закат,
Молодое сердце ноет,
Доля тяжестью в стократ
На одну судьбу досталась,
Но надежда всё же есть:
Жизнь к Победе приближалась,
Вот она – благая весть!

Имя то, что получила
От родимого отца, –
Щит, любовь к тебе и сила
До победного конца.

СТЕША

По земле нам легко шагается,
Мы её поддаём, как мяч.
Боль тогда из груди вырывается,
Когда сами везём.
Хоть плачь
От такого труда мужицкого –
И натужно хрипит душа.
Как, скажите,
С судьбой ужиться-то?
Посмотрите, ведь хороша
И умом, и девичьим станом,
Хоть подол у тельняшки сер...

Улыбнётся ещё желанный,
И не будет военных мер!
А пока лишь рельсы, да шпалы,
О любимом боль, но чужом,
Мысли горькие, будто шквалы,
А сердечко – колючим ежом.
Камни – гири двухсотпудовые...

Фея, сделай из них коней!
Пусть несутся на бал бедовые
И до Спаса, да поживей!
На балу встретит ту же Золушку,
Побеседовать есть о чём,
Лишь бы мирно светило солнышко
И беда была нипочём.

ГРУНЯ

До тени навеса б добраться,
Семь метров, как вечность, пройти,
Ладоней в мозолях касаться –
Кровавых этапов пути,

Облизывать губы сухие,
Рвы трещин от боли лечить...
Военные годы лихие!..
Уроки нам эти учить
Всю жизнь,
Чтоб свеча не сгорела,
Молитва летела к Христу.

Чтоб Истина нас усмотрела,
Мы лбом прикоснёмся к кресту.

И Груня без возраста встанет
В обличье Заботы Души,
А если беда и нагрянёт,
Её, как фашистов, круши,
Дорогу прокладывай к фронту –
Открытость, сердечность и лад
За дымным больным горизонтом...

Бал Золушки в смене рулад,
В мечте, в ожидании чуда,
В надежде на лучшую жизнь.
Ты знай, Аграфена, всё будет,
Как время лихое ни длись!

ВАРЯ

Трудолюбива и скромна – как полагается
С дворянским именем Варварушке-красе.
Но на неё в годину возлагается такое дело!
Понимают все, кто Родине,
Советскому Союзу
Готов служить по самый жизни час,
Кто не страшился тяжести и груза
Всех бед войны, кто фронт любовью спас.
Дорогу Варя строила и знала:

Победу приближает и она.
В дороге без конца и без начала
Нуждалась драгоценная страна.
А верностью своей не удивляла,
Но терпеливо письмеца ждала.
Три дня и месяц – вроде бы и мало,
Но на войне как вечности стрела,
Которая летит без остановки,
Насквозь пронзает подлостью своей,
Войны и смерти чёрные уловки,
И их вестей на свете нет черней.

Солдатский треугольничек в кармане,
Пришпилен и надёжно защищён.
Жизнь не построишь на вранье-обмане –
Обман стократно будет возвращён!

Она стремилась наводить порядок
Во всем, как Золушка. И счастлива была,
Что видела те миллионы грядок
Из серых шпал.
Такого ремесла
Не довелось бы в туфельках хрустальных
Коснуться даже взглядом – не рукой...
И не дожидаться двух свечей венчальных,
Одна всегда – рабу... за упокой.

За упокой всех душ, ушедших к Богу,
Молиться будем, сколько хватит сил.
Варварушка, ты строй свою дорогу,
Чтоб меньше на пути твоём могил,
Чтобы стелилась жизнь ковром зелёным
С медовыми цветами по углам,
А в центре синеокий взгляд влюблённый,
Спокойствие дающий твоим снам.

ВРАЧ ПОЛИНА

Особый статус у врача дороги,
По линии начертанной идёт.
Дай Бог, чтобы всегда носили ноги,
Интуитивно знала наперёд,
Что ждёт его за дальним поворотом,
Да и за ближним – надобно понять,
Что неожиданно окажешься за бортом –
И на кого в том случае пенять?

Всегда на помощь, как бы ни сложилось...
Полина шла, свой выполняя долг,
И говорила правду, не божилась,
Надеялась, что власти знают толк
В том, что содеяно своими же руками,
А женщин защищала, как могла,
В глаза смотрела, молча кулаками
Стучалась в душу – души берегла.
И молча принимала обвиненья,
Была уверена: придёт всему конец,
В Медовый Спас отпразднует рожденье
Дорога – и отрада, и венец.
Полина, Пелагея – всё едино,
Аполлинария – у солнышка любовь.
Она как сказка русская, былина:
Спасала Родину –
Единственный свой кров.

НАТАЛЬЯ

Natalis означает «Рождество».
Ещё – «родной». Весомые значенья.
На свет явленье – это торжество
И на себя права как предьявленье
Того, что можешь Родину спасти,

И бить врага, с надеждой ждать Победы,
На произвол судьбины не бросать,
Но хлеба всё же горького отведать.

В общенье обаятельна, умна,
И даже солнцу греть всегда приятно.
На службу призвала её страна,
Готовность объяснима и понятна.
Бригада в подчинении была,
Потом навет, проверка и презренье,
Молва рекой тягучею текла,
А высохла почти в одно мгновенье.
Но унижения и слёз – не передать,
Терпи, душа, своё предназначенье.
Да снизойдёт святая благодать,
«Благословенной» послано рожденье –
Ещё одно рождение на свет
И представление из Центра о награде
За героизм и мужество, а цвет
Звезды вишнёво-красный. Надо
Надеть бы орден на роскошный бал,
Пусть все увидят Золушки заслуги.
Открыты лица – счастья карнавал,
И рядом только верные подруги.

НИНА

Уверенность, решительность и смелость –
Готова к бою в каждый жизни час.
Чтобы душе любить и петь хотелось,
Светил звездой Медовый светлый Спас.
Шла на врага, не думала, что слава
За ней, как тень, как в жизни сильный пол.
Реальна станция с простым названьем –
«Ржава»
И «Русская река» – «Старый Оскол».

В косынке красной, грамоты в рулоне,
Везде «суёт» красивенький свой нос,
Но перед Родиной находится в поклоне
И, как корабль, идёт на громкий «SOS!»
Разведчица... Красавица... Богиня!
Свой долг исполнила, дорогу сберегла.
Бал впереди – он каждый день в помине,
Мечта в полёте крылья обрела.

ЭПИЛОГ

У автора дорога к горизонту
Как православный
и священный крест.
Железную дорогу
нужно фронту
Построить к Спасу,
чтоб везде окрест
Рекой медовой
разливалось
счастье
И сократился
самый трудный путь.

Кругом враги – крутящее ненастье...

Построили!
Назад не повернуть.
Дороги метр соотнесён с часами –
Победы приближение важней.
Взвалили на себя работу сами...

О, женщины!
На свете нет нежней
И ваших плеч,
и ваших глаз сиянья,

А руки...
для лопаты и бревна,
Для рельса и кирки,
чтоб расстоянье
До мая сократилось, где весна
Подарит радость,
Влажною сиренью
Окутает влюблённые сердца.
Все распрощаются
С огромной чёрной тенью –
Ей не было
ни края, ни конца.

Спас-на-Любви – медовое пространство,
Все Золушки, как Пчёлки у Христа!
Нет ничего дороже постоянства
И мира... у Распятия. Креста!
<http://www.rospisatel.ru/volchenkova-ms.htm>

«ПАРТЕР. СЕДЬМОЙ РЯД»

* * *

«Партер» с французского – «на земле»,
Зрелище здесь, и действие.
Кровавым дождём умывалась Ле... –
Лебедь в кругу злодейства.

Богом данного на руках
Держала, качаясь, пела.
Солнце пряталось в облаках,
Взгляд свой поднять не смело.

Скорбным счастливым стало число,
«Семь» как открытая рана.
Здесь, в партере, всех ветром несло,
Но Богдану – чудовищно! – рано!!!
Песнь соловьиная зазвенит
И оборвёт канонаду,
Весеннее солнце прольётся в зенит,
Как молоко... А надо б!..

2 ноября 2015 г.

«ЗАСЕЧНАЯ ЧЕРТА»

* * *

Какого цвета утренняя грусть?
На сбор травы, наверное, похожа,
когда теряет зелень. Ну и пусть.
Её слегка мы ощущаем кожей.
Когда же грусть в печаль перетекает
и невозможно очертить края,
какой же цвет тогда приобретает
в раскрашенном пространстве бытия?
Но от тоски вселенского размера
спаси, нас добрый Боже, сохрани.
На каждый случай – не двойная мера,
а прочность человеческой брони.
Прочитала, но знаю: вернусь!
А сегодня Вам кланяюсь в пояс.

Несколько слов широкими мазками, без детализации хочу сказать о синтаксической структуре заглавий Н.Ф. Иванова. Имеют место следующие их типы:

- номинативные заглавия, которых большинство («Белый танец», «Брянская повесть», «Вера, Надежда, Война», «Генералы горячих точек:[О В.В. Овчинникове]», «Гроза над Гиндукушем», «Дела земные», «Департамент налоговой полиции», «Долги. День за три», «Женский пляж», «Засечная черта», «Зачистка», «Золотистый золотой», «Золушки объекта 217», «Камерный полковник», «Комбатанты», «Комбат Егорычев», «Контрольный выстрел», «Маросейка, 12. Срочно...», «Московский излом», «Наружка», «Небожители», «Новеллы цвета хаки». «Ограниченный контингент», «Партер. Седьмой ряд», «Перевал», «Рассветы Саура», «Чеченский бумеранг», «Чёрные береты», «Чистильщики», «Эхо афганских гор»);

- свободные синтаксические формы-заглавия («*Помяни, Господи...*», «*Прохоровское поле: Да святится имя твое*», «*Семь нот о любви*», «*Спас-на-Любви*»);

- двусоставные предложения-заглавия: («*"Алькор" принимает вызов*», «*"Алькор" выходит из боя*», «*"Амур" собирает Россию*», «*Вход в плен бесплатный*», «*Генералом он стал на войне: [о Громе]*», «*Десант выбирает нас: записки солдата*», «*Запомните нас живыми...*», «*Мы вернёмся живыми*», «*Тузы бубновые*»);

- заглавия-предложения с формально не выраженным подлежащим (форма 1 и 2 лица множественного числа): «*На приказ отвечаем: "Есть!"*», «*Не ищите нас в раю*», «*Поклонимся великим тем годам...*»;

- неноминативные односоставные предложения-заглавия «*Взять на мушку*», «*Нам дороги эти позабыть нельзя*», «*Операцию "Шторм" начать раньше*»;

- сложные предложения-заглавия, особенно часто представленные «союзными формантами сложных предложений», по терминологии Н.Ю. Шведовой: «*Спецназ, который не вернётся*», «*Тот, кто стреляет первым*».

Заглавия произведений нашего писателя-земляка глубоко связаны с содержанием, они дают читателю многогранность представлений о тексте, формируют сферу предварительного понимания и создают условия для их интерпретации. Но такое наше мастерство возможно только в процессе различных видов чтения и знания концепции Николая Иванова о любви к миру и человеку: «*Есть такая профессия – Родину защищать!*»

«Офицеров» крылатая фраза
Не уходит, как солнце, в зенит.
«Есть такая профессия...» Сразу
Век двадцатый с Гражданской звенит.
В сорок первом она, в сорок третьем,
В сорок пятом...
Наш памятный флаг
Развивался над всем лихолетьем
И печатал уверенно шаг.
Защищать свою Родину надо
Каждый миг,
каждый час,
каждый день.
Офицеры имеют награды...

Не должна быть зловещею тень.

В добавление к этим строчкам скажу ещё о том, что в День вывода советских войск из Афганистана мы с коллегами нашего МБУ «Центр по работе с молодёжью и семьями города Брянска» при Брянской городской администрации готовили в литературно-музыкальной гостиной «Горница» первую встречу, которая называлась «Честь имею!» Моя литературная страница отражала героя сегодняшних дней – Николая Фёдоровича Иванова. Ему эти строки и посвящаются:

Сколько их, этих славных судеб,
Опалённых войной, не счесть.
Много будет судей и судий,
Только главной порукой – Честь!

Свою совесть в карман не спрячешь,
Память прожитых лет не сотрёшь.
Песню слышишь, поёшь и плачешь –
Это значит, что ты живёшь!

Опубликованное на сайте «Российский писатель»

Валентина Ефимовская «Лекарство войны (размышления о военной прозе Н.Ф. Иванова по книге повестей «Зачистка»)»

<http://www.rospisatel.ru/efimovskaja.htm>;

Валентина Ефимовская «За други своя»

<http://www.rospisatel.ru/efimovskaja-vojenaja%20proza.htm>;

Валентина Ефимовская «Пятый угол»

http://okopka.ru/i/iwanow_n/text_0130.shtml;

Валентина Ефимовская «Подвиг любви»

<http://nash-sovremennik.ru/archive/2015/n2/1502-25.pdf>;

Николай Стародымов «Белый танец» Николая Иванова –
<http://starodymov.ru/?p=798>;

Наталья Терёхина «Узнаем ли мы его? Есть ли дно у бездны безумия?..» –
<http://www.rospisatel.ru/terehina-ivanov3.htm>.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СОДЕРЖАНИЯ С ОПОРОЙ НА ЗАГЛАВИЯ

Интересно образное сравнение раскрытия заглавия с завязью в процессе роста: «...заглавие постепенно, лист за листом, раскрывается в книгу: книга и есть развёрнутое до конца заглавие, заглавие же – до объёма двух-трёх слов книга» [<http://enc-dic.com/lit/Zaglavie-84/>].

Заглавие может рассматриваться как авторская интерпретация всего текста, может дополняться интерпретацией читательской. Остановимся и мы на заглавиях произведений Н.Ф. Иванова и посмотрим, чтобы воспринять душой своею.

Заглавие обладает семантической доминантой и способностью соединять в себе два уровня текста – семантический и композиционный. Это ярко прослеживается в новелле Н. Иванова.

«*Тузы бубновы*»

[<http://www.rospisatel.ru/ivanov-tuzi%20bubnovie.htm>]

Семантика произведения включает полисемию, или многозначность. Прямое значение связано с именем карты «Бубновый туз»: известие, новость или значимая бумага; достижение материальной цели, денежное письмо, премия; начало нового дела, связанного с бизнесом; удовольствие и счастье от достигнутой цели. С этих позиций и посмотрим на содержание текста.

Начало:

...Сталин (здесь и далее выделено нами – Н.В.), *прикрываясь от окружающих приподнятым плечом, подслеповато пересчитывал деньги. Отделив несколько купюр, оглядел Манежную площадь.*

На глаза попался Карл Маркс, топтавшийся около знака «Нулевой километр российских дорог», и вождь народов поманил его пальчиком. Тот с готовностью подбежал, выслушал указания и, получив деньги, заспешил в Макдоналдс. Ленин, подпиривший от безделья музей своего имени, одобрительно

пощипал бородку – это правильно, что за обедом бежит самый молодой. Предчувствуя скорый пир, покинул свой пост у входа в Александровский сад Николай II. Прижимая шашку к генеральским лампасам, заспешил в тень, падающую от памятника Жукову.

Исторические личности на исторических местах...

Читаешь – не по себе: уж больно они не похожи на тех, кто известен нам из книг, уроков жизни. Двойники!

Когда мы оказываемся в музее восковых фигур, внимательно рассматриваем лицо, одежду, обращаем внимание на колоритность и чувствуем свою причастность к той или иной эпохе. А что здесь? Какова необходимость происходящего? **«Начало нового дела, связанного с бизнесом»**... Вот и ответ!

«Неотразим» «Сталин», но после многоточия, незаполненности (эллипсис, от греч. *ellipsis*) – обозначения волнения автора, мы видим его несогласие с происходящим в стране, которую он защищал и защищает как военный, полковник, знающий цену каждому слову клятвы, как писатель. И это острее чувствуешь, читая дальше. В последнем абзаце текста уже не чувствуешь – ощущаешь, а если хотя бы один раз слышал голос писателя, воспринимаешь гневные интонации и соглашаешься, что «самостийные тузы», ничтожность в душонке храня, не смогли, не сломали великих имён письмена. Позднее станет известно, что многоточие, обозначившее текст, связано с отбрасыванием многих вариантов начала – рождение первой фразы всегда сложное.

Автор тонким пёрышком прочертил путь «Карла Маркса» – **«Нулевой километр российских дорог»**.

Здесь многоговорящие слова:

Начало из начал?

Или судьбы пороги?

Ох, человеки!

Все ли вы двуноги,

А на плечах ужели голова?

А путь в **Макдоналдс** как ответ на все вопросы... не о здании.

Словно на паперти, «Ленин»
У мавзолея стоит.
В позе, в движениях – лени!..
Даже краснеет гранит.
Мрамору стыдно: негоже
Жизнь на безделье сменить.
Чудный денёчек, погожий –
Надо идти! Семенить,
Часто ногами ступая,
И суетиться... Зачем?

Сад Александровский – чудо,
Видам его ты внимай,
Только откуда, откуда
Здесь вдруг «Второй Николай»?

Что за «тузы»?
О! Все бубновые,
Красных квадратов игра.
Да, времена нынче новые,
Страшная нынче пора.
Ложь в антураж не упрячешь.
Солнце садится в зенит.
Взглядом окинешь – заплачешь,
Сердце, как льдинка, звенит.

Посмотрим на концовку текста:

*# А в самой Москве, рядом с Красной площадью, самостийные «тузы» выискивали глазами тех, кто готов был заплатить, лишь бы постоять рядом с историей, с теми, кто якобы вершил её для страны. И в ожидании своего куша подкармливали **вороньё**, слетевшееся на крошки от гамбургеров...*

Что видим? Вороньё кругом!
Слетаются и сходятся – как могут.
И мысли нет подумать о другом –
У них на всех своя – одна дорога.
Не с маслом хлеб,
А гамбургер объёмный
Как пропуск для вершения судьбы.
Для США – он «туз», не сын приёмный,
Кровавое орудие борьбы.

Вернёмся к Жукову, чья тень накрыла многих:

Её, тени от маршала Победы, потом хватило, чтобы накрыть всю компанию двойников, суетливо деливших гамбургеры и прикрывающихся от фотографов растопыренной пятернёй. А может, выставляли ее как таксу: снимок вместе со всеми стоит пятьсот рублей. Пятьсот рубликов постоять рядом с историей, её тузами. Кто первый?

Мороз по коже. Этот вызов смелый
Был сделан автором на солнечном плато.
А форма на солдатах стала белой,
И таксы здесь не выставил никто.

Кольцевая композиция (композиционный уровень текста) представлена псевдогероями. Об истинном служении Отчизне повествуется внутри текста, и возникает невольное сравнение: сердца защитников не сбились с ритма, слова присяги – не пустые звуки: *«Когда строй в одну шеренгу – первые все».*

Вот вызов тем, кто выгоду изъял.
Не напоказ стараются ребята.

Но на этот случай в шеренге есть ещё и правый фланг.

Там оказались Пашка и Сашка, и командир указал им на машины с бубновыми тузами на лобовых стёклах. Тузы в зоне боевых действий – всего лишь дополнительный пароль и пропуск. Символ меняется в штабе непредсказуемо и может быть кругом, треугольником, квадратом, любой абракадаброй, придуманной писарем.

Но сегодня Пашка и Сашка – тузы. И потому им вывозить отпускников с горного плато на нижнюю вертолётную площадку.

Возвратимся к значениям карты, и находим одно здесь уместное и легко объяснимое: **«удовольствие и счастье от достигнутой цели»!**

Как правда – **правый фланг**,
Как знак иконы,
И без него никак не обойтись.
Суровы правила войны –
свои законы,
Вершины гор...
Нам мысленно пройти
Необходимо,
чтобы помолиться
О тех, кто жизнь свою
За жизнь других кладёт.

Сюда даже орлы не долетают, слабаками оказались они в сравнении сначала с боевиками, а потом и с пограничниками, этих смертников разыскавших и с вершины вышвырнувших.

<...>

«Бубновые» машины жались к скалам, подальше от могильных головокружительных провалов, пусть и наполненных парящими орлами. Прослужи хоть год, хоть два, но так и не поймёшь, что легче – подниматься на плато или спускаться вниз. А тут ещё в самом деле пятница, тринадцатое...

От безрассудных страхов не уйти,
Смешались звуки, запахи и краски.
А над распластанными вёрстами пути
Орлы крестами... Преданы огласке
«Тузы бубновые». И суеверья мгла
Окутала и под ноги легла.
Но подвига величие и стать
Как света воины, как берегов рать.

*# И, устыдившись своего страха, нашло среди горных круч
расселину солнце, ещё раз осветило колонну. А оттого, что было
уже низко, удлинило тени и казались теперь пограничники на
крутом серпантине великанами, достающими головами до
вернувшегося в пропасть, но так и не поднявшегося до солдат,
орла.*

Иконические знаки, или изобразительные очень похожи друг на друга: форма и содержание взаимозаменяемы, по контурам знака можно определить его значение – форма берёт на себя эту функцию с учётом многозначности:

*# ...на войне политика вершится даже такими штрихами,
что тузы бубновые на стёклах – уже не просто символ,
дополнительный пропуск в зоне боевых действий, это уже и
знак, переданный старейшинами боевикам – это хорошие
солдаты, этих не трогать...*

Мысль читателя как продолжение авторской: эти солдаты выполняют особую миссию на земле – они спасают Землю, на которой живут и не помнящие родства своего, и помнящие его в глубинном понимании. Эти солдаты – помазанники Божии, которые узнаются по делам своим. И как тонко подаёт нам Н.Ф. Иванов мысль о том, что един Бог, един человек и место беседы с Господом возводится верующим.

Настоящий крест, сваренный из металла, лежит на плато рядом со строящейся часовней и латунным куполом, большие похожим на шелом русского богатыря. Призванная укреплять дух и веру православного воинства на Кавказе часовня, без маковки и креста, пока словно сама нуждалась в защите и потому жалась к складу боеприпасов, под охрану часовых. Но самым занятным оказалось то, что половина отпускников заработала себе дополнительный отдых за усердие при восстановлении разрушенной в бою мечети.

Костёл, мечеть, часовня, церковь, храм, –
Защита от несчастья, люди, нам!

Восприятие заглавия во многом зависит от смысловых параллелей, которые возникают в системе отношений «автор – заглавие», «заглавие – читатель» и «заглавие – текст». Рассмотрим данные отношения более подробно:

Основу отношений между *заглавием* и *текстом* составляют взаимовлияние и взаимозависимость. Предшествуя тексту и представляя его вовне, заглавие предполагает возвращение к себе после прочтения всего текста. Как правило, наиболее полный смысл заглавия складывается из сопоставления с уже прочитанным до конца текстом.

Смысл новеллы «Тузы бубновые» наполняет наше сознание нравственными понятиями, на которых держится человеческая воля и совесть, мы можем сделать правильный выбор как читатели, которые идут за автором, как солдаты за своим командиром.

«Чёрные береты» (1991 – 1995 гг.)

Обложку букинистического издания 1995 года не комментируем, отдавая на предугадывание. (В книгу вошли два произведения автора: повесть «Чёрные береты» и роман «Операцию "Шторм" начать раньше»).

Каково значение предмета, предъявленного в заглавии романа? Что за чёрные береты, с каким этапом истории связано ношение этого головного убора с морскими пехотинцами или Рижским ОМОНОм? О чём пойдёт речь в произведении?

Обратим внимание на сжатый вариант содержания частей, внимательно прочтаем и обратимся к нашей памяти:

[http://artofwar.ru/i/iwanow_n_f/text_0070.shtml]

[<http://www.rospisatel.ru/ivanov%20nikolay.htm>]

Часть первая

Спецназ в пустыне Ирака. Шеварднадзе никогда не будет прощён. «Это могли сделать только русские». Цветочки вместо Ленина и Горбачёва. Как обуздать ОМОН. «Лебединое озеро» – реклама путча. «БМП – убийца». Последние «герои» Советского Союза.

Часть вторая

«Деревья» для «Берёзовой рощи». В ад попадают на девятый день. А вот так работают в спецназе. Первый из четырёх. Евушкины всегда поучали других. Кровь и горе – для будущего счастья...

Часть третья

Яд подают в хрустальных бокалах. Сговор в Беловежской Пуще. «Выпивка не есть блудство...» Что связывает наших президентов с Мальтой? Кооперативное кладбище – удел бедных. Россия торгует собой.

Часть четвёртая

«Свинья» в центре Москвы. Армия, спаси свой народ! Ростропович приезжал играть на похоронах марш для России. Понедельники светлыми не бывают. «По парламенту, бронейными, прямой наводкой – огонь!» «Вам высокое „Честь имею“ не позволят произнести».

Зная имя автора – Н.Ф. Иванова, ранее публиковавшегося под литературным псевдонимом «Капитан Н.»), несложно предположить, что он расскажет нам о защитниках того государства, которому служат чёрные береты. Но вот КАК расскажет, это может быть для читателя очередным открытием авторского мастерства.

Читателю в любом возрасте необходима информация о событиях, отображённых в произведении автора, которая может быть прочитана им до или после знакомства с текстом. Такой подход не противоречит *технологии продуктивного чтения* (работа с текстом до чтения: антиципация заглавия, рассматривание иллюстрации на обложке или на страницах текста, ключевые слова или *аннотации автора перед текстом или перед главами, а также историческая справка*). Воспользуемся информационным полем интернета и высветим ключевые фразы (смыслы) материала **Романа Шкурлатова**: «Рижский ОМОН: преданные Родиной» [<http://oficery.ru/security/3013>]:

*# С целью противодействия криминалу в столице советской Латвии Риге... создавался отряд милиции особого назначения. Спецподразделение, в состав которого вошли 120 молодых, но уже достаточно опытных сотрудников правоохранительных органов, было сформировано в кратчайшие сроки. На должность командира рижского ОМОНа назначили ветерана афганской войны майора милиции **Чеслава Млынника**, его заместителем стал капитан милиции **Сергей Парфёнов**.*

Сотрудники рижского ОМОНа наотрез отказались присягать новым властям, заявив, что будут защищать действующую конституцию и выполнять только приказы министра внутренних дел СССР.

<...>

Официальная Рига характеризовала любые действия «чёрных беретов» как попытки помешать восстановлению государственной независимости Латвии, превратили в самых настоящих «врагов латышского народа».

...При этом в ход шли любые средства: клевета, лжесвидетельства, подтасовка фактов, шантаж.

Развязка наступила 19 августа 1991 года. В Москве захватил власть кремлёвский ГКЧП во главе с вице-президентом Геннадием Янаевым. Одновременно с этим министр-путчист Борис Пуго, выйдя на прямую связь с Чеславом Млынником, поставил перед рижским ОМОНОм задачу: восстановить советский правопорядок в столице Латвии. Приказы офицеры не обсуждали. В течение трёх суток бойцы ОМОНа организовывали и несли на улицах Риги службу: патрулировали, поддерживали общественный порядок.

...Истинную цену этих обещаний показало время.

О том, что офицеры просто выполняли свой долг и честно стояли на страже действовавших законов, а не вертелись, словно флюгеры на политических ветрах, за кремлевскими стенами не задумался тогда никто.

Многие из них имели боевые награды за первую чеченскую кампанию, несколько человек сложили головы, выполняя свой долг. И ещё: они по старой привычке так и называли себя рижско-тюменским ОМОНОм. Говорили, что уже само по себе это обязывает их быть лучшими. Ведь именно таким сохранился в нашей памяти легендарный рижский ОМОН – преданный Родине, но не предавший её.

Как будто по следу шёл автор другой – Евгений Юрьевич Меркулов:

ЧЁРНЫЕ БЕРЕТЫ

Раскидало вас по белу свету
Мелкими осколками гранаты.
Где ж вы, братья чёрные береты,
Преданные Родиной когда-то?

Множество дорог полито кровью
Офицеров рижского ОМОНа:
Сербия, Кавказ и Приднестровье,
Горные чеченские районы.

Клюнув на латышскую наводку,
Родина списала вас со счёта.
Чеслав Млынник брошен за решётку,
И на остальных идёт охота.

Три десятка русских офицеров,
В общем-то, ни в чём не виноватых
Ради политической карьеры
Выдали ребята-демократы.

Не учли предатели-деляги:
Люди – не разменные монеты.
И не желторотые «салаги»
Боевые чёрные береты.

Трудно человеку без причины
Оказаться дома вне закона,
Но умеют действовать мужчины
Из отряда рижского ОМОНа.

Раскидало вас по белу свету
Мелкими осколками гранаты.
Где ж вы, братья чёрные береты,
Преданные Родиной когда-то?

[<http://www.stihi.ru/2008/10/03/747>]

Удивителен в этом отношении русский язык: *синекдоха* (слово, обозначающее известный предмет или группу предметов, заменяется лексемой, отражающей часть названного предмета или единичный предмет) рисует образ героев через символику цвета.

Для нас привычно связывать чёрный цвет с одеждой, которую носят хранители памяти по усопшим; это тоска неимоверная, страдание, рана, посыпанная солью, никогда не заживающая. Но в то же время чёрный цвет – эlegantность, утончённый вкус, особенность как черта характера. Как сам характер!

Роман начинается с местоимения «я»:

Я, приговоренный к высшей мере наказания...

...в последний раз иду по земле. <...> Я знаю: меня убьют в эти мгновения.

Настораживаешься и попадаешь в лабиринт страха. Описание видов страшной казни – тому подтверждение. Но не читать нельзя: желание поговорить с автором, задавать и задаваться вопросами – значит почувствовать, ощутить почву под ногами, почву моральную, ведь положительный герой в сказках всегда выходит победителем. Но (остановим себя!) то в сказках. И опять НО! Почти как формула воды. Обнадёживает, потому что герой положительный:

Я уже почти забыл, что был рижским омовцем – настолько перекорёжилась жизнь уже после августовских событий 1991 года. Мне пришили дело, о котором я не имею ни малейшего представления.

Взрослому читателю сразу вспомнится время девяностых, скорбь ляжет на лицо, но внутренний голос скажет о миролюбии нашего народа, о созидающем начале, а *разрушитель* – не наше прозвище, а тем более имя.

Творческое воображение рисует панораму: внутритекстовый автор взял на себя роль автора биографического, реального,

владеющего информацией из жизни, активным участником которой он является.

Бытовое выражение «мороз по коже» обретает силу бытия:

Им выгодно меня убрать. Им за счастье меня убрать. И представившийся шанс они не упустят. Если бы не было этих несчастных девочек, изнасилованных и убитых в лесной сторожке, их бы придумали. В крайнем случае, такие же несчастные трупы нашли бы в Карабахе, Чечне, привезли из Югославии – но подложили бы на моем пути. Сегодня власти легче бороться с мифами о фашизме, с рвущимися к власти неокommунистами, чем с реальными преступниками.

Демоническая сила никогда не рассматривалась как противовес жизни, как её контраст – она проявляла и всегда проявляет своё зло и злобу против торжества света. Ей нечем заняться, созидание – не её удел. Своим беззаконием она помещает человека в «зону комфорта», то есть зону страха, и медленно, насмехаясь, ведёт его к смерти:

А мысли дурные – про пистолет, ранение, казнь в Америке... Неужели не о чем больше подумать и вспомнить? <...> Шаркнула правая нога – это в правый карман полезли за оружием.

Единственное, что успеваю – поднять глаза. Не для того, чтобы умереть с гордо поднятой головой. А в надежде увидеть небо. Но – надо мной лишь низкий зелёный потолок. Склеп!

Выстрел звучит для меня, приговорённого, слишком громко и отчётливо...

Психологическая «атака» на читателя? Нет!

Я понимаю, что всё это может выглядеть как антидемократчина (по аналогии с антисоветчиной), но зато – правда. И уверен, что не только моя».

Автор реальный не вуалирует, не придумывает сюжеты – сюжеты предьявляет горькая правда жизни. И заглавие всегда рассматривается как сообщение о содержании того, что предстоит прочитать. Прочтение «входной двери в текст» до чтения самого текста рассматривается как тема произведения, а после прочтения мы, благодаря автору, формулируем идею и открываем замысел. «Приступая к чтению книги, читатель интересуется содержанием её и в заглавии видит намёк на это содержание или даже сжатое выражение его... Значит, *название книги есть всегда нечто большее, чем название* (выделено нами – Н.В.)». Соглашаемся с А.М. Пешковским и находим у Николая Иванова это «нечто большее»:

*# – Да, только так! Только так, и никак иначе. – Старший лейтенант снял каску, вытащил из неё застрявший **чёрный берет**. Надел только его, отшвырнул каску в сторону. Протянул руку за автоматом. Подсоединил магазин. Проверил приспособленные к бронежилету нож и баллончики с газом. – Доставайте ключи, Арнольд Константинович. А за Зиту они заплатят.*

Решительность и смелость проявляются там, где нужно защищать родных и Родину, а **чёрный берет** как опознавательный знак воина, который в сложное для России время не имеет права уповать на разум себе подобных, потому что они не принимают очевидного:

– Мужества вам, – после традиционных свадебных пожеланий счастья сказал им командир отряда Млынник, и они, улыбнувшись, сжали под белой фатой друг другу руки – мы сильные. Выстоим. Хотя, конечно, понимали, что будет трудно, особенно Зите в кругу латышей, считавших оскорблением для нации замужество с «черноберетником», каким бы пресвятым этот «берет» ни был.

...здесь, в России, в отличие от Риги, детей ОМОНам не пугали, вслед не плевали, небылицы не сочиняли.

И тут позвонил из Риги Млынник, командир.

– Андрей, здравствуй. Я знаю всё... – Значит, так. Я только что говорил с Москвой. Есть возможность поехать тебе на новое место службы. Начинать опять с нуля – создавать отряд. В Сибири, – назвал в конце своей тирады капитан новое место службы. – Я думаю, стоит.

– Спасибо, командир, – тихо, сквозь спазмы ответил Андрей. Нашлась-таки живая душа на этом свете. Даже если бы Млынник просто позвонил, и то можно верить эмблеме ОМОНа, а здесь ещё...

Поезд прибыл почти без задержки: на мигающем вокзальном табло попеременно высвечивались то дата – 19 августа 1991 года, то время – 8 часов 10 минут.

– В стране переворот, а поезда ходят по расписанию. Опять всё не так, как у людей,

Неужели правда? Но чей переворот и против кого?

Что же происходит? Вопрос не праздный. Дата, названная в романе, свидетельствует о непоправимом – о развале Советского Союза.

Смуту, дикое по варварству к собственной истории время переживала страна летом 1991 года.

Философские смыслы романа

Будем знать, из чего и чем стреляют – найдём, чем защищаться.

На каждый яд ведь есть своё противоядие, и единственная загвоздка – добыть сам яд.

Войны всегда на совести политиков, не сумевших переломить ход истории в свою пользу. Поэтому войны всегда преступны. И не могут люди, развязывающие её – под любым предлогом, быть прощёнными... В войнах ищете политику, а в политике – интересы. А мёртвые проклянут всех...

Народ всегда был умнее и благороднее своих политиков.

Против самих себя нашу технику воевать не учили. Не предвидели конструкторы такого предательства. И плакали в бессилии не уехавшие из-под огня советские офицеры...

Военные в любой стране, не только в нашей, более всего хотят видеть свою родину сильной. А если она уже стала таковой, то зачем расшатывать ей углы? Это же идиотство – поджигать весь дом ради того, чтобы вывести тараканов. Хотите наводить порядок – делайте уборку, но при чем здесь фундамент, стены и крыша, да ещё одновременно?

А наглых надо всегда наказывать.

В войнах пусть разбираются политики и историки.

Спецназовца сделать нельзя, им надо родиться.

А в настоящей разведке надо тихо, скромненько, ничем не выделяясь и не проявляясь, желательнее без шума и грохота. Потому что работа, а не кино.

Это могли сделать только русские, – оглядев самолёт и место трагедии – именно трагедии для американской безопасности и престижа, высказал убеждение командир «зелёных беретов», заброшенный накануне под Багдад для диверсий и теперь срочно вывезенный обратно для помощи в поисках разведчиков. – Я боюсь, что образцы надо уже искать не здесь, а в Москве. Видимо, это будет самое сильное поражение в нашей победе.

Просто при облаве на волков любой красный флажок играет роль и не бывает лишним. (Враги против главного героя)

Преступники национальности не имеют.

Моя совесть – в моих погонах.

«Честь имею!» – скажет полковник, главный редактор журнала с такими же наполненными смысла словами, а мы увидим в его романе стихотворение *Игоря Ляпина* и повторим слова, напрямую касающиеся и нас: «*Бог миловал –вроде не про меня...*» [http://www.rospisatel.ru/ivanov_n-1993.htm].

Ну а что родилось в этом стихотворении, не переделываю, оставляю так:

* * *

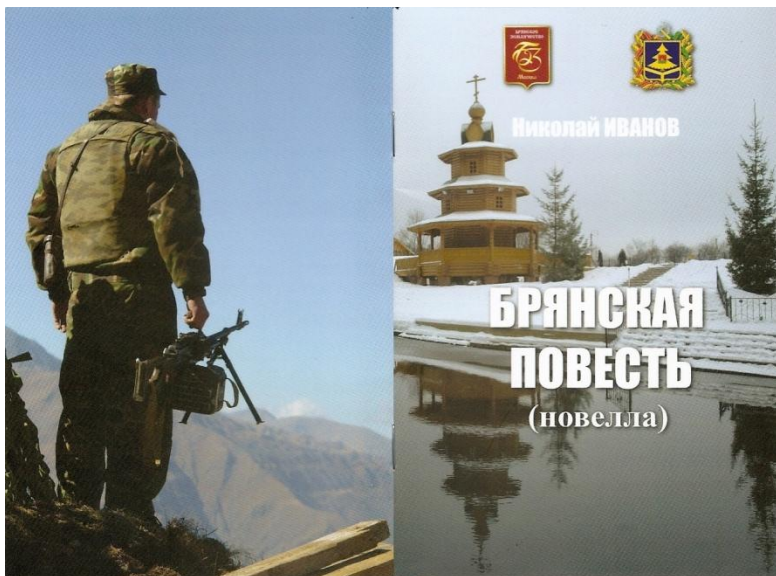
Пусть у Ангела крылья не будут в напряге,
Отрастает перо, чтобы легче парить.
Не рискуйте, полковник! О Вашей отваге
Добрый Ангел-хранитель сейчас говорит.

Миру послан на счастье великий писатель:
Повествуя свежо о трагических днях,
Добываете золото, словно старатель, –
Это жизни людские, как отсвет огня.

Берегите себя, на посту оставайтесь,
Чтобы чёрный берет не сносился вовек.
Улыбайтесь друзьям, в дружбе им
признавайтесь,
И идите вперёд, Дорогой Человек!

«Брянская повесть»

Это произведение обожаю! Храню в распечатанном виде – читала студентам с листа, часто отрываясь от текста, почти выучила наизусть. А тоненькой да карманного плана книжечкой очень дорожу: я получила её в подарок 18 марта 2013 года, когда коробки с книгами аккуратно ставились в автобус для ребят, находящихся в Чечне. Вот она:

Об **антиципации** слышали многие и сами осуществляли подобное действие. Это *прогнозирование будущего чтения, предугадывание содержания, определённая работа с текстом до чтения*. По названию (заглавию), имени автора, иллюстрациям (обложки, если книга как самостоятельное издание, или перед текстом, если в учебнике или сборнике произведений) выделенным словам (просмотровое чтение), привлекая предшествующий читательский опыт. Цель одна – мотивация чтения.

Работа с иллюстрацией – очень интересный вид деятельности. А рассматривание её связано с эмоциональной сферой читателя: что почувствовал, ощутил, кто привлёк внимание, как цветовое решение художника-иллюстратора создаёт настроение и даёт подсказку...

Ключевые слова для младшего школьника готовит учитель (пишет на доске, работает с их значением, а при вторичном восприятии формулирует вместе с детьми, выслушивая размышления, контекстуальные смыслы) или выясняет после

самостоятельного чтения, какие слова незнакомы, малопонятны. Взрослый же читатель отмечает при первичном знакомстве слова, останавливающие его взгляд, при детальном анализе эти важные, опорные, «стратегические» объекты как населённые пункты на карте, способствуют пониманию основной мысли автора и дают простор для интерпретации.

Процесс чтения текста «островками» (относительно законченными частями текста), постановка вопроса, предварительно сформулированный ответ и нахождение в произведении подтверждения логическим шагам читателя называется *диалогом с автором* – он помогает постичь каждому прикасающемуся к Слову мастера идею произведения, то есть: зачем автор написал это произведение. А *комментированное чтение*, осуществляемое взрослым человеком, учителем, способствует тесному психологическому контакту «автора-читателя-педагога», и происходит чудо: рождается желание написать автору письмо, выполнить графическое или словесное рисование, инсценировать, разработать урок и провести его. Подобная работа отражается во всём тексте, чтобы стала понятной творческая деятельность всех участников, представленных после «Брянской повести» Н.Ф. Иванова.

Диалог с автором и комментированное чтение как главные приёмы понимания художественного произведения

Бежала уточкой (*А уточкой – это КАК? Образ из народного эпоса... Зримо!*), норовя обогнать свою палку-костыль (*Не просто так в руках такая вещь! И опора, и защитница – на все случаи жизни.*) и укрыться от налетающего снежка брезентовыми крыльями плаща (*Как птица! И куда летела?*). Я спешил, но старушка, видать, торопилась ещё больше.

- Ты чего стал? – настороженно заглянула она в приоткрытую щёлочку окна (*И что её так испугало?*).

- Подвезти.

- А ты меня знаешь? (*Её пугала неизвестность.*)

- Нет.

- Тогда почему стал? (*Трудно понять? Времена-то совсем другие!*)

- Снег начинается, вы торопитесь, я еду. Садитесь. (*На Руси это старая добрая традиция. А как по-другому?*)

- Но ты точно меня не знаешь? (*Ищет оправдание своему поведению? Сомневается, принимать или не принимать помощь.*)

- Не знаю. (*Хотела услышать другое?*)

Ветер с разбега швырнул пригоршню снега (*Помощник! Он против людской неуверенности.*) в машину, на сшитый во времена развитого социализма плащ старушки, её увитую венами руку, лежавшую на клюке. (*Когда-то такой поступок не обсуждался! Времена другие – люди не те!*)

- Бабуля, время! Едем. (*Такой же попался: от своего не отступает. Русский характер! Как приказ – не обсуждается.*)

Но она продолжила пристально всматриваться в меня, угадывая породу. (*Упорствующий до предела почти всегда бывает прав. Почти! Но, слава Богу, исключения есть – на том и держится земля русская.*) Ни на кого в её памяти не оказался похож, но просияла в озарении (*Мудрости ведь не занимать?! И с высоты своего полёта каждый имеет право!*), найдя неопровержимый аргумент моего возможного коварства:

- А почему тогда другие проехали мимо и не стали? (*Правомерный вопрос! Привычнее теперь другое.*)

О-о, святая простота! (*Гостеприимством славились когда-то! Но топчут всё – «от красок до красот».*)

- Ну не знаю я, бабуль. Меня подвозили, я подвожу. За других не отвечаю. Поедете? – перебросил на заднее сиденье бутылки из-под пива. (*Порода «сработала»? Хорошего человека почувствовала: умудрённого жизненным опытом вряд ли обманешь.*)

- Но ты точно меня не знаешь? (*Вопрос звучит, как согласие.*)

- Точно. Не знаю.

Глянула на небо (Господом заручилась. А вдруг?!), по сторонам (Искала свидетелей? Или лучшие без них?), открыла дверцу. Прежде чем сесть, сбросила дождевик, - так в деревне снимают и галоши перед тем, как войти в дом. (Уважение: к плохому человеку в дом не пойдёшь.) Смотала брезент в рулон, прижала к животу: если испачкает, то себя. (Светло живёт на земле, не в тягость другим.) Осторожно усевшись, (Давно ли к ней проявляли такое внимание? Благодарность уже – не сомнение.) двинула зажатой меж колен клюкой, словно штурвалом (Штурвал её жизни!) в самолёте – вперёд.

Только набирать по здешним дорогам крейсерскую скорость – оставить на ней подвеску или вылететь в кювет.

- А что это у вас дороги такие разбитые? (Вопрос как манёвр?)

- Так война ж была. (Ждал другого ответа?)

Не шутила, не ехидничала – правду говорила и верила в это. (Вот она вся, святая простота!)

Скрывая улыбку, отвернулся к окну. (Повидал очень многое автор, а такой ответ приятен! В стократ.) Молоденькие деревца, летом зелёными солдатиками бежавшие по косогору в атаку, сейчас, убелённые седым инеем, выходили из боя по колено в снегу. (Русь-матушка! Доколе быть тебе в войне ежесекундно?)

Война, так война. «Мы вели машины, объезжая мины»... Сократил на свою голову дорогу по просёлкам! (Ради этого стоило!) А куда нужно торопиться другим?

- И куда можно торопиться в такую погоду? (Без этого вопроса не живём: я на работу, а куда все?)

- Так снег же понедельник не отменял! (Великолепно! Достойный ответ собеседнику – 1:1!) А у меня дед только по ним круглый год на рыбалке. А нынче очки забыл. Несу вот. Крайней-то я окажусь, что не проверила. (Штурман! Куда без такой традиции? Это уклад семейный. Или собственная безопасность дорожке?)

Похлопала по карманам: не попутал ли бес и её? (Нет, не попутал!) Вытащила перевязанный резиночкой очёчник, как в

шкатулочку, заглянула внутрь. Порылась в ворохе бумажек, оказавшихся под очками. Ноготком выцарапала с самого низа сотенную, в дедовы же очки проверила её на свет. *(Всё тайное всегда становится явным. Это правило жизни тоже никто не отменял.)* **Укоризненно** посмотрела на меня. *(Сам напросился. А может, хотела увидеть другое? Чтобы впечатление не испортить.)* Ясно, отвечать за поведение всего мужского населения страны тоже мне... *(Кто бы спорил?)*

- А божился, как иконе, что потерял. *(Пожаловалась? Нет, штурман-стратег: далеко вперёд смотрит.)* Вот теперь будет ему **ни дар, ни купля,** *(Словом русским взлелеяна Мудрость!)* - затолкала бумажку в карман кофты, зашпилила личный сейф булавкой. – Сам-то где живёшь? *(Проверка на прочность продолжается.)*

Ехали в сторону Украины, и кивнул назад:

- В России. *(Так отвечает масштабно мыслящий человек .Или военный.)*

- А я дома. *(Тоже верно. Тактика житейская ближе стратегии.)* Пятистенник. Пятерых и родила, каждому по стене. Да только разбежались все. Кукуем с дедом вдвоём. Ты, видать, такой же. Летун? *(Оскорбление? Или желание найти успокоительный ответ?)* – ей очень хотелось оправдаться чужим человеком *(Вот оно что!)*, что остались они с дедом одни не из-за плохих детей, а что времена нынче за окном такие. *(Нельзя не чувствовать, когда по судьбе конкретного человека проходят траки танка. Что остаётся?)*

За стеклом начинающаяся позёмка била в грудь собравшихся на обочине воробьёв. Сугробы, присевшие отдохнуть на поваленные вдоль дороги деревья, приглашали присоединиться *(Как предостережение?),* но нам посиделок не надо. Нам вперёд, на Киевскую трассу.

Скосил глаза на часы. Цифры в Минутах сменяются быстрее, чем в километрах... *(Как зависимы люди от времени. Увы! Или... его рабы?)*

- А ты не летай быстрее своего ангела, - утихомирила (Надеясь, что он будет жить в мире с собой? Прозорливость умудрённых жизненным опытом!) попутчица, всё замечая. - Раз сдерживает в пути, значит, хранит от беды, которая может ждать тебя впереди. (Вот так-то! Не о себе думает, а проявляет заботу о человеке. Закон жизни. И молитва.) А мне вон там, около Барыни, остановись, (Меткое сравнение, не более? В те времена никто бы на эту Барыню не обиделся.) - кивнула на железный транспарант с дородной колхозницей (Не ради красного словца сказала. Жизнь свои законы диктует.), державшей в руках проржавевший сноп пшеницы. (Образ давний, а житьё-бытьё ржавчиной покрылось.)

- Почему Барыня? (Лучше и не скажешь. У народа точные приметы.)

- Так мы все работали, а она всю жизнь простояла с улыбкой. Стопроцентная правда (Не придуманная.), это я не перцем чихнула. (Не минутное подтверждение. И вновь в свидетелях народная примета.)

- Ясно. Далеко до озера?

- За тремя кустами. (Близко? Рукой подать? А может, это снова символ?) Добегу. А то дед заревнует, что на машинах без него разъезжаю, - поулыбалась несбывшейся возможности. - Спасибо тебе, хоть и не знаешь меня. Авось и тебе когда от людей в нужную минуту воздастся. (Доброе пожелание всегда находка и опора. Это заповедь!)

Помявшись, вскрыла сейф, на ощупь распознала его содержимое и, скорее всего отделив от гостинца деду, положила на панель две конфеты:

- Вместо курева.

Выйдя, раскатала обратно плащ, кивнула то ли мне, то ли в небо за помощь, и снова побежала бочком, уточкой к слепому деду-селезню. Поймать вам золотую рыбку... (От доброго слова мир полнится светом вселенским.)

А мне опять навёрстывать время, благо до трассы тоже три куста. На таких одинаковых расстояниях от пересечения дорог

обычно ставят храмы... (Как поклонные кресты — миссионерские, памятные, обетные, благодарственные, придорожные, приметные, поминальные, охранительные, и как особый Промысел Божий для нашего времени во спасение Отечества.)

Ударить по газам не получилось и на Киевке. На первом же пригорке, собрав гармошку из нетерпеливых, дёргающихся мальками легковушек, полз трактор-«петушок», издевательски кивая всем задранным ковшом. Сколько не имей лошадей под капотом, а подчиняйся второй скорости трактора. Тянись следом, читай указатели, смешавшие красоту и политику — «Красная поляна», «Красный бор», «Красная коммуна», «Красный колодец». Не хватало ещё какой-нибудь «Красной синьки» — в Питере в двадцатых годах назвали так завод, выпускавший побелку. Но там был революционный подъём, а тут едешь как на быке. (Лёгкая дорога та, которую прошёл, трудная впереди.) Давай же, то ли брат, то ли сестра «Беларусь», мне ещё возвращаться назад.

Рвануться вперёд всем скопом смогли, лишь выскочив на пригорок и получив обзор.

Всем скопом вниз и остановил своей волшебной палочкой гаишник, выйдя из-за автобусной остановки. **Вот же засада в прямом и переносном!** (У военного взгляд особый.)

Я оказался в веренице последним, и мог лишь молча наблюдать, как толстый от бронежилета капитан собирал, словно жирный котяра сметану, паспорта и водительские удостоверения. На вальяжность гаишника ушёл добрый десяток минут, и пришлось поверх водительского протянуть служебное удостоверение. Усы кота-капитана сжались, но только лишь для того, чтобы сдержать улыбку при старшем по званию. Постучал документами по палочке. А она ведь чёрно-белая, как наша жизнь... (И жезл, и пешеходный переход как круг спасательный, но надо стать на белый.)

- Скоро у нас будет как на Кавказе, товарищ полковник.

- А что на Кавказе?

Я только что прилетел оттуда, завтра возвращаться обратно, так что иронии не принял. Хотя интересно услышать, что думают о нас в глубинке России. (Думают ли? Если думают, правильно ли? Адекватно?)

- А там у каждого нарушителя есть оправдательный документ (Уколот. Адекватности нет.), – поведал капитан. И не преминул подчеркнуть своё пребывание в «горячей точке»: – Неделю назад в Нальчик летали на усиление. Тормозим парнишу лет восемнадцати. Лезет обниматься – я свой! И показывает листок стандартной бумаги, на который на ксероксе отпечатано удостоверение его двоюродного брата из вневедомственной охраны. Так что... – капитан развёл руками, всё ещё размышляя, отдавать ли документы. (У каждого свой взгляд на мир людей, на эту разношерстную планету. А может, дальше носа не видать?)

В другой раз бы пояснил ему разницу между парнишей и полковником, ксероксом и ксивой, проверкой документов в Моздоке и вызовом огня артиллерии на себя в Аргунском ущелье. (Нет, надо видеть, что за горизонтом, чтобы друг друга с полуслова понимать!) Но я спешу, меня ждёт в госпитале мой друг Лёшка, вызвавший этот самый огонь на себя. У меня нет времени на разговоры с тобой, капитан. (Всегда неумолимо это время: пред важным выбором поставлен человек.)

Тот неторопливо заглянул в машину. Успокаивая себя, глубоко вздохнул: самолично именно так же приучал своих подчинённых осматривать транспорт. По замершему взгляду проверяющего понял, что сам же и оставил зацепку - бутылки из-под пива! Не оправдываться, не обращать внимания, перевести разговор... (Выдержка – надёжный товарищ и друг. Не превращать слова в ирапнель!)

- Но что мы нарушили? Пошла прерывистая разметка... (Попытка мирно разрешить вопрос?)

- Товарищ полковник, как вы думаете, неужели мы здесь случайно стоим? (При исполнении?! Представишь и улыбнёшься игре.) Там выставлен знак «Обгон запрещён». Ждите, вызовем, - капитан ещё раз глянул на вещественные доказательства и,

пропустив только-только подъехавший трактор, пошёл к спрятанной за остановку машине.

Зато позёмка, как самый яркий нарушитель дорожного движения, безбоязненно пересекала двойную сплошную, вылетала на встречку, переваливала отвал и неслась в снежное нетронутое безмолвие полей. *(Каждый пишет на них свою повесть, но не всякий её прочитает.)* Россия всё же северная страна, именно зима одевает её в свадебный наряд. Берёзы и сейчас стоят невестами в белой фате, рядом женихами в тёмных фраках подбоченились ели... *(Когда еще появится возможность увидеть белый свет, поразмышлять?)*

Прикрыл глаза, откинулся на сиденье. Пока всё складывается против того, чтобы я успел к сроку в Севсько – старинный русский город Севск, расположенный практически на границе с Украиной. *(Вот именно пока! Случайностей на свете не бывает.)* Но ведь всё равно успею, иного выхода нет. Просто придётся гнать посильнее. А попутчица правду сказала про опасность впереди. *(На то и штурман, чтобы видеть дальше, чтобы спасти другого от беды.)* Довёз бы очки до озера, не упёрся бы в «петушок». Вот и не верь приметам. Хотя и другая пословица есть: тише едешь – никуда не приедешь... *(А тише едешь – дальше будешь? Нам не дано своей судьбы увидеть, чтоб сразу всё расставить по местам.)*

Гудок гаишной машины возвратил к реальности: меня звали. Арестованная вереница рассосалась, только один из водителей звонил по мобильнику, явно поднимая на выручку знакомых. Мне поднимать некого, мои все в Чечне... *(Да и незачем: полоса прерывистая – не сплошная. Найдётся выход через промежутки.)*

Мнущийся около машины капитан мурлыкал в усы песенку, за рулём оказался майор. Это лучше. В одной звезде больше мудрости, чем в четырёх капитанских всевластия. *(И с этим, к счастью, не поспоришь. Ни к чему.)*

Не ошибся.

- Вы слегка увлеклись скоростью, товарищ полковник.

- Даже не спорю, - поднял я руки.

- Не пили сегодня?

- И вчера нет. Вторые сутки за рулём. И надо успеть к утру вернуться в Москву. Аэропорт Чкаловский – Моздок, произнёс я паролем путь из точки А в точку Б. Гражданским пирожкам они ничего не скажут, людям в погонах это как путь из варяг в греки.

Майор понял и оценил, что я не выпячиваю Чечню охранной грамотой. *(С умным говорить, что воды родниковой напитокся.)*

- Подождите немного, сейчас товарищ отъедет, – кивнул на звонившего.

Тот уезжать без прав не собирался, зато заглянул внутрь машины капитан:

- Куда Васю?

Майор скосил на меня глаз, но посчитал за своего и отдал распоряжение:

- Гони обратно.

Через минуту мимо нас на гору, подгазовывая синими точками-тире, весело побежал «петушок». Теперь уже ясно: собирать очередную партию лохов. Не знаешь, что лучше: Кавказ со своей наглостью или родная глубинка с подвохом... *(Как в мутной воде: не знаешь, какая рыбка попадётся в сети, но явно, что не будет золотой.)*

Мою горькую усмешку майор попытался не увидеть, но оправдаться посчитал нужным:

- Самое гиблое место. Авария на аварии. А так хоть смену сдам без трупов. *(Как тут не пожелать намерений благих?)*

Стопка отобранных водительских прав на панели никак не тянула на свидетельства о смерти, но даже если она перекроет один некролог, капитан-кот не зря слизывает с этого пригорка свою сметану. *(«Служить бы рад...», – промолвил бы тут Чацкий)* Вот только если бы не исподтишка... *(Сметану слизывать открыто неприлично!)*

- Осторожнее, товарищ полковник. Дорога скользкая. *(От ума до мудрости – ступенька, и её нельзя переступить.)*

Спасибо. Справлюсь. *(Конечно, справитесь, но пусть хранит Господь.)*

Снег кружил уже по-взрослому, с уверенностью в свои глубокие тылы. Фуры на трассе начали сбиваться в паровозики, и обгонять их без риска схватить лобовое столкновение сделалось практически невозможно. Но я обгонял – спасибо, товарищ майор, за задержку. Пронимаю ситуацию, но самолёт ждать не будет. Но вначале надо добраться до Севска, родины моего друга, которого я подставил под пули. *(Не выполнить приказ высокой Чести невозможно – таков по своей сути человек.)*

- Держись, родная, – я сжимался в пружину, чтобы не вильнуть и не цапнуть колесом снег на обочине. Тогда точно принесут цветы, так неестественно алеющие среди дорожных отвалов, и мне. Сейчас нельзя. Никак нельзя. *(И мысли допускать никак нельзя, ведь слово, как известно, матерьяльно.)*

Ангел, наверное, выбился из сил поспевать за мной. *(А разве может быть иначе? На то и Ангел, чтоб людей любить.)* Держись, брат! Сам меня выбрал, не я тебя. С другим бы наверняка лежал на диване... *(Потому и выбрал, что знал.)*

Самыми одинокими, несмотря на прокол с ГАИ, на зимней трассе кажутся автобусные остановки. Но когда впереди замаячила маленькая фигурка, сгорбленным столбиком стоящая у дороги, я закачал головой: не-ет! Я что, один на всей трассе? *(Такой, несомненно, один – сам вызвался служить Добру!)* А если бы не приехал? Все бы так и остались стоять и бежать своим ходом? Подберут те, кто не так спешит...

Сзади накатывали железнодорожным составом фуры. А стоял, кажется, пацан. Что ты тут делаешь в снегопад? Тоже на рыбалку или уже с неё? Подарю Лёшке после госпиталя удочку, притащу на его Брянщину и засядем у лунки на все дни недели, кроме понедельника. *(Чтобы цели заветной достичь, надо столько пройти испытаний! А может быть, в этом спасенье от бед?)*

- Быстрее! – я выбросил дверцу перед парнем. В зеркало заднего вида надвигалась снежная круговерть с мощными фарами внутри. Они мигнули, предупреждая об обгоне, и я прикрыл

глаза: всё, второй раз мне эту грохочущую, клубящуюся в снегу массу не обойти. Парень-парень... *(Обратного хода тому не бывает, кто честно свой долг на земле исполняет.)*

Тот, похоже, уже не надеялся, что его кто-то подберёт. В полулетней курточке, кроссовках, вязаной шапочке, паренёк полусогнутым ввалился в машину и остался на сиденье в такой позе, совершенно равнодушный, что с ним будет происходить дальше. Фуры, волнами ветра качая машину, пронеслись мимо, и я направил на нового своего пассажира все вентиляторы от печки. Пропустив весь затор, уныло следующий за грузовиками, выехал на дорогу. Назад всё равно идти в темноте

Несколько минут проехали молча. Наконец, паренёк зашевелился, сел поудобнее, огляделся.

- А я всё равно думал, что кто-то добрый остановится и не даст замёрзнуть, - совсем как старушка перед этим, кивнул в благодарность. Протянул руку: – Лёша. *(Вера в доброе начало греет каждого из нас. Потому горит лампада, чтоб один другого спас.)*

Пальцы были холодными, но зубы уже не стучали.

- Привет, Лёша. Моего друга тоже так зовут. Сколько же ты стоял?

- Часа два.

- А куда добираться?

- В Суземку. К крёстному.

До поворота на Суземку было километров восемьдесят, после него ещё тридцать...

- А почему не на автобусе?

- Билет 120 рублей. А мамка дала только пятьдесят. Водитель не посадил.

- Надо было ехать?

- У меня сегодня день рождения, пятнадцать лет...

- Поздравляю.

- Спасибо. А крёстный ещё летом обещал подарок. Как вы думаете, что он может подарить?

- А он знает, что ты едешь?

- Нет. Но он же обещал!

Господи, в какие дикие края я попал! Что это за страна такая, полная наивных людей – Брянщина! (Дебрянские кручи с глухими лесами! Но есть в ней и прелесть – наивность людей.) А если крёстный забыл про обещание? Или, хуже того, лежит пьяный? Или просто уехал и дом закрыт? Лёха ты Лёха, голова два уха... (Надежда на людскую память и долг несения креста.)

- Бери конфету, - кивнул ему на свой утренний заработок.

Не успел вытянуть шею и осмотреть колонну, а сосед уже облизал фантики синим языком. Значит, краска на обёртках поганая...

Дорога пошла волнами, видимости ноль, рисковать теперь уже и попутчиком в его день рождения непозволительно. Ну и ладно. Передохнём. (Смирение зачтётся непременно, а Ангелу спокойней на душе.) А ещё лучше дозаправиться на обратную дорогу и перекусить. Всё равно одинаково со всеми подъедем к суземскому повороту.

- Перекусим? – кивнул на заправку.

Лёшка недоверчиво поднял глаза, торопливо кивнул, пока я не раздумал.

- Что взять?

- А можно сосиску в тесте? Такие бывают, я знаю.

- Иди выбирай, пока заправлюсь.

Именинника нашёл у витрины – он словно сторожил вожденный бутерброд недельной заветренности.

- Вон она, – прошептал с облегчением, что никто его не купил.

- Садись, - кивнул я на дальний столик. Наклонился к девчонке за стойкой: - Тому парню – хороший кусок мяса. С полной тарелкой картошки. Салат со всей зеленью, что есть. Компот с сырниками. И сосиску в тесте. А мне кофе. Покрепче.

За столом Лёшка перегнулся, чтобы не слышали остальные, подпольщиком прошептал:

- Сзади иностранцы сидят. Думал, хохлы, а прислушался – нет, я по-ихнему понимаю. Наверное, молдаване.

Подошла девушка с полным подносом, принялась выставлять тарелки. Лёха проводил каждую завистливым взглядом, но увидев свой заказ, облегчённо выдохнул. Я сдвинул все порции к нему.

- С днем рождения, Лёшка.

- Это мне? Всё? – голос его дрогнул, в глазах показались слёзы. (*Наивность никогда пусть не иссякнет, чтобы душа не очерствела в зимний день.*) Не удержавшись, покатались по худым щекам (*Хоть дикий край, да ярки в небе звёзды!*), булькнули в компот. – А я еду и есть хочу. Еду и хочу есть... (*Святая простота – ну что тут скажешь?*)

- Я машину посмотрю, а ты кушай, - оставил я парня одного. Кофе можно и в кабине попить...

Допить не успел, выбежал с зажатой в руке сосиской попутчик. Может, боялся, что уеду? Нет, Лёха, ты земляк моего друга. И имена у вас с ним одинаковые! А значит, я тебя не оставляю. (*Никто, ни на единый даже миг, не сомневался в чистых помыслах, мой автор.*)

- Там был такой кусок мяса! – убедившись, что я на месте, начал именинник с самого восторженного. Видать, и впрямь мать не смогла наскрести на билет, если парень забыл, когда сытно кушал. – Такой кусище! Спасибо.

Улыбнулся счастливо, по-хозяйски уселся на сиденье, улыбнулся:

- А я теперь в Москве был и в кафе. И на метро ездил. Там, чтобы войти в него, надо сначала карточку купить и приложить к жёлтому кругу. Я два раза проехался по эскалатору – и привык сразу. Только народу там – табуны. Та-бу-ны! (*Точнее невозможно передать! А пастухи не те, что были раньше.*)

Он ещё рассказывал, как надо вести себя в Москве, чтобы не потеряться, как сторониться цыганок. А главное, не покупать продукты в первом попавшемся магазине, а обойти их как можно больше, потому что хоть на несколько копеек, но всё равно товар найдётся дешевле...

- Лёха, вон поворот на твою Суземку. Люди стоят, значит, автобус скоро будет. Я бы довёз до конца, но очень спешу. К твоему тёзке, он раненый лежит. Обещай, что сядешь на автобус.

- А пешком и нельзя. Волки завелись. Не дойду.

- Это тебе на билет, - я протянул деньги.

Я сидел сбоку, но Лёшка посмотрел вверх, словно они свалились оттуда. А может, чтобы просто проморгаться. Сентиментальный ты парень, Лёха. (На этом месте каждый только окажется, таким же точно станет... Ну и что же?)

- **Спасибо за пожертвование.** *(Высоким слогом изъясняться может. Он Алексей... То Божий человек.)*

Тебе спасибо. За твою наивность и открытость. Что оказался одного имени с другом, на которого я ненароком, но навёл врага. Я, когда останавливался, не знал, что у вас одно имя, но пусть получится, что и таким образом я отмаливал свой грех. *(У каждого своя дорога к храму – какая сила в истине простой!)* Теперь одна задача – чтобы был дома крёстный...

А мне – всё! Лимит остановок исчерпан. Хоть пожар, хоть наводнение, а мой путь только к колодцу на окраине Севска. *(У околицы он, ждёт, никак не дожждётся.)* Рядом с женским Крестовоздвиженским монастырём. Лёшка попросил воды из него. Не просил, конечно, а лишь помечтал, облизывая сухие губы:

- Воды захотелось. Из нашего колодца... *(Сколько силы прибавится сразу!.. Что тут можно ещё пожелать?)*

- Воды просит, – сказал я врачу, когда вошли к нему в кабинет. В углу рядом со скелетом стоял кулер, но я уточнил: - Из колодца около дома. *(Пожеланье больного подобно приказу, и его сам себе человек подписал.)*

- Это было бы, между прочим, очень кстати, - вдруг поддержал главврач. Себе налил в чашку из кулера. Задрал поникший череп анатомического пособия. – В природе всё просто. *(Она открыта людям и проста, но сколько мудрости, но сколько благодати!)* Человек на 80 процентов состоит из воды, и её структура полностью совпадает только с той, которую он пил с рождения.

Так что если больному питаться пищей, которая окружала его с детства, и пить воду из родного колодца, выздоровление пойдёт значительно быстрее. (*Маршрут определён, каким бы трудным ни был.*) Ну, а нам через три дня пройти ещё одну операцию... (*Не одинок бывает человек, коль окружён заботой и любовью.*)

В тот же вечер я отыскал военный борт из Моздока на Москву и договорился на обратный вылет. Буылки из-под пива – это набрать воды Лёшке. И завтра утром я должен стоять с ней на аэродроме, если хочу успеть к повторной операции. (*Это подвиг – есть место ему.*)

- Сегодня ночью были голубые пакеты, - усмехнулся Лёшка в реанимации. Пакеты для вывоза умерших и впрямь делают разного цвета – чёрные, голубые, золотистые... – Двое ночью захрипели и... А я лежу и приказываю себе дотянуть до утра. Чтобы уж если душа летела над землей, то... на рассвете, а не в темноте. Поверь: это, оказывается, важно. (*Никуда не уйти от примет: и спасенье они, и награда.*)

Уставился в высокий потолок. Однако открылась дверь и вошёл бог земной – наш военный хирург Васильич. Постучал для меня по часам – ты просил минуточку...

- Это я виноват, Васильич, - уговаривал я его накануне прорваться в реанимацию. – Я вышел с ним на связь.

- А мне сказали, что он сам вызвал огонь на себя.

- Да, но всё наоборот. То есть сначала он ушёл со своей группой брать главаря. Трое суток сидел в норе как мышь. А я не знал. Никто не знал. А тут внучка родилась. Он так её ждал!

Хирург прищурил глаз, прикидывая наш возраст. Ну что делать, если у нас воюют деды. В Афгане мы ждали рождение своих детей, на Кавказе – уже внуков. (*Война не может отпустить героев: вампирам больше крови подавай. Но чтобы мир спасти, необходим огонь любви.*) Страна не воспитала замены (*Её другие занимали мысли.*), Кремль с Белым домом, как шерочка с машерочкой, ковырялись все эти годы в нефтяных, митинговых и барахоличьих проблемах... (*Не потерять бы нам надежду на долю, лучшую для нас!*)

- И что? При чём здесь внука?

Врач намеревался остаться неумолимым.

- А я стал выходить на него по связи. Поздравить. Я так часто выходил на него, что он понял – что-то случилась. И ответил. И его самого запеленговали «духи». Так он из охотника сам превратился в дичь. Потом уже был бой и огонь на себя.

- Понятно. Тебе одна минута. Он очень слаб. Дай Бог продержаться критические три дня. (Дай Бог!)

Три дня кончатся завтра. (Только русскому солдату по плечу совершить героизм без шумихи.) А я пока за 500 км от Москвы плюс полторы тысячи от столицы до Моздока. (Определён маршрут, известно расстояние, условие задачи как сигнал тому, кто чувствует другое состояние, кто обеспечит благостный причал. Воды глоток – что может быть дорожке?)

Снег чуть поутих, но перемёты лежачими полицейскими пытались сбить скорость. Но только не сегодня и не для меня. (Похвальной грамотой ложится благодарность всех, кто читает и прочтёт сей сказ. Но есть тревога...) Впереди показалась знакомая, нарастившая себе дополнительный хвост, колонна. Говорил же, что придём одновременно. Слева уже видна окраина Севска, и первый купол от Москвы - как раз Крестовоздвиж... *(Нет! Не может быть! Случилось?)*

Я не понял, почему вильнул хвостом летящий по трассе снежный вихрь. Но из него выпала, оторвавшись от общей колонны, последняя фура. Машина на глазах, перед глазами, стала крениться, хватать перепуганными колёсами воздух, перегораживать путь. Я летел прямо под этот падающий двухэтажный дом, тормоза бессильно завизжали на скользкой трассе, и последнее, что увидел, - это летящий навстречу обрыв. То ли крикнул, то ли подумал:

- Всё! *(Беда ждала и потирала руки, стремилась к подлости душонкою больной. За нею смерть, рыдания, час разлуки... Спаси, Господь, Ты знаешь сам: не время!)*

Всё, потому что я не должен был закрыть глаза. Последний раз перед опасностью делал это при первых прыжках с парашютом, будучи лейтенантом. Потом запретил себе подобное.

Поэтому, раз не помнил, что произошло при падении, значит, потерял сознание. Кратко, на миг, но случилось...

Да и когда пришёл в себя, ничего не увидел: раскрывшийся жабьим ртом капот закрывал обзор. Прислушиваясь к себе, возможным травмам, повернул голову в сторону насыпи. И понял, что обманывался зря, потому что я всё же разбился: сверху меня крестила монахиня. С чёрным клобуком на голове, поверх мантии и рясы с широкими, развивающимися на ветру рукавами, блестел большой напёрстный крест. Значит, наместница монастыря. Может, самого Крестовоздвиженского? Но как смогла так быстро оказаться здесь? Ангел позвал? (Километры пути круговертью снегов. Ни стоять, не идти ты, герой, не готов. Нет, скорее не можешь – постаралась беда. И в Суземке, и в Севске холода, холода.) Хирург зря поднимал голову скелету...

Только как могла подняться на небеса вместе со мной кабина? Значит, всё-таки на земле? И жив? *(Слава Богу, и Ангелу добрая Слава, и старухе с клюкой, что крестила тебя. Но глаза к небесам, чтоб молитва по праву долетела скорей, никого не губя.)*

Толкнул дверцу.

К машине, скользя и падая на крутом склоне, торопливо спускались люди.

- Как это ты не перевернулся? – услышал первый вопрос. *(За добро воздаётся добром.)*

Самому бы знать. По насыпи от моей машины шла всего одна колея. Значит, правая сторона моего Рено летела по воздуху.

- Будь скорость поменьше, перевернулся бы. Как пить дать, - знаяще оценил кто-то.

Фраза напомнила про Лёшку. Снег хотя и спас, приняв меня с машиной, как в ватную стену, но из этого рва теперь не выбраться до скончания века. Они, придорожные сугробы, давно

звали меня на посиделки. (Отказался поест да ржанных пирожков, печка спрятать от страшных гусей отказалась.)

Только куковать, похоже, светило не одному мне. Из разорванного брюха развалившейся поперёк дороги фуры вывалились мешки, бруствером перегородив и обочины. Задранные вверх колёса продолжали крутить время, но трасса остановилась в обе стороны.

Любопытные разделились – одни шли смотреть аварию, другие оценивали мой полёт. И только матушка, не двигаясь, продолжала шептать в мою сторону молитву. Я благодарно кивнул, подумав, что надо бы попросить помолиться за Лёшку... (Душе покоя не даёт солдат: спасает мир. Но как спасти его?)

- Не вытащим. Перевернётся (Уже готовый вынесли вердикт?), - вокруг моей машины продолжали крутиться, утаптывая снег, мужики.

Да, склон слишком крут, и второго фокуса он, конечно, не допустит. Пробиваться вперёд дело не менее гиблое – снег по колено, за рвом хоть и хилая, но лесополоса, а дальше заснеженное поле. (О Брянской повести герой, пиши свою судьбу, чтоб придорожный светлый крест спасал тебя всегда.) Единственный выход – это оставить машину и добираться в Москву на попутках. Но ведь и попуток нет...

- Попробуй завести. На ходу хоть? – посоветовал парень в унтах. Вот так надо зимой собираться в дорогу, по-сибирски. А то вырядился в полусапожки...

Черпая в них снег, залез в машину. Не без тревоги повернул ключ. Есть! Толку от этого никакого, но завелась. И на табло горит красным контуром аккумулятор. Ясно, что это второстепенно, хотя с суворовского училища предупреждали: в армии всё красное несёт опасность. (Пусть поменяет случай цвет, зелёным станет путь, отныне чтобы жить без бед и к счастьем повернуть.)

- Аккумулятор показывает разрядку, - открыв окно, прокричал парню.

- Глуши.

Вслед за «сибиряком» в мотор нырнул шустренький, подпрыгивающий из-за малого росточка мужичок. Наверняка пахал колхозные поля. Вернулись с уловом, показав всем разорванный ремень. Теперь даже мне, дилетанту в технике, можно окончательно опустить руки: полетел ремень генератора. Тут даже если выбраться на дорогу, аккумулятор в одиночку, при морозе, проработает не более пятнадцати минут. Потом машина заглохнет и превратится в остывающий кусок железа и пластика.

- Мужики, у кого-нибудь ремень есть? - парень не думал оставлять меня. *(Твори в своей жизни добро, чтоб сторицей к тебе возвращалось оно.)*

Несколько человек пошли к своим машинам, и вскоре с насыпи один за другим прилетело сразу четыре лассо. «Сибиряк» выбрал по размеру самый близкий к оригиналу, снова нырнул под капот. Вернулся из забитой снегом преисподней озадаченный. Одного взгляда не меня ему оказалось достаточно, чтобы понять: я тут не помощник.

- Кто-нибудь помнит схему, как надевать ремень? Здесь восемь шкивов.

Вниз, оберегая копчики, спустилось еще пару человек. Только бы не бросили, только бы у мужиков получилось! А они стали спорить, потом рисовать на снегу расположение шестерёнок, угадывать последовательность хода ремня. От меня им и впрямь было пользы как от козла молока, и я поднялся по насыпи. Водитель фуры старшиной сновал вдоль рассыпанных мешков-брустверов, доказывая что-то по телефону. Затопор рос на глазах. Извини, Лёха. Но я правда очень хотел тебе помочь... *(Своими помыслами и своим стремленьем.)*

- Храни тебя Господь, - подошла тихо игуменья. – Ангел-хранитель тебе крылышки подстелил. *(Никакого сомнения нет, он везде, где герой-непоседа.)*

Я согласно кивнул. Всё же успел он за мной. Как же ему дать передышку? *(Вопрос непростой, ведь он тебя выбрал – не ты.)*

Но во взгляде настоятельницы читалось и осуждение за скорость *(Надо помнить о полосатой палочке и зебре на дороге, чтобы стыдливо взгляд не опускать.),* и чтобы оправдаться, пояснил:

- К вашему монастырю ехал. Там рядом колодец есть.
- Есть. Вкусная вода. Сами берём из него. А тебе что он?

- Да вот ехал за водой. Другу.
- Из Москвы? – монахиня посмотрела номер на моей машине.
- Он ранен. В Чечне.

Матушка перекрестилась, прошептала молитовку. (С нами сила крестная, пусть хранит Господь.) Поглядев на застывшую вереницу машин, отошла, достала мобильник. Если ей на вечернюю молитву, то тоже не успеть. Хорошо, что я ни перед кем не виноват... (Стыда не избежать, но совесть не запачкана ничем.)

В конце пробки, убирая с дороги любопытных, закрутились под вой сирены проблесковые маячки гаишной машины. Из неё вылезла знакомая сладкая капитано-майорская парочка. Одного взгляда им хватило и оценить обстановку, и узнать меня. Капитан заспешил к фуре, майор укоризненно прошептал:

- Предупреждал же – осторожнее!

Я, что ль, хотел этого? (Пусть будет стыдно, но душа как ангел.)

Гаишник не побрезговал спуститься вниз, оценить высоту насыпи. (Где виноват, безропотно прими, чтобы потом не покраснеть с досады.) Окунулся вместе со всеми в мотор, вытолкнул плечом мужичонку. Потом ткнул для «сибиряка» пальцем в схему на снегу, нарисовал в воздухе загогулину. Поднялся обратно, на ходу вытаскивая мобильник.

- Алло, Вася? Трос есть? Давай сюда, на Севский перекрёсток, надо будет протянуть машину по полю. (Ничто не чуждо и тому, кто великаном хочет всем казаться.)

Через два часа Вася на «петушке» набивал колею по полю, «сибиряк» вырубал окно в просеке, водители, черпая не менее мелкими полуботиночками снег, спускались толкать мою «Реношку». Сверху крестила теперь уже всех игуменя. А по белому полю, словно черные воронята, утопая в снегу, шли от Крестовоздвиженского монастыря монашки с бутылками воды... (Вселенная и есть тот храм, который спасаем миром, чтоб душой спастись!)

[<http://www.rospisatel.ru/ivanov-novella.htm>]

Благодаря сайту «Российский писатель», его вдохновителям и организаторам *Елене Игоревне и Николаю Ивановичу Дорошенко* читатели увидели эту новеллу (рассказ, повесть) накануне 8 Марта. И заработала мысль, и потекли строки – первичное восприятие текста (22.02.13 г. 23:26):

* * *

За добро на Руси воздавалось добром.
Вот и светлая проза как солнечный луч,
Как дыханье весны, как мудрейший завет...
Только с юности вдруг да виски серебром.
Как знакома походка глубоких старух:
И костыль впереди, и рука на спине.
Ветер снежную пыль
разбросал вдоль дорог,
Стала колкой она – босиком по стерне.
Обнажённой душе неуютен покой:
Как на крыльях летит, чтоб спасённому –
быть,
Чтобы Родине долг отдавать на посту,
Чтобы тех, кто помог, и во сне не забыть.
Пусть встречаются люди на Вашем пути,
В светлой прозе они идут к чистой воде.
Ангел служит исправно – нельзя подвести.
Там, где строятся храмы – не место беде.

Мысли постоянно возвращались в содержание и складывались строки. Отправила ещё один комментарий к тексту Николая Иванова, и получила от читательницы Анастасии вопрос: «Это стихотворение вы сами сочинили или где-то прочитали? Если последнее, кто автор?» Отвечаю, что моё и объясняю процесс собственной деятельности [<http://www.rospisatel.ru/ivanov-novella.htm>], но появляется следующий комментарий другого читателя, Сергея: «Вообще-то это не дело перепевать хорошую добротную вещь, всё равно будет вторично». Дмитрий Сорокин

поддерживает меня, отвечая Сергею, и я понимаю, что его школьные годы связаны с написанием сочинения после изучения каждого прочитанного произведения автора: «Вы не поняли сути, там нет вторичности. Прочтите внимательно ответ Нины Волченковой для Анастасии».

Каждый волен принимать или не принимать, но в одном я уверена, что принятое сердцем произведение даёт возможность и стимулирует работу над собой.

Накануне женского праздника появилась запись автора: *«Большое всем спасибо за добрые и светлые слова в адрес новеллы, замечания и предложения. Конечно же, в тексте что-то подправил, уточнил, выверил и теперь могу печатать и везти бойцам в Моздок и Ханкалу».*

А мы со студентами социально-педагогического факультета не просто читали: постигали *виды и приёмы изучающего чтения* (выделение смысловых частей текста и составление плана – простого, картинного или цитатного; прогнозирование содержания или смысла последующих частей текста при опоре на прочитанное; выделение ключевых слов, замена смысловых частей их свернутыми вариантами, эквивалентами; выявление деталей текста, подтекстовой информации; определение принадлежности текста к тому или иному функциональному стилю, составление вопросов проблемного характера во время и после чтения текста, выписки основных суждений; составление плана и графической схемы, которая выявляет структуру текста и взаимосвязь отдельных его частей, переработка: создание вторичных текстов на основе данного; читательские комментарии к тексту), с опорой на эти методические аспекты анализировали текст произведения, а что из этого получилось, судить тем, кто прикоснётся к книге.

Конечным результатом нашей совместной деятельности явилось понимание всех уровней текста.

ВОСПРИЯТИЕ «БРЯНСКОЙ ПОВЕСТИ»

Эмоциональный фон по прочтении
«Брянской повести» Николая Иванова

Ермикова Анжела, логопед

Мне очень понравилась «Брянская повесть», перечитывала её на одном дыхании. После прочтения новеллы я почувствовала какое-то необъяснимое спокойствие, уверенность в завтрашнем дне, в том, что если что-то случится, то обязательно помогут, и я помогу всем, чем смогу, кому нужна будет моя поддержка.

Когда я читала «Брянскую повесть», то слышала Ваш голос, Нина Петровна, именно так, как Вы читали нам новеллу в аудитории, с интонацией, паузами. Наверное, Ваше прочтение «Брянской повести» и вселило в меня определенное спокойствие и уверенность.

Очень хотелось, чтобы меня не беспокоили, когда я читала новеллу, чтобы не потерять нить эмоций, которые возникали внутри меня. Так и случилось. Старалась не слышать звуки, которые издает жизнь уличная и домашняя, полностью погрузившись в чтение.

Старушка мне показалась знакомой, этот образ я где-то видела, только не помню где. Худая, немного осунувшаяся и сгорбившаяся, в темном платке, но с «живыми» глазами. Несмотря на то, что в новелле старушка была в плащ-палатке, никак мне не получалось представить её в ней, очень хотелось «надеть» на неё тёмный тёплый зимний тулуп.

Когда старушка глянула на небо и по сторонам, у меня сразу возникла ассоциация с крестным знаменем, как будто старушка крестится потому, что благодарит Бога за то, что

наш герой остановился и помогает ей, либо для того, чтобы в дороге с незнакомым человеком ничего плохого не случилось.

Несколько раз перечитывала момент, где капитан вызывает Васю с трактором обратно. Никак не хотелось верить, что действительно так делают, зарабатывая на спешке и нервах водителей. Но когда майор объяснил, что это оригинальная мера безопасности от аварий, то стало на душе немного спокойней. Может, действительно он заботится о жизнях водителей, бездумно набравших скорость перед поворотом?

Напряжённым был для меня момент, когда майор посоветовал нашему герою быть осторожнее. Сразу появилось предчувствие, что что-то нехорошее обязательно произойдёт.

Меня остановило в новелле такое предложение: «Молоденькие деревца, летом зелёными солдатиками бежавшие по косоугору в атаку, сейчас, убелённые седым инеем выходили из боя по колено в снегу». Несколько раз перечитала его, чтобы ясно представить себе молодых ребят, идущих в атаку, и возвращавшихся домой после тяжёлых боев солдат. Возникают противоречивые эмоции: жалко ребят, которые еле-еле стоят на ногах после боёв; чувство гордости за тех, кто действительно это выдержал, прошёл через такие испытания; даже чувство вины за то, что некоторые из таких людей становятся одинокими и забытыми Родиной.

Хочется верить, что вокруг нас есть ещё много таких людей – человечных, добрых, бескорыстных, которые не сломятся под натиском большого количества совершенно противоположных жителей нашей страны.

Дисциплины «Введение в литературоведение», «Теория литературы и практика читательской деятельности», «Методика литературного чтения и работа с детской книгой», «Методика преподавания литературы» давали мне возможность обучать будущих педагогов исследованию текстов писателя, нашего земляка, имя которого, к великому сожалению, они узнавали на наших занятиях, а потом были собственные открытия, которыми

они делились в письмах преподавателю (была у нас такая форма общения). *Анжела Ермикова* после эмоционального восприятия «Брянской повести» работала над *образом дороги*, используя приём сопоставления, а потом написала следующее:

Здравствуйте, Нина Петровна! Искала стихи о дороге, подходящие к героям из произведения «Брянская повесть» и увидела строки: «Ласково. Тихо. Приглушенные краски; песня, долгая, как время, древняя, как море, едва доходящая до сознания из самой глубины сердца. Слушать море - слушать сердце. Не жить памятью, а вслушиваться в неё – внимательно, мудро. Быть там, где ты есть, куда занесла судьба. Быть тем, кто ты сейчас, и дарить тепло и внимание людям, оказавшимся рядом в эту минуту. Наедине с собой, между Дорогой и Небесами...

Начало пути. Стихи о дороге и городах. Людмила Гайдукова
[<http://stihi.ru/2006/07/23-99>]

Последние два предложения очень точно подходят к главному герою! Мне кажется, что лучше сказать о «дороге» нашего героя не получится.

Ну что ж, разуверять не станем: в сию минуту так и было, нашлись созвучные слова. Замечательно!

А вот это письмо преподавателю написано рукой на нескольких листах и прислано обычным способом – по почте России. Автору Николаю Иванову оно было вручено лично во время встречи в Брянской областной научной универсальной библиотеке им. Ф.И. Тютчева 12 февраля 2014 года:

Нину Волченкову внимательно слушают Николай Иванов и директор библиотеки Светлана Степановна Дедуля

* * *

Когда колокольчик Вы в руки возьмёте,
Услышите звон мелодичный Руси,
И вспомните нас. И, я знаю, шепнёте:
- Прошу Тебя, Господи, всех сохрани!

Заглавия Ваших новелл, и рассказов,
Романов сливаются в повесть одну.
Читаешь её, и понятно всё сразу:
Надёжно солдат защищает страну.

России о Ваших дорогах известно,
Посмотришь на сайте –
признаний не счесть.
Пусть будут они как друзья повсеместно,
Отчизне служенье – высокая Честь.

Вперёд к горизонту мы Вам пожелаем,
Пусть будет он ярким расцветом зари.
Под солнцем и звёздами путь нескончаем...
А мы Вам СПАСИБО за всё говорим.

09.02.14 г. 01:47

Колёса вращают Время!

Письмо автору «Брянской повести» Николаю Иванову

Жанна Бородулина (Пономарева),
учитель начальных классов Навлинской
МОУ СОШ, студентка заочного отделения

*За окном весна. Берёзки по обочинам Киевской трассы.
Зимние невесты – затяжная она в этом году, не хочет покидать
наши края.*

*Брянщина для меня – не малая родина, а место, где я сейчас
живу. Но какая же она разная! Я всё ещё не могу понять её,
полюбить, назвать своей.*

*Брянский край – край седых берёз, наивных людей и людей
завистливых, край лесов и болот. Я здесь живу и произношу
сейчас заветное слово для каждого человека – Здравствуйте!*

*Вы помогаете мне понять, почему эта страна – Брянская
сторона – трогает мою душу, не оставляет равнодушным моё
сердце, мучает, радует, удивляет, заставляет идти вперёд.
Колёса вращают время!..*

*Встреча с умным человеком, говорят, как подарок судьбы. Я
встретила Вас, Писатель, в Вашем произведении. Не видя Вас,*

не зная цвета Ваших глаз, ширины Ваших плеч, чувствую, что Вы сильный, добрый с искорками морщинок в уголках глаз.

Удивительно, как в человеке соединяется строгий военный и тонко воспринимающий мир писатель? Вы ощущаете на себе суровость жизни, а душевные качества смягчают её. Я слушаю Вашу «Брянскую повесть» и понимаю, что встретила друга. Как же здорово узнавать свои чувства в написанных Вами строках о неповторимости земного бытия и уникальности личности, о человечности, проявляющейся в заботе о другом, хотя и сквозит грусть, но... становится солнечным лучом. Улыбаюсь: Ваш неравнодушный взгляд касается всего происходящего. Вы озвучили нотки моей души, нотки сомнений и переживаний. Как не потерять себя? Улыбаюсь тому, что Вы знаете мою тайну.

Каждый человек – это целый мир! В нас столько любви!

Колёса вращают Время...

Всё течёт, меняется. Осень в Вашей «Брянской повести» перемешивается с осенью в моём сердце и медленно тает, как растает скоро и этот снег за окном автобуса. Где я? Еду домой. А мыслями – в Вашем художественном мире – рядом со старушкой несу в кармане плаща очки на верёвочке. Какой же интересный образ! Многие женщины именно так понимают любовь – как заботу о близком человеке, ежедневно берегут его, не сетуют и ничего не просят взамен. Любовь-доверие без пафоса. Как ангел-хранитель! Знакомо. Дорого. Моя мама, может быть, тоже ходит уточкой между машин, людей. А под дождём? Спасибо за эти секунды, в которых Ваши образы греют моё сердце воспоминанием о маме.

На трассе очень много машин. На нашем жизненном пути много встречается разных людей. Одни промелькнут – не вспомнишь ни имени, ни его образа. А некоторые как великаны: запоминаются своим мироощущением, и ты вдруг замечаешь, что повзрослела, мудрости прибавилось. Или это время бежит быстрее?

Что позволяет нам, людям, приподниматься над серым дождём, грязной дорогой, холодом ночи, даже над собственным словом «надо», которое огромно, и не отодвинешь, не переставишь дальше, ведь важнее и нет ничего. Подсознание души! Как это понимать? А Вы объясняете – я слушаю Ваше произведение, и на душе тепло.

Любовь! Она делает нас сильнее, светлее, человечнее! Потому что любовь как вера в чудо, наполняющая капельки воды в источниках твоей Родины, что считается святым и целебным. Это энергия человеческих неравнодушных сердец. Мы понимаем – иначе нельзя! Надо! Первостепенно! Почему? Я – Человек! Я не один! Со мною любовь! Во мне! И я не могу не согреть, не поделиться. Это моё предназначение. Может, осознание своего предназначения приходит с опытом, со временем, пропитанным событиями, встречами, болью и радостями. Вы знаете какой-то секрет.

Бог есть Любовь! А человек создан по образу и подобию Божьему! Надо только успеть! Успеть! Успеть! Увидеть и поделиться! Передать от сердца к сердцу как можно больше любви и тепла! И зажечь в сердце человека искру надежды, любви и веры. Как у Александра Грина! Алые паруса должны быть у каждого в жизни! И у друга далеко-далеко в горах – в горячем Моздоке, в госпитале. И у мальчишки, еще не видевшего этот мир. «Делайте чудеса своими руками!» - говорил Грей у Грина. «Делать чудеса просто и приятно, совсем нетрудно, главное – успеть!» – говорите нам Вы. Спасибо! Опыт приходит с годами. А надо сейчас! Пока ещё молодость, ведь колёса не останавливаются, всё вращают и вращают Время.

Что ведёт Вашего героя вперёд? Вера. Любовь. Почему трудно объяснить наличие бутылок из-под пива на заднем сиденье? Нет времени: могут не понять и не поверить. Но ведь ему, Вашему герою, не страшно. Он многое видел и знает – сколько всего случилось? Он – над ситуацией! А люди и события как на ладони. Как здорово, что герой рассматривает весь мир без злобы и надменности. С любовью?! Я чувствую эту любовь, она, как ниточка, связывает всех нас, держит и раненого друга, и машину на скользкой трассе. А если подняться выше и взглянуть с этой высоты на деревни и города нашего края, то сразу становится понятно, что помогает нам оставаться на краю этой трассы людьми. Конечно, Любовь и Вера! Мысли не противоречивые, но часто одолевает безверие, тонешь в людской подлости и не понимаешь происходящего вокруг.

А вера, сильная или еле теплящаяся в душе, не даёт упасть, обессилеть. Думаешь иногда: всё, не спасёт ни друг, ни Бог, ан нет! На дорожном ли пространстве, на жизненном обязательно

найдутся люди. Кто их посылает нам навстречу? Стоит ли говорить, если и так понятно.

Каждый человек – это целый мир! Надо успеть увидеть, успеть помочь. Вы понимаете? Для того Вы и Писателем посланы на землю. Удивительное у Вас ремесло – смотреть сердцем, уметь рассказать так, будто спрессовались время и пространство, события и встречи, Брянск и Моздок, «уточка» и капитан-котяра, посиделки снега и водители на трассе, Крестовоздвиженский монастырь Севска и операция друга. А мы, читатели, проводим диалог с автором, с Вами, стараемся во всех перипетиях разобраться, но в душе нашей всё приходит в движение – колёса вращают Время!

Сердце улыбается: какой полной может быть жизнь! Без грязи равнодушия и злости, без служения деньгам и желания затоптать ради собственного благополучия. В тот миг, когда человек осознаёт, что можно быть выше обид, приходит ощущение всемогущего чувства любви, случается чудо: не один ты на этой земле, на тревожной трассе. Есть то, что не исчезнет, не испачкает, но защитит, - любовь и человечность!

Спасибо Вам, Писатель! Подсказали неслышно, разъяснили неназойливо, но я всё слышу, вижу, живу! Как хорошо, что я Вас встретила в процессе восприятия нашей «Брянской повести». Перечитаю не один раз: столько мыслей закружились в хороводе, столько потоков души затронули! Философия учит: человек – это воля, разум и эмоции, только мы сами решаем, кто мы, зачем живём, но знаем и хотим, чтобы родители жили долго, чтобы дети учились человечности, а друзья всегда были опорой, чтобы к храму приблизился каждый. И чистой, целебной оставалась вода из родника твоей Отчизны. Всегда!

Колёса вращают Время!

В процессе обсуждения различных линий повествования часто проговаривалось слово «человечность», и мысль заработала: собрать определения этого понятия из толковых словарей русского языка. Литературоведческих, исторических, социологических, философских – тех, что встретятся во время поиска. Деятельность была очень активной, образовывались микрогруппы. Коллективная работа студентов очного и заочного отделения нашла отражение в схеме:

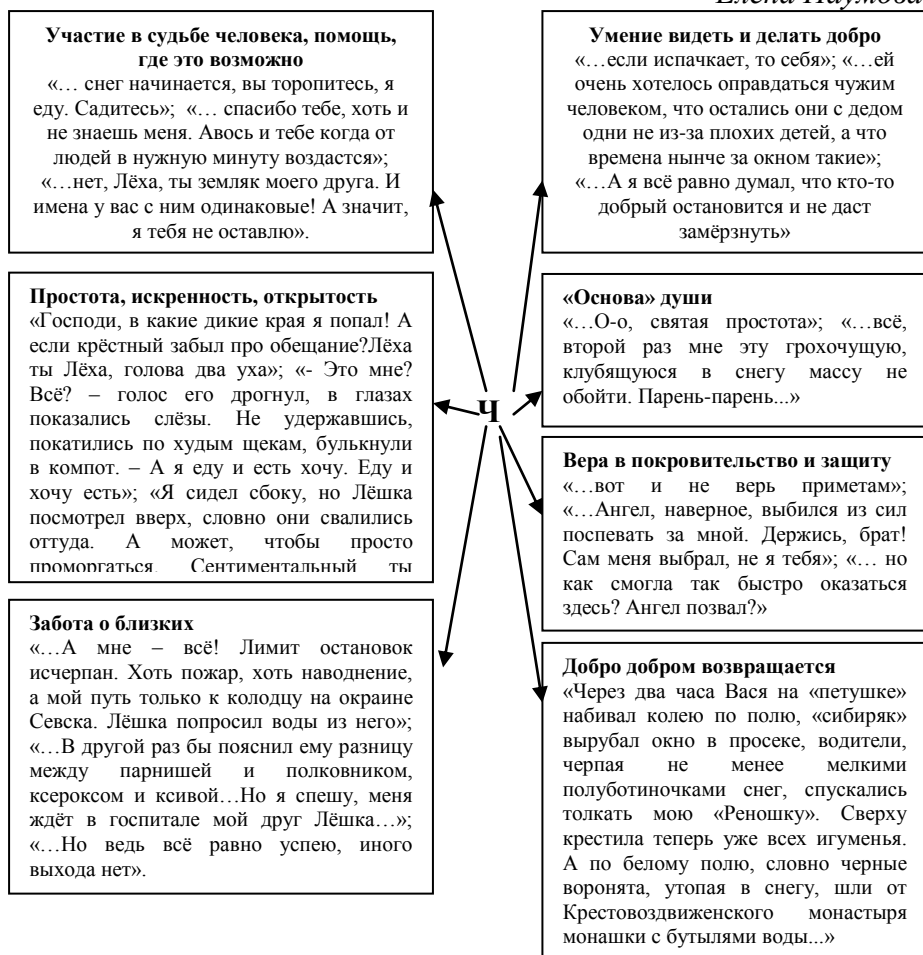
Определение понятия «Человечность» в толковых словарях русского языка

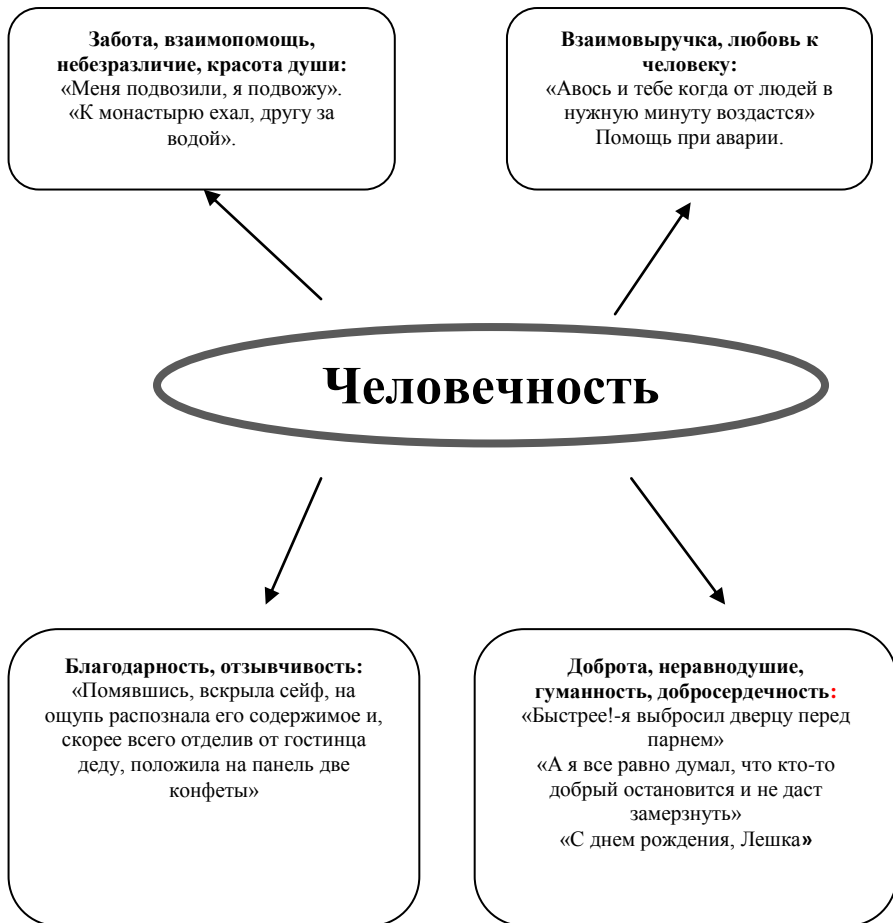
Следующий этап исследований текста – как эти понятия находят отражение в произведении автора. Привожу немного примеров моим исследователям, ключевые фразы соотносим с понятиями и заповедями, думаем и высказываемся, записываем на бумаге, редактируем и опять находимся в поиске. Не всем удалось реализовать себя, но семена проросли:

Наполнение составляющих понятия «Человечность» содержанием «Брянской повести» Николая Иванова

Елена Наумова

Художественный образ «Брянской повести»

Яна Бабенко

Человечность

Александра Малахова

Заповеди Человечности «Брянской повести» (с точки зрения педагога)

Способность участвовать в судьбах других людей, помощь нуждающимся, соучастие, взаимопомощь.

Готовность прийти на помощь, взаимовыручка, любовь к человеку.

Любовь к ближнему своему; забота о близких, забота о родителях.

Гуманность, ответственность, скромность, искренность, чуткость, честность.

Добросердечность, самоотверженность, душевность, благодарность, отзывчивость, благотворительность.

Забота, простота, чистота, доброта.

Нравнодушие, небезразличие, сострадание, понимание, терпение, уважение.

Доверие, человеколюбие, великодушие, милосердие, созидание.

Способность прощать, красота души, умение видеть и делать добро, добро добром возвращается.

Нравственность, вера в Бога, духовность.

Моё восприятие этого понятия вылилось в строки стихотворения:

ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ

Что такое человечность?

Если спросите меня,

Я отвечу: бесконечность,

Смыслы прожитого дня,

Интерес к делам другого

Человека на пути,

Вера в ангела земного –

С ним всегда легко идти,

Проявление вниманья,

И участия в судьбе,

И с улыбкой пониманья,

Очень нужного тебе.

Человек, живущий ныне,

Посмотри, не поленись:

Что является в картине

Под коротким словом

«Жизнь»?

Материалы на сайте «Российский писатель»

Терёхина Наталья Валентиновна, преподаватель высшей категории ГБОУ СПО «Старицкий колледж»:

Урок-педагогическая. Остановка в пути (Тема дороги в новелле Н.Ф. Иванова «Брянская повесть»)

[<http://nsportal.ru/shkola/literatura/library/razrabotka-uroka-po-literature-21-vekaostanovka-v-puti-pedmasterskaya-po>]

Кто счастье сотворит? (Урок-педагогическая по новелле Н.Ф. Иванова «Брянская повесть»)

[<http://nsportal.ru/shkola/literatura/library/urok-pedmasterskaya-kto-schaste-sotvorit-po-nouvelle-nf-ivanova-bryanskaya>]

Отзыв о новелле «Помяни, Господи»

Чем старше становлюсь, тем мысли горше.
Взрослее думаю, стараясь понимать,
Что время мчится, расстоянье больше
Меж тем, что было и что есть сейчас,
Но очень больно близких нам терять...

Раньше мою голову редко посещали мысли о смерти и о тех, кто ушел. Никогда не задумывалась о том, что можно прийти на могилу и побыть рядом с тем, кого больше нет. А теперь понимаю. Всё как-то со временем пришло, не сразу.

Прочитав новеллу Н. Иванова «Помяни, Господи», растрогалась до глубины души. Задумалась...

Насколько тяжело, когда некуда даже прийти, к тем, которых нет в живых. Так больно осознавать, что тот, кого любишь всем сердцем и душой, ушел навсегда. А куда бежать? Кто поможет? Разве есть на Земле такой, чтобы избавил от этой глубокой ноющей раны в груди?

Слезы скорби не высохнут на рыхлых, безвременно покрытых морицинками родительских щеках. Нет в мире большего горя, чем хоронить детей своих. Боль в глазах, пустых от той печальной судьбы, что уготована, не исчезнет.

Автор скорбит вместе со всеми, кто потерял своих близких в той страшной войне. Не каждый смог бы так передать читателю тяжёлую судьбу матерей, чьи сыновья – герои.

И вслед за автором летит моя мысль, обращённая к Господу:

*Вернуть бы всех
взлетевших в небеса...*

*Хоть на минутку,
чтоб увидеть лица...*

*Чтоб посмотреть
в их скорбные глаза...*

*В любви признаться,
тихо молвить:*

- Птицы!

*Летите ввысь,
вы Господу нужней!*

*А наша боль
то глуше, то острее,*

*Но мысль о вас
дороже и нежней.*

*Сказать три слова...
отпустить их... к птицам...*

*Вернуть бы тех...
кого забрали небеса...*

*Хоть на минутку –
лишь увидеть лица...*

*Чтоб посмотреть
в давно забытые глаза...*

*Сказать три слова...
отпустить их... к птицам...*

Дарья Бутаева

ЧИТАТЕЛЬСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «АВТОР – ГЕРОЙ - ЧИТАТЕЛЬ»

*Душа всегда и плакала, и пела,
Когда с героем мы – в одном строю.
Сердечный ритм, не нарушай пробела –
Писатель на странице, как в бою.*

Сегодня, 15 мая 2014 года, мы, студенты второго курса, будущие бакалавры направления «Начальное образование и информатика», проводим **Читательскую конференцию** [<http://www.rospisatel.ru/chk-nfi.htm>], объектом и предметом которой являются произведения **Николая Фёдоровича Иванова** – их мы читаем в процессе изучения курса «Теория литературы и практика читательской деятельности, – торжественно произнесла первая ведущая **Виктория Афонаскина**. Поддержала коллегу **Юлия Бесполитая**: «Подобные конференции проводятся для подведения итогов в изучении определенной области знаний или социальных проблем, они нацелены на развитие интереса человека к книге и чтению, на формирование читательских умений личности,

традиций и обычаев чтения. Читательские конференции способствуют развитию интеллекта, кругозора человека, формированию квалифицированного читателя». Бакалавры слушали внимательно и с удивлением смотрели на ведущих, будто видели их впервые: нестандартная форма общения на занятии придавала особый смысл происходящему здесь и сейчас.

Почувствовав уверенность в себе, Виктория продолжила: «Мы уже знаем, что существует методика подготовки к читательской конференции, включающая в себя определение темы; согласование сроков проведения с будущими участниками конференции; определение вопросов, которые будут обсуждаться в процессе её проведения; поиск проблем, связанных с содержанием художественного произведения или творчеством писателя; просмотр выставок, фильмов, имеющих отношение к теме конференции; поиск необходимых материалов в библиотеках, работа с документами и источниками, библиографией; распределение студентов по группам с учётом их интересов и желаний; обсуждение промежуточных результатов по подготовке и после проведения конференции».

Определение темы в нашем случае – достаточно сложное явление, так как талант земляка, писателя-патриота Николая Фёдоровича Иванова многогранен. Вариантов предложено много: «Писателем нужно родиться или им можно стать?», «Николай Иванов и его творчество», «Мелочи жизни» в литературных произведениях Николая Иванова», «Новеллы Николая Иванова: смешное и грустное», «Роль пейзажа и портрета в художественной литературе (на примере произведений Н. Иванова)», «Афоризмы современного прозаика (на примере новелл Н. Иванова)», «Какие они, сегодняшние читатели?», «Любовь и война в «Новеллах цвета хаки» Николая Иванова». Но остановились на формулировке, связанной с одной из тем лекций: **«Автор, герой, читатель»** – чтобы никому не было обидно. И даже обрадовались: проблематика докладов легко вписывалась в триаду.

Юлия показывает на книжную выставку, где уютно устроились «Новеллы цвета хаки», и говорит о том, что их знакомство с автором состоялось 3 октября 2013 г., когда в Брянской областной научной универсальной библиотеке им. Ф.И. Тютчева поздравляли с юбилеем общественную писательскую организацию. Студенты слушали Н.Ф. Иванова, а потом стали задавать мне вопросы, на которые ответ... они должны были найти сами (для того и личное присутствие их было задумано мной и Ольгой Вячеславовной Константиновой, заведующей читальными залами БОНУБ им. Ф.И. Тютчева). Презентация же книги новелл самим автором 12 февраля 2014 года в этой же библиотеке укрепила уверенность в том, что погружение в чтение произведений БРЯНСКОГО писателя – *отсутствие чувства стыда за собственное незнание, но прежде всего умение быть доказательным в своём речевом поведении в различных жизненных ситуациях*: многие готовы проверить себя на прочность в области педагогики.

И началась интересная исследовательская работа: изучение творчества писателя через призму теоретических вопросов, которые выносятся на итоговую аттестацию (экзамен) 16 июня 2014 года. Вот когда порадуешься полному писем почтовому ящику, где находишь варианты выступлений, сюжетные рисунки к новеллам, презентации, вопросы о форме проведения

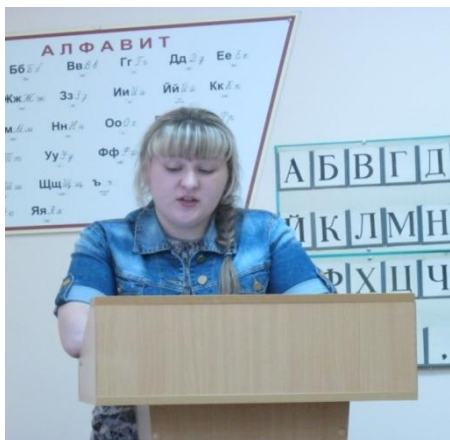
конференции и находки этих форм: турнир литературных героев, театр миниатюр (на примере ключевых слов и фраз из произведений писателя), литературный ринг, литературная гостиная писателя, литературная встреча, праздник встречи с новой книгой. Выбор пал на последнюю – новеллы Николая Фёдоровича прочитаны, но теперь они живут в одном художественном доме, именуемом КНИГОЙ.

На всех конференциях организаторам предоставляется Слово – получила его и я. Чем заинтересовать их сегодня, когда сказано уже о мотивации знакомства с автором и его творениями, вычитывании смыслов и прочтении произведений на подтексте, психологизме, приёмах сопоставления и контраста, об особенностях языка и стиля писателя?.. Когда книга получила имя – Дом Духа Иванова, я вспомнила об обращении «К читателю» автора рассказа «Учитель» Юрия Яковлева:

«Есть на свете дома, в которые приходят без приглашения. Приходят, как говорится, на огонёк, – когда грустно и одиноко. Творчество писателя – такой дом. Мой дом – мои книги, а мои герои – люди, ради которых читатель переступает порог моего дома. Мои книги – не только мой дом, но и моя душа. Всё, что я пережил, перестрадал сам, – всё это оставило след в моём творчестве. И пусть тебя не удивит, что и эта книга в какой-то степени обо мне самом. Я незримо присутствую в каждом рассказе, в мыслях и чувствах моих героев – мои мысли и чувства. Они сокровенные, но я открыл их тебе. Может быть, они помогут тебе в жизни. И на прощание мне хочется сказать тебе: вспоминай мой дом, моих друзей, а когда тебе станет грустно, постучи в мою дверь».

Эти слова прозвучали для моих юных коллег как поздравление в профессиональный праздник, поэтому знали, кому они принадлежат. Приём активного слушания развивает фонематический слух. Но что очень важно – ребята слышат друг друга и, что ещё важнее, могут услышать и других людей нашей необъятной планеты. Понимают, что кровь, пролитая на землю, никогда не делает её плодородной. Кто-то из студентов отметил, что это обращение «подходит» к творчеству нашего автора.

Все ждут выступлений.

«Автор как основа единства и целостности литературного произведения» (на примере новеллы Н.Ф. Иванова «Помяни, Господи...»).

Тему рассматривает **Анна Кулиненко**.

«Гремел салют – в память. Шла молитва – за упокой. И кружил в небе аист. Высоко – там, где теперь парили успокоенные наконец-то солдатские души. Которым не нужны уже были ни бирки, ни метки, ни нацарапанные ножом имена... Аминь!»

Новелла Николая Фёдоровича Иванова «Помяни, Господи...» – молебен, где священник поминает неизвестных солдат, погибших в первую Чеченскую кампанию. Пока звучит молитва, «седые, не по возрасту старенькие, словно умершие вместе с пропавшими сыновьями, родители», переходя от могилы к могиле, ищут своих детей, ищут «Неизвестного солдата».

В этом произведении Н.Ф. Иванов показал и чувства родителей, убитых горем, но не потерявших надежду найти могилу своего сына-солдата, и отношение государства к героически погибшим, но похороненным «подальше от телекамер, политиков, любопытных и туристов».

*Всю суть произведения нам раскрывает он – **Николай Фёдорович Иванов** – автор, с которым мы имели честь познакомиться и слушать его как писателя, гражданина России. Какой он в этом произведении? Предлагаю своё исследование.*

Повествование текста идёт извне. Автор, как бы наблюдая со стороны, описывает происходящие действия:

«Священник крестил красные звёзды.

<... >

Хоронили погибших.

<... >

И лежали потом нераспознанными останками в ледяных рефрижераторах Ростовской военной лаборатории. Под номерами. Долго лежали. Годами. Получилось – до окончания века. Двадцатого. Их, в большинстве своём тоже двадцатилетних, могли, готовы были забрать матери, не дождавшиеся своих сыновей после войны – не выдавали. Не положено известным отдавать неизвестных».

Автор не называет себя (не персонифицируется), поэтому можно судить о повествовании от 3 лица – а это Erform («эрформ» – «объективное» повествование):

«А еще научились, говорят, определять родство по ДНК и анализу крови. Всё бы хорошо, да только у некоторых погибших даже кровь выгорала. Дотла, оставляя от человека лишь горсточку пепла. Поди узнай по ней, кто ты, солдат? Чей? Какого роду-племени, полка-дивизии?..»

<... >

Отцы ещё держались.

<... >

И только матери, небесные русские женщины, бросались от ямы к яме... Падали, обессиленные, там, где подгибались ноги. А может, как раз у своего? Или всё же там, через одного? Через два? Они доползут, только скажите...»

В тексте проявляется авторский голос, авторская оценка изображаемого:

«Да только уходившие первыми в Чечню полки и бригады менее всего думали о котелках и кашах... <... > в том аду, что испытали вошедшие в Грозный войска, плавилась и котелки... Тут царапай не царапай, всё равно ничего не выгадали бы солдатики. И с медальонами полная промашка вышла: полвека после Великой Отечественной тыловики занимались всем, чем угодно, только не возможностью сохранить имя солдата. Так и не

придумали для идущих на войну медальоны. Думали – мелочь. Или ленились. А скорее всего, просто не верили, что понадобятся.

<...>

Так и хоронили. За счёт государства – но подешевле. Геройски погибших – но подальше от телекамер, политиков, любопытных и туристов. В Подмоскowie, на сельском кладбище».

Автор проявляется в повествовании, в сюжете и композиции, в организации художественного времени и пространства, в предъявлении пейзажа и портрета – во многом другом, вплоть до выбора средств малой образности».

Аня рассказала о многоликости понятия «автор»: *erform* («эрформ»), или «объективное» повествование, включающее три разновидности (в зависимости от того, насколько ощутимо в них «присутствие» автора или персонажей). *Собственно авторское повествование*, его субъективность, личностное начало проявляют себя в оценке того, что автор предъявляет нам. *Не собственно-авторское повествование* мы наблюдаем через речь повествователя, а это признак того, что субъект речи один – повествователь, который «в принципе всеведущ и вездесущ» (Б.О. Корман).

«Не за себя молю, за звёзды красные!»

– равнодушно прочтение

новеллы **Анной**

Родиковой эмоционально оказалось
очень сильным:

«Священник крестил «красные звёзды», могилки без имени, одинаковые по размеру, как близнецы. Да только в каждой из них чья-то жизнь, одна на другую не похожая, полная надежд и планов на будущее. Я уверена, даже во время боевых

действий наверняка каждый солдат перед сном представлял: «Вот приду домой и...». Не пришел...

Солдатской толпой уходили наши ребята на войну (желая того или нет) за родных, за Родину, за веру. Так же и возвращались, всё той же неизвестной толпой, но уже в гробах. Мало прожили, а сколько всего успели сделать! Стало быть, не зря умирали наши солдаты, глупо – но не зря: «Потому что вроде остановили заразу, поползшую по стране» (Н. Иванов).

А кто о родителях теперь побеспокоится? Родили – вырастили – похоронили... Вся жизнь в трёх словах вместилась, а о пользе этой жизни за целый век не пересказать. Такая уж доля на жизнь их детей выпала, и сетовать бессмысленно. Вот бы только сына своего среди сотен неизвестных найти, чтобы наверняка знать, куда веночек скромный да мысли свои тревожные приносить. Поближе к сыну, поближе к своей кровиночке.

Винить некого, так уж судьба распорядилась, значит, так и было велено свыше. Горе на всех общее, вот и могила одна – общая. Бог глупостей не делает и всегда посылает нам только те препятствия, которые мы можем преодолеть, укрепив притом свою веру. Важно – не забывать наших неизвестных героев, спасших некогда Родину, будь то во время Великой Отечественной, Афганской войны или Чеченской кампании, и передавать нашу память о них от поколения к поколению. Наверняка слышит Бог на всей нашей великой славянской земле тихие молитвы родителей, так несправедливо потерявших своих детей.

Гремел салют – в память.

Шла молитва – не за упокой (простите, что перечу автору), ведь они живы, живы в наших сердцах и памяти, а это самое главное!

Шла молитва – за звёзды красные...»

Только тяжелые вздохи и наворачнувшиеся слёзы разрезают глубокую тишину. В душах наших юных исследователей литературы настоящий катарсис. Но не завершить разговор нельзя.

Обращаю внимание участников конференции, что высокая художественная проза именно так должна воздействовать на читателя. Делюсь своими находками в области прозаической строфы на примере данной новеллы как смыслообразующей составляющей.

Прозаическая строфа – это группа тесно взаимосвязанных по смыслу и синтаксически предложений, выражающих более полное по сравнению с отдельным предложением развитие фабулы. Со смысловой стороны прозаическая строфа характеризуется единством мысли, высказывания, темы. Тесному смысловому единству строфы соответствует единство синтаксическое, обладающее такой важной характеристикой, как модальность – отношение автора к тому, о чём он пишет. Структура прозаической строфы включает в себя *зачин* (тезис), *основную часть* и *заключение*.

В новелле Николая Иванова «Помяни, Господи...» находим эти строфы, сочетающиеся удивительным образом:

Первая строфа

1. *Зачин.*

Священник крестил красные звёзды.

2. *Основная часть.*

Они были одинаковыми, под трафарет вырезанными, как одинаковыми оказались и серебристые пирамидки, названные в сельской кустарной мастерской памятниками. И таблички, без разбору приваренные местным сварщиком дядей Сашей, тоже были для всех одни и те же: «Неизвестный солдат».

3. *Заключение.*

Хоронили погибших.

Вторая строфа

1. *Зачин.*

Хоронили погибших.

2. *Основная часть.*

Не из ржавых ржевских болот или бескрайних брянских буреломов предавались земле останки ратников-бойцов-воинов образца 1941 – 45г.г. С круч крутых кавказских вывезены воины-

солдатики-мальчишки, но уже рождения конца XX века. И не найденные следопытами, а отданные для захоронения медиками и прокуратурой. Без имен и фамилий. Безымянными. А потому – вроде как бы ничьими...

3. Заключение.

А всего-то и нужна была самая малость, чтобы миновала их подобная участь – останься от человека хоть какая-то зацепка.

В первых двух прозаических строфах, расположенных рядом, заключительная часть становится зачином.

Третья строфа

1. Зачин.

- Храни вас Господь, - крестил звёзды, людей, небо с кружащим в вышине аистом, свежие могилы местный священник.

2. Основная часть.

Автобусы Министерства обороны привезли седых, не по возрасту стареньких, словно умерших вместе с пропавшими сыновьями, родителей. Тех, кто не нашёл своих детей ни среди живых, ни среди мертвых, ни в списках пленных, ни в холодных ростовских камерах. А «пропавшие без вести» – они могут быть и среди любого «Неизвестного солдата».

3. Заключение.

Верьте, что своего. Надейтесь, что где-то здесь...

Четвёртая строфа

1. Зачин.

- Помяни, Господи, здесь лежащих...

2. Основная часть.

Продолжал ходить священник вдоль новеньких, выровненных, словно солдатики в строю, могил: на Руси они никогда не переводились – воины и священники. Читал громко, нараспев, словно с высоким небом разговаривал. – Помяни и тех, кого мы не помянули из-за множества имен. Или кого забыли. Или чьи подвиги не знаем. Но ты, Господи, знаешь всех защитников России и помяни каждого. И вознеси их в селение праведных.

3. Заключение.

Гремел салют – в память.
Шла молитва – за упокой.

Пятая строфа

1. Зачин.

Гремел салют – в память.
Шла молитва – за упокой.

2. Основная часть.

И кружил в небе аист. Высоко – там, где теперь парили и успокоенные наконец-то солдатские души. Которым не нужны уже были ни бирки, ни метки, ни нацарапанные ножом имена...

3. Заключение.

- Аминь!

В последних строфах, как и в самом начале, заключение превращается в зачин. Это свидетельство определённого ритма прозы, как строевой шаг, как гармония полной жизни.

С позиции **формы** и **содержания** литературного произведения **Дарья Стешкова** рассмотрела *«Небожителей»*.

В начале выступления – традиционное изложение темы (на снимке Даша улыбается потому, что смогла себя почувствовать исследователем и точно представить все составляющие своего доклада): *содержание* – всегда сплав изображаемого и выраженного писателем; жизнь, понятая автором и соотнесённая с его представлением об идеале прекрасного. Неотделимое условие существования текста включает *тему, идею, коллизии, сюжет, фабулу, жанр, композиция, ритм, стиль, тропы.*

«Сюжет «Небожителей» построен концентрически – на основе принципа развития действия, связи эпизодов, от особенностей завязки и развязки. Здесь преобладают причинно-следственные связи между событиями. Такие сюжеты

отличаются единством действия: писатель исследует какую-либо одну конфликтную ситуацию. Все эпизоды как бы стягиваются в один узел, подчиняясь логике основного конфликта: **a** , следовательно, **b** , следовательно, **c** ... следовательно, **x** ($a \rightarrow b \rightarrow c \rightarrow \dots \rightarrow x$), где **a**, **b**, **c**, **x** – события, из которых складывается **концентрический** сюжет.

Все части произведения основаны на ясно выраженных конфликтах, однако хронологические связи между ними могут быть нарушены: в **концентрическом** сюжете на первый план выдвигается какая-то одна жизненная ситуация, в данном случае – это ситуация с Костей, и произведение строится на одной событийной линии.

Схему концентрического сюжета в новелле я увидела следующим образом:

ЭКСПОЗИЦИЯ:

«За меня Серёга остался... Я с Глебкой! <... > Ничего у сержанта с командиром не получится при всём их желании.

- Без вас, сказали, не возвращаться.

Вот кто может быть хуже тёщи, так это посыльный в первый день отпуска».

ЗАВЯЗКА:

«Костя лежал в какой-то вонючей канаве, упираясь затылком в рванный край трубы. <... > Кап-кап... Вода, словно метроном, задаёт ритм на движение. <... > Всё это для худшего развития событий – штурма школы, когда каждая секунда будет стоить чьих-то жизней».

РАЗВИТИЕ ДЕЙСТВИЯ:

«Поджав, для их же спасения, пальцы в ботинке, Костя приподнял над канавкой его носок. Пошевелил ногой, привлекая внимание стрелка...»

КУЛЬМИНАЦИЯ:

«Мама тоже увидела его, бросилась к экрану. Пламя на свече от порыва воздуха пригнулось, сил обратно распрямиться ему не хватило, и оно свернулось в яркую точку на фитильке. Изображение размыла бело-синяя струйка дыма. И хотя они вдвоём принялись

разгонять завесу, лицо папы оказалось закопчено. Он поминутно оглядывался, словно оставил кого-то в пожаре, и едва у него перехватили девочку, посмотрел из телевизора на Глебку и ринулся обратно в клубящееся месиво из чёрно-белого дыма и красного огня. Он не гас, как у свечи, а едва отец скрылся в школе, сверху рухнула балка, подняв от восторга миллион огненных брызг. Мама, только что державшая Глеба, вдруг обмякла и рухнула на пол, разметав боевой танковый порядок.

- Бабушка! - закричал Глебка, теперь уже сам закрывая глаза от страха.

Рухнувшая балка зацепила, сбила Костю с ног, заставив упасть грудью на битое стекло. В спортзале продолжались крики, но он, подхватившись, нырнул в столовую, к котлам. Обжигаясь, принялся сбрасывать с крышки горящие доски, и в этот момент раздалась, наконец, так долго ожидаемая очередь. В спину».

РАЗВЯЗКА:

«Милиционеры, кутаясь в плащ-накидки, старались до темноты опоясать бело-красной строительной лентой место трагедии – утром искать сапёрам и следователям неразорвавшиеся боеприпасы и улики. Любопытных не было, вокруг школы бродили лишь чёрные седые тени, оставшиеся от обезумевших людей. <... > Мальчик, со страхом оглядывая плачущие чёрными подтёками стены, показал сначала на столовую, а там – на огромный котёл с некогда красной, а теперь почерневшей от огня и дыма надписью на круглом лбу: «1-е блюдо».

- Ты там прятался? Внутри? – понял отец.

Мальчик закивал головой, но пальчиком продолжал тыкать на крышку, заваленную брёвнами. Отец с милиционером отбросили их, с усилием приподняли крышку и тут же торопливо отбросили её в сторону: внутри котла лежал окровавленный спецназовец, и с первого взгляда было не понять, живой он или мёртвый...»

Содержание (о чём?) – произведение о мужестве и храбрости, о добре и зле, о любви родителей к детям и детей к родителям, о сострадании и жертвенности, о подвиге, совершаемом во имя жизни.

Форма (как?) – особый стиль автора, множество тропов, композиция. Речь автора сменяется диалогом. Мысли главного героя обращены к самому себе: «Лежать, я сказал, - прошептал Костя...». Смена событий, введение новых персонажей (служачие, девочка, Азамат и т.д.), отражение характеров персонажей. Описание реакций пришедших на звонок тещи служащих. Подробное описание медленного продвижения Кости. Художественные средства:

эллипс, сжатость речи, умолчание: «Машина внизу» – «А хоть в лифте! Хоть самолёт»;

эпитеты: «блудливые руки», «тревожный чемоданчик», «плохих дядек», «вонючей канаве», «тухлая вода», «железное правило», «тревожный сон», «красный шарик» и др.;

ирония: «Пап, а правда, что за вторником идет сразу сентябрь? - *Сегодня он как раз пришел*, Глебка. Играй»; «Когда продырявит голову, результат гадания объявлять, к сожалению, будет некому. Лучше потренироваться на ноге, их, в отличие от головы, хотя бы две...»;

метафора: «В коробке для пуговиц *барыней* лежит шоколадная конфета»;

сравнение: «Лишить родительских прав и посадить! – чиновница из управы *взмахнула* руками, фокусником выпуская из-под широких рукавов кардигана стайку журналистов. Те, *словно клювиками*, защёлкали фотоаппаратами»; «Ни теща, ни чиновница в посторонних оказаться не желали, но лейтенант грудью и *распахнутыми* руками, *как ковшом бульдозера*, выгреб всех в узкий дверной проём»;

риторический вопрос: «Как же дети в такой жаре и тесноте спортзала?»; «Как там шар на дереве, держится?»; Интересно, они хоть раз соберутся в небесное воинство, чтобы всей белой ратью налететь на врага?»

риторический вопрос, метафора: «У них со стрелком будет не более двух секунд на двоих. *Кто кого? Нырнуть рыбкой или вильнуть ласточкой* ...»;

олицетворение шара – как символа того, что надежда на победу есть: «Держись, дорогой, не сдувайся. И не улетай. В небе и так сейчас тесно от собравшихся ангелов»; олицетворение потухшей свечи – как смерти: «Пламя на свече от порыва воздуха пригнулось, сил обратно распрямиться ему не хватило, и оно свернулось в яркую точку на фитильке»;

внесценический персонаж, не участвующий в основном действии, – Серёга; главный герой – Костя, персонажи – Глебка, жена, тёща, Азамат, эпизодические – милиционер, сержантик, отец Азамата, чиновница из управы, старший лейтенант и др. Участником событий (очень важная деталь) является и праздничный воздушный шар: «А на дереве, почти над головой, висит вырвавшийся из плена, но зацепившийся за ветку праздничный воздушный шарик. Ему, как и трагедии, три дня. На солнце никнет, воздух, как жизнь, уходит из него...»

риторическое обращение: «Это тебе, папа. Возьми. Я её только немного надкусил. Только хвостик. Но она ведь всё равно долетит до тебя, да? Возьми. И хотя меня спас чужой дядя, ты всё равно вернись обратно».

*Тема – терроризм. Проблемная направленность завуалирована в названии. Автор не назвал новеллу «Убийцы» или «Жестокость», «Спасти любой ценой» – «Небожители» ... высоко и так точно. Встречаются здесь и другие тематические линии: *отвага и мужество, сын и отец.* В этом тоже идейность. Костя и Азамат, спасение и благодарность... тонкие, но уловимые идеи автора».*

Идея – все написанные Н.Ф. Ивановым произведения, эпитафия к книге «Новеллы цвета хаки»: «Не выстрелы пою, а тех, кто шёл под пулями. Не войне поклоняюсь, а тем, кто не прятался от неё. Русскому солдату».

Здесь уместно изречение Максима Горького: «Автор изображает жизненную картину так, что читатель понимает, где подвиг и где зло. Нужно читать и уважать только те книги, которые учат понимать смысл жизни, понимать желания людей и истинные мотивы их поступков».

Выступление Дарьи – прелюдия к рассмотрению темы **«Психологизм как литературоведческое понятие и его отражение в произведении «Небожители»**, по-особому предьявленной (словесно и графически) **Антониной Филиной**:

*«Психологизм – (от греч. *psyche* – душа и *logos* – понятие, слово) – способ изображения душевной жизни человека в произведении:*

воссоздание внутренней жизни персонажа, её динамики, смены душевных состояний, анализ свойств личности героя.

*Николай Иванов мастерски раскрывает характеры героев, не говоря ничего лишнего, и порой всего в нескольких предложениях изображает нам внутренний мир персонажей. Писатель использует различные формы психологизма: в сцене с приходом тёщи – **косвенную** («...торопливо сбросив с ноги сапожок, допрыгала на ней, босой, до двери в детскую комнату. И спустилась по косяку, освобождая грудь от сдавившей кофты...») и **прямую** («Вот оно, воспитание. Вот оно, – теща призывала всех в свидетели, указывая и на прибитую к стене соску. – Это он так отучает от неё дочь. Ещё вымерял расстояние до рта, чтобы не на вырост! Солдафон!»).*

Уже из этого небольшого фрагмента читатель понимает, что тёща очень любит своего внука и беспокоится о нём, но зятем, его влиянием на семью недовольна, не очень хорошо к нему относится и не одобряет его профессии до тех пор, пока... не происходит самое страшное.

«Спина загорелась от жгучего солнца и ожидания выстрела. Самое паскудное, что он раздастся, ему некуда деться: пуля для того и льётся, чтобы останавливать всё, что движется. Хотя Костя не движется, он миллиметрами подтягивает себя к забору. <... > Как там шар на дереве, держится? Держись, дорогой, не сдувайся. И не улетай. В небе и так сейчас тесно от собравшихся ангелов.

Интересно, они хоть раз соберутся в небесное воинство, чтобы всей белой ратью налететь на врага? Почему сверху налетает только вороньё?»

В данной сцене через мысли главного героя мы понимаем его волнение, огромную ответственность, возложенную на плечи приказом и принятую им, решительность спасти детей – несмотря ни на что. Но даже в этой ситуации он подмечает праздничный шар – единственное, что осталось от праздника. С одной стороны, шар, будто в насмешку, напоминает о светлых днях, но с другой – даёт надежду на то, что скоро всё закончится, а он будет здесь по праву».

Антонина рассказала о приёмах психологического изображения – анализе и самоанализе. С их помощью сложные душевные состояния героев раскладываются на части, тем самым становятся понятными читателю. Психологический анализ применяется в повествовании от третьего лица, самоанализ – как от первого, так и от третьего.

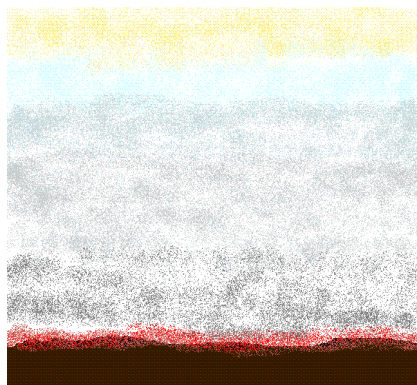
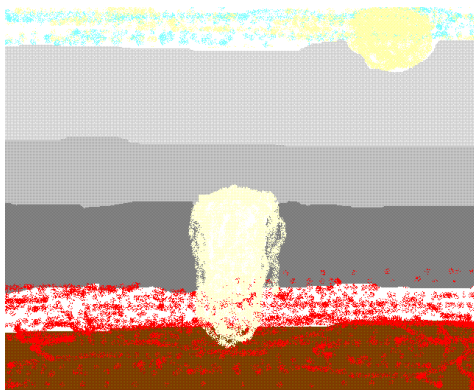
У Антонины Филиной психологизм передан в рисунках, выполненных по прочтении и осмыслении новелл.

«Это тебе, папа. Возьми. Я её только немного надкусил. Только хвостик. Но она ведь всё равно долетит до тебя, да? Возьми. И хотя меня спас чужой дядя, ты всё равно вернись обратно», – каждое слово прочитывается с паузой, голос переходит на шёпот... спазмы... слёзы.

«**Это тебе, папа**» – докладчик повторяет обращение за кадром: лицо закрыто рисунком; конфета – яркое пятно, связь между дорогими людьми, надежда на то, что отец слышит его, а Глебка всего в нескольких словах выражает свою любовь, нежность к отцу и великую детскую уверенность, что тот к нему вернётся. Этой веры полны и читатели.

А эти рисунки – графическое восприятие Тоней «Золотистого золотого», они были представлены вместе с рисунками Алёны Кисенко.

На слайде ведущих конференцию высказывание А.Б. Есина: *«В психологизме один из секретов долгой исторической жизни литературы прошлого: говоря о душе человека, она говорит с каждым читателем о нём самом».*

Объявляется **Минута молчания**.

Свой долг читателя выполнила **и Алёна Кисенко**. Включив творческое воображение, студентка по-своему интерпретировала содержание:

«Прежде чем поделиться своим исследованием, я бы хотела сказать несколько вступительных слов.

Знакомство с Николаем Фёдоровичем Ивановым для меня не прошло бесследно. Об этом я могу судить спустя несколько месяцев. Если сказать, какой он человек, то, поверьте, вы услышите очень много добрых и искренних слов о нашем писателе. Произведения его, за какое ни возьмись, душу

трогают, попадают маленькой острой стрелой прямо в самое сердце, и чувствуешь: что-то ёкнуло, задело, зацепило...

Есть люди, которым легче выразить свои чувства и эмоции в словах, но, к счастью это или к сожалению, я отношусь к визуалам – тем, кому краски, кисти и карандаши всегда помогают выразить то, что поселяется в сердце.

Я незнакома ещё со многими произведениями Николая Иванова, но мне повезло: сколько историй и событий, героев, чувств ждут меня в каждом из непрочитанных произведений. Но те, с которыми я уже знакома, стали моими. Каждое из них я не просто читала – я старалась быть внимательным читателем, чтобы понять суть, замыслы и идеи автора. И всё, что прошло через меня, вылилось на чистые листы бумаги в виде небольших картин – иллюстраций. Так и родилась моя маленькая Художественная галерея по произведениям Н.Ф. Иванова.

Я предлагаю вашему вниманию собственное восприятие новелл через цветовую гамму и хочу узнать, что вы чувствуете, когда видите мои рисунки. Какие эмоции возникают, каким становится ваше эмоциональное состояние?..

Алёна – талантливый читатель-иллюстратор. Близко к сердцу приняла образ автора и героя в «Новеллах цвета хаки» и поделилась своими рисунками в порядке их создания:

«Иллюстрация к новелле «Золотистый золотой»

Я вижу двух женщин: до и после трагедии. Они слились в одно целое, как Ин и Ян: две противоположности, которые борются в одной хрупкой женщине.

Первая женщина, до того как её единственный, любимый, родной сын ушёл на войну, была счастлива. Для каждой женщины счастье в том, чтобы все те, кого она любит, были рядом, а она охраняла их и оберегала, ведь женщина – хранительница домашнего очага.

***Солнышко** – символ семьи, любви, добра и света, счастья, домашнего благополучия – то, к чему стремятся все люди; **голубое небо** – гармония, душевное равновесие, спокойствие, надежда на то, что все мечты сбудутся.*

Женщина молода и красива, она расцветает только тогда, когда её дорогие люди живы, здоровы и счастливы. Её смысл жизни – сын Женька, он жив и здоров, рядом с ней, ему ничто не угрожает.

Вторая женщина – старуха – после смерти сына, после всех её мучений, которые перенесла, чтобы найти свою кровиночку после зверских над ним издевательств нелюдей – бездушных тварей, бородачей. Они обезглавили ее сына... разбросали... пришлось искать, чтобы соединить...

***Чёрные тучи** – символы смерти, горя и ужаса, которые перенесла мать. Никто не поймёт той боли, которую чувствует она, когда теряет навсегда дитя своё. И всё равно мы помогаем ей пережить боль и страдания, когда читаем о Женьке, Евгении Родионове, когда ставим свечу за упокой, когда сопереживаем.*

***Дождь** – море слёз, которые она пролила, и будет проливать долгие годы свои. Но здесь есть место поклонения герою, слёзы несут в себе память о нём. Это слёзы Божией матери за убиенного.*

***Гром и молнии** – то, что в сердце матери: нет смысла жизни, некуда возвращаться. Некому её ждать. Ради чего жить? Ради кого? Мир рухнул в одночасье, все надежды и мечты исчезли. Никто не вернёт ей Женьку. Никакие богатства не заменят матери её дитя, никто больше не сможет вернуть в*

сердце покой и счастье... И всё-таки есть жизнеутверждающее начало: пока жива мать и любовь к сыну, «ОН ЖИВ!» – это не просто слова, это и наш выбор пути, наше нравственное становление.

Иллюстрация к новелле «Помяни, Господи...»

Время летит... а вслед за ним – память о погибших неизвестных парнях, которые уже никогда не вернутся к своим матерям и отцам...

Прошли годы, страшные события того времени канули в Лету.

Весна. Пение птиц. Тишина. Спокойствие. Природа в самом цвету и во всей красе... от событий того времени, кажется, уже не осталось ни следа, только памятник солдатам. Пирамидка. Как бы больно ни было от утраты, нужно верить в то, что безывестные герои сейчас находятся в лучшем мире – они там, на небесах, рядом с Богом...

Стоишь и смотришь, спрятавшись за стройную берёзку – (символ русского духа, человека, русской женщины-матери, символ невинности, чистоты...) и боишься нарушить эту гармонию.

Голубое небо – символ свободы, за которую отдали свои жизни солдаты, они погибли ради нас, чтобы нам жилось хорошо.

Лучики солнца, спускающиеся к самой земле как божья благодать, благословление и память. Ощущение, что природа слилась с душами погибших в одно единое – их нет физически, но они рядом: в дуновении ветра, в шелесте травы, в цветах, в лучах солнца... Теперь их души вольные, свободные, они живут рядом с нами, рядом со своими близкими и родными, они живут в их сердцах и памяти... И пока мы их помним, они бессмертны...

Иллюстрация к новелле «У синей реченьки...»

«Как она танцевала! <...> Вот только не танцует в кафе Надя...»

Произведение о любви и о войне, о чувствах мужчины и женщины, о благородном отношении к ней и верности. Я вижу женщину: не красавица, но хороша собой, женственная и элегантная, умная и

острая на язычок. И мудрая...

Худенькая и стройная – этим я хотела показать её силу духа, но и нужду в опоре, в крепком мужском плече, в поддержке и защите...

Розовый цвет – символ любви, которую излучает женщина, нежность, страсть, благородство; ей не страшны ни война, ни смерть. Женщина несёт в себе эту любовь, увлекает и интригует. В каких бы условиях и жизненных ситуациях ни находилась женщина, она подарит нежность, ласку, любовь тому, кто достоин этого.

Жёлтый цвет как символ дома, тепла, света, нежности, семьи – всего, чего так не хватало Надежде, пока она была на службе по контракту. Ради своей дочери и матери она

отправилась на эту войну, рискуя жизнью... Женщина – хранительница домашнего очага, и она на всё готова ради счастья родных ей людей.

*Почему автор решил, что смерть Надежды – лучшее завершение произведения? Почему так, а не иначе? **Я ожидала счастливого конца: Тигрыч и Надежда останутся вместе и проживут счастливую жизнь...** но, похоже, это только в сказках бывает. На войне совсем по-другому: **она не щадит ни женщин, ни детей, ни молодых – это реальность.** Но «надежда умирает последней...». Так и с нашей главной героиней: она жива в памяти тех, кто её любил и верил в неё... Вера, Надежда, Любовь... Задумайтесь над этими словами, это не только имена. Как они тесно связаны друг с другом и как уместны в этом произведении».*

На один из вопросов студентов: «За что мы ценим автора?» – предлагаю коллективный просмотр (в индивидуальном плане преподавателя есть раздел «Внеаудиторная работа») документального фильма «Брянская повесть», созданного по инициативе Александра Константиновича Смолко (уроженца Почепа Брянской области); режиссёр –Сергей Зайцев. Даю ссылку на сайт: [<http://fest.radonezh.ru/video/51657>]. И к следующему занятию Алёна принесла иллюстрацию к фильму. А вот и восприятие в словесной форме:

«Есть у нас на Брянщине такое место, куда может прийти любой человек, уставший путник, которому нужно собраться с мыслями, разобраться в себе, остаться наедине с природой. Туда может прийти каждая заблудшая душа – это небольшой охотничий домик в Почепе, построенный отцом Владимира Ляпина – лейтенанта, погибшего в Чечне, в Аргунском ущелье. Отец построил на болотах избушку, в которой рыбаки, охотники или просто уставший путник может остановиться и отдохнуть. Путь к этой избушке через труднопроходимую лесную и болотистую местность, словно путь к нашей памяти, нашим истокам, дающим духовные силы человеку.

Большая широкая река – символ жизни бурлящей, которая несёт тебя, и ты не знаешь, чего ждать, что случится в любую секунду. Течение, подхватив всё, что случилось (плохое и хорошее), несёт своим мощным потоком в прошлое, в память, тем самым даёт возможность жить дальше, что бы ни случилось.

Домик у реки как источник, где можно набраться духовного спокойствия и сил; *открытая дверь* – тебя примут, кем бы ты ни был, «открытое сердце людям»; *закат* как символ того, что всё плохое проходит, а за ним всегда рассвет; как знак: что бы ни случилось в жизни, хорошее время обязательно настанет, и на душе будет спокойствие и благодать.

Берег за рекой – то, что было там, когда-то. Не стоит смотреть всё время в прошлое, жить им, нужно жить настоящим, с надеждой на светлое будущее. Но в памяти хранить и помнить тех людей, которые ушли рано, отдав свои жизни за мирное и чистое небо над нашей головой.

Н. Иванов многое повидал за свои годы. Об этом говорит каждое из его произведений. Автор помнит тех, кого уже нет рядом, чтит их память. Думаю, что Николай Иванов очень хочет достучаться до сердец людей, помочь им раскрыться.

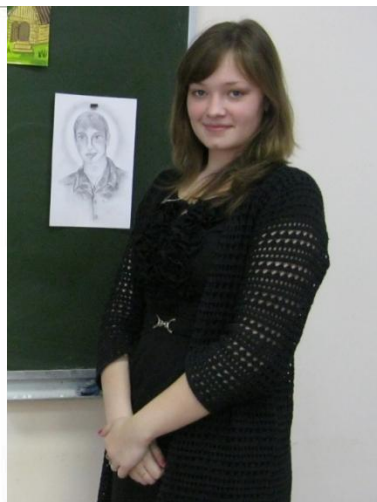
«Без прошлого нет настоящего, без настоящего нет будущего» – это Истина, которая нам известна давно. Помнить тех, кого уже нет рядом, – значит любить и ценить людей, ушедших рано. Они отдали свои жизни за мир на Земле, за чистое небо над головой, за то, что мы живём и за то, чтобы страшных деяний не повторилось. Мы должны хранить их в своей памяти и прививать будущему поколению чувства человечности, духовности.

Николай Фёдорович Иванов – живой пример именно такого человека!»

Реплика Ю. Бесполитой: «Простите, что врываюсь, но не могу промолчать. После просмотра фильма мне стало интересно, проходила ли его презентация в Брянске, когда она состоялась (студентам об этом я не говорила ничего). Нашла в новостях Брянска за 14 сентября 2013 г ода:

«Создатели фильма рассказали сотрудникам полиции о возникновении идеи фильма, о съёмочном процессе» [<http://bryansk.bezformata.ru/listnews/bryanskaya-povest/6615219/>].

Страшно думать, а ещё и поверить, что есть такие люди, у которых столько жестокости. Можно ли их назвать людьми?..

Карандашный рисунок Женьки Алёна Кисенко

Алёна продолжила выступление и призналась, что очень хотела нарисовать (не срисовать) портрет автора на чувственном уровне – по прочтении всех новелл. Рука не слушалась, не получалось, и вскоре она поняла, что из-под карандаша появляется лицо... Женьки – ещё одна работа нашего художника, иллюстрация к произведению **«Золотистый золотой»**: *«Женька – образ русского солдата-героя, который принял такую страшную смерть. Вот каким я его вижу.*

Рисунок карандашный и в оттенках одного цвета, но на этот раз я даю возможность вам самим свободно фантазировать, включить воображение, чтобы представить себе Женю Родионова. Вам решать, какого цвета его глаза, волосы, были ли у него на лице веснушки, как он улыбается. Да это не так уж и

важно. Важно то, каким он был Человеком! А он был Человеком с большой буквы!

*Женька – это не один парнишка, который погиб. Это тысячи наших парней, которые падали мёртвыми на чужую землю. Он не склонился перед бородачами, не снял крестика своего, подаренного матерью, не стал трусом, не упал на колени, моля о пощаде. Он знал, что вот-вот расстанется со своей жизнью, что больше не увидит своих родных отца и мать, ясного солнышка, чистого неба над головой. Да, он не совершил подвига, но ему в его юные годы пришлось повидать много. И он ушел достойно. **Достоинство и героизм** – слова-синонимы!*

*Николай Фёдорович в своём произведении создал образ **настоящего Русского солдата**, которой не преклонится под дулом автомата, и никогда не струсит.*

***Невидимый нимб над головой** – символ причастности Жени Родионова к лику святых. Как мученика».*

В 2013 году назад в Брянском художественном музее на юбилейной выставке картин Владимира Сергеевича Мурашко, члена правления Брянской организации ВОО «Союз художников России», мы увидели портрет великомученика Евгения.

Я попросила *Анастасию Цыганкову* (студентку 4 курса) сфотографировать и переслать по почте. В строчках её письма – гамма эмоций: светлое пятно на груди, где находился крестик; на портрете в музее мы этого не видели!

«Туда-сюда, движение...» – фраза, которую в новелле тяжело выделить интонационно: ни вставная конструкция, ни самостоятельная часть сложного предложения; больше похожа на парцелляцию, но по смыслу – взгляд военного на (простите мне это сравнение!) вшей, мерзкую копошащуюся массу, от которой...

И замерли от этого жеста боевики, а в первую очередь те, кто устанавливал на этом склоне мины. Надёжно устанавливал – для собственной же безопасности, туда-сюда, движение.

- Сейчас, сейчас взлетит, туда-сюда, движение.

Анна Родикова эмоциональный отклик на прослушанную новеллу назвала именно этой фразой автора: **«Туда-сюда, движение...»** – задала ему вопросы и ответила как функционально грамотная личность:

«А движение ради чего? Кому вдруг понадобилось, чтобы молодые, ни в чём не повинные солдаты толпами шли на войну? Кому – неизвестно, да только шли они на защиту Родины, православного креста, своих близких и родных. А те, в свою очередь, безмолвно ждали, ждали и боялись однажды вместо письма получить похоронку.

Когда я слушала новеллу в первый раз, мне представилась весьма противоречивая картина, жуткая по внешним описаниям, но светлая и теплая по внутренним ощущениям. Война, минное поле, повсюду боевики, готовые в любой момент устроить «фейерверк на растяжках». Здесь же безоружная мать. Зла в себе не таит, ей только б сына найти, живого или мёртвого. Готова идти в любую погоду (голодная, невыспавшаяся) под обстрелами своих и чужих. К сыну. Это и

есть русская Мать, с одной стороны, отважная и стойкая, с другой - бесконечно любящая, добрая, нежная.

«Господи, помоги! Дай мне силы дойти и отыскать... Потом забери всё, что пожелаешь: жизнь мою забери, душу, разум...» Сколько тоски, переживаний, мук в этих словах!.. Бездна, но вместе с ней великая Вера в добро и справедливость.

Ангелы спустятся с небес и доведут вас до конца, если путь ваш верен, а намерения добры и честны.

В этой новелле рассказывается о героизме и стойкости матерей, чьих детей забрала война. Как тяжело, наверное, когда не знаешь, сыт ли твой ребенок, не заболел ли. И даже мысли не допускаешь, что его, возможно, и в живых уж нет.

Лишь мать готова пойти на любые подвиги ради своего дитя, и нет на свете любви дороже и преданней, чем материнская любовь.

Вечная слава воинам, погибшим за Правду!

Вечная память матерям, ждавшим верно и преданно до конца...»

В эпическом произведении автор являет собой целый и законченный образ – «индивидуальную, словесно-речевую структуру, пронизывающую строй художественного произведения и определяющую взаимосвязь всех его элементов» (В.В. Виноградов). Единство авторских решений в единстве авторской личности и его взгляда на мир. А литературный герой (художественный образ человека, являющегося одновременно субъектом действия и объектом авторского исследования – С.П. Белокурова) в художественном произведении обычно олицетворяет то или иное общественно значимое с точки зрения автора явление. Это порой подчеркивается даже названием самого произведения: «Золотистый золотой», «Небожители», «Комбатанты», «Вера. Надежда. Война».

Светлана Голушкова по-своему проанализировала смысл названия новеллы Н.Ф. Иванова с точки зрения сочетаемости

имён существительных, два из которых можно рассматривать и как имена собственные – «Вера. Надежда. Война».

«Новеллу я перечитала несколько раз, чтобы понять, о чём она. Это оказалось не так уж просто. Прежде чем выделить тему и основную мысль, обращаюсь к значению тех заветных слов в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, которые мы видим в названии – «Вера. Надежда. Война».

Вера – «убежденность, глубокая уверенность в ком-нибудь (чём-нибудь); убежденность в существовании Бога, высших божественных сил; то же, что вероисповедание», **надежда** – «вера в возможность осуществления чего-нибудь радостного, благоприятного». И, наконец, **война** – «вооруженная борьба между государствами или народами, между классами внутри государства; (перен.) борьба, враждебные отношения с кем-нибудь, чем-нибудь».

*А если смотреть на эти слова через призму человеческого восприятия? Как можно связать Веру, Надежду и Войну? Война – это страх, ужас, унесённые жизни, горе. А Вера и Надежда – это две душевные силы, придающие солдатам уверенность. Они **верят** в победу, в отступление врагов. Они **надеются** на то, что останутся живы, что прекратится весь этот кошмар, связанный с режущей сердце старухой-войной; они надеются вернуться к тем, кто так горячо ждёт их живыми, вернуться в родной дом.*

*Итак, **тема и идея** новеллы – вера в победу, надежда на лучшее, на то, что войны не будет. Храни вас Господи, защитники Отечества!»*

Татьяна Костромина выбрала тему «Роль чтения в становлении и развитии личности. Чтение как важнейший элемент культуры, инструмент повышения интеллектуального и духовного потенциала нации, творческой и социальной активности личности». Погрузившись в чтение новеллы **«Контрольный выстрел»**, увидела духовный потенциал русской нации в двух блоках вопросов: в первом – для любимой

женщины мужчина готов на всё, лишь бы быть рядом, видеть, слышать, говорить:

Из-за меня, что ли? (записался в стрелковую секцию);

Нравлюсь, что ли? (на смотровой площадке Останкинской телебашни);

Не забудешь, что ли? (расставание... надолго и всерьёз);

Любишь, что ли? (перрон, с которого уезжать завтра в Москву).

Во втором блоке даже там, где у автора стоят восклицательные знаки, я бы поставила вопросительные», – произносит Таня, и мы понимаем, **о чём** нам говорит автор – Николай Фёдорович Иванов:

- Зачем ему открыли дверь?
- Неужели ничего случайного в этом мире нет, ведь располагались снимки на стенах, где в русских избах висят образа!?
- Зачем она полезла в политику!!!
- Кадри? Из эстонок только она стреляла так, чтобы стать снайпером. Но против своих? Впрочем, чеченцы тоже вроде свои...
- Она?
- Вашего возраста... Ну и что?
- Сейчас он увидит... Кого? Все же её? Какой?
- Сделал несколько шагов. К Кадри, своей Кадри... Или все же не к ней? Остановился.

Духовное становление личности осуществляется под воздействием слова писателя, которому дано назначение свыше:

«Да. Лучше не знать. Ему не надо идти туда, где, возможно, расстреляна в упор омовцами его первая любовь. Девочка, у которой однажды распахнулся халатик. А тем более он не имеет права делать из этого сенсации. И сколько раз в своей репортерской работе он не обращал на подобное никакого внимания! Гнал строку. Делал «контрольный выстрел». 100 рублей за абзац...»

Концовка новеллы потрясающая: мы слышим голос автора (повествование от первого лица), видим чёткую жизненную позицию и высокую гражданскую зрелость.

«...Я уволил его из агентства в тот же день, перечитав шквал сообщений о прибалтийском снайпере на сайтах наших конкурентов. Мне не нужен был толстый и ленивый корреспондент на острие событий – несмотря на то, что ему надо было достраивать дачу. Я не пожелал встречаться с ним по возвращении с войны, потому что отвечал за оперативность и достоверность информации и не имел права выслушивать оправдания своих подчиненных.

Однако к вечеру сам зашел к нашей лучшей стенографистке, написавшей заявление об уходе. Путаясь пальцами в кавказской вязаной шали, она попыталась рассказать о девочке Кадри и о том, что Москва лежит под ногами только в молодости и на Останкинской телебашне, а не когда смотрит наши новости, с этой самой телевизионной наркотической иглы распространяемые. И отказалась забирать заявление обратно.

Я ничего не стал менять в предыдущем приказе – просто издал новый. О назначении только что уволенного, самого толстого и неповоротливого репортёра на должность начальника отдела. Морали и права. Именно там дольше всего оставалось вакантное место, на которое никак не мог найти руководителя: очень боялся ошибиться в чём-то главном, коренном, основополагающем в журналистике...»

На слайде читаем высказывание В.В. Виноградова и ссылку, куда можно обратиться для более полного прочтения: *«В образе автора, как в фокусе, сходятся все структурные качества словесно-художественного целого»* [Виноградов В.В. О теории художественной речи. – М.: Высшая школа, 1971. – С. 211]; вспоминаем З.С. Смелкову: *«Талантливый читатель умеет соединить глубокое постижение авторской мысли со своими наблюдениями, ассоциациями. Умеет воспроизвести в своём воображении картины жизни, возникшие в воображении художника и запечатлённые в литературном произведении»* [Смелкова З.С.

Литература как вид искусства. Книга для учителя и учащихся. – М.: Флинта, Наука, 1997. – С. 43] и по цепочке (есть такой приём в обучении чтению первоклассников) предлагаем мудрые мысли нашего автора, который беседовал с нами долгое время:

«Золотистый золотой»

И продолжал стоять на коленях полк, словно отмаливал за всю Россию, за политиков, не сумевших остановить войну, муки и страдания всего лишь одной солдатской матери. Стоял за её Женьку, рядового золотистого воина-пограничника. За православный крестик, тайно надетый и прилюдно не снятый великим русским солдатом в этой страшной и непонятной бойне...

«Брянская повесть»

А ты не летай быстрее своего ангела ... Авось и тебе когда от людей в нужную минуту воздастся.

В армии всё красное несёт опасность.

Ангел-хранитель тебе крылышки подстелил.

«Небожители»

На чьих коленях сидим в детстве, те и становятся примером.

«У синей реченьки»

...Я русский офицер и никому не отдам ни своих погон, ни России, ни веры, ни любви.

Прямой и образный смысл русского слова не просто подсказывает нам путь следования по дорогам земли, но ещё и вселяет в нас веру в лучшее будущее для наших детей и внуков, для нас самих.

Самуил Яковлевич Маршак очень хорошо сказал **«О талантливом читателе»**:

«О нём говорят редко и мало. А между тем читатель – лицо незаменимое. Без него... все произведения Гомера, Данте, Шекспира, Гёте, Пушкина всего лишь немая и мёртвая груда бумаги. Время идёт, одно поколение сменяет другое, и каждое из них по-своему оценивает дошедшее до нас литературное наследство. И если прозаик или поэт сохраняет своё значение и

вес в течение веков, то это объясняется не тем, что он был однажды зачислен в ряды гениев и классиков или увековечен воздвигнутым в его честь монументом, а тем, что и новые поколения признают его ценным и нужным для жизни... Литературе так же нужны талантливые читатели, как и талантливые писатели. Именно на них, на этих талантливых, обладающих творческим воображением читателей, и рассчитывает автор, когда напрягает все свои душевные силы в поисках верного образа, верного поворота действия, верного слова. Художник-автор берёт на себя только часть работы. Остальное должен дополнить своим воображением художник-читатель».

Конференция подходит к своему логическому завершению, нужно подвести итоги и «сочинить» резолюцию. Молчаливые взгляды ждут. Как вместить всё, что заявлено темой конференции, как подвести итоги сказанного докладчиками и полученного от тех, кто не выступал, но оформил свои мысли?

Ощущение свободного полёта, или Письма читателей

Полученные по электронной почте, они как отражение бытия и духа современного читателя через призму авторского слова:

Виктория Афонаскина: «Свою Отчизну защищая, любовь нам словом прививает. Что ни рассказ – то для души. Пожар уже не потушить. Мы к автору теперь неравнодушны».

Анна Белова: «Новелла «Помяни, Господи» оставила неизгладимое впечатление о событиях, отражающих реальную историю тех прожитых, но никем не забытых дней в память о погибших».

Юлия Бесполитая: «В новелле «Тузы бубновые» автор создает иронический портрет в начале самого произведения, очень тонко сравнивающий людей, строящих историю, и людей, которые таковыми не являются».

Дарья Бутаева: И вслед за автором «Помяни, Господи...» летит моя мысль, обращённая к Богу:

Вернуть бы всех взлетевших в небеса...
Хоть на минутку, чтоб увидеть лица...

Мария Евстратова: «Содержание новеллы «Дела земные» вмещается в одно предложение: отчётливо и верно читаем авторскую мысль о том, на что идут политики ради денег и командиры ради своих солдат, а Суд Божий для всех впереди».

Анжела Завацкая: «Ни одно произведение мне не понравилось так, как «Золотистый золотой». Горжусь, что у нас в России есть такие матери. Эпитет «золотой» – личная оценка автора главным героям, а читателя – автору».

Кристина Зайцева: «Я очень тяжело воспринимаю такие моменты, когда говорят о войнах, о гибели людей. Но люди, которые перенесли войну или участвовали в ней, достойны уважения».

Юлия Зайцева: «В нашей жизни всегда есть место человеческому подвигу. И я с полной уверенностью могу сказать, что добро никогда не останется незамеченным. Мои слова относятся к «Небожителям». А к содержанию других новелл Н. Иванова? Несомненно».

Юлия Коваленко: «Помяни, Господи» – молебен, на котором я присутствую и благодарю Господа за новеллы Н.Ф. Иванова, где созданы условия нам, нынешней молодежи, для погружения в страдания, муки героев. И это надо пережить».

Юлия Левченко: «Война забрала многих солдат, оставила матерей сиротинками, а они не сдавались, ждали и верили, что вот он придёт, обнимет и скажет: «Мама, я живой!»

Екатерина Лёгинькая : «Честно? Многого не сказать... Нужно чувствовать содержание каждой новеллы... А чувства не так уж и легко выразить словами».

Виктория Малявко: «Мне понравилась конференция! Замечательные выступления! Когда Тоня в процессе чтения концовки новеллы заплакала, я вдруг поняла, что и по моим щекам текут слёзы... Алёна открыла свою душу под углом особого зрения. Счастлива, что познакомилась с таким автором, как Н. Иванов: читая его произведения, начинаешь задумывать о самых главных вопросах в нашей жизни».

Анастасия Науменко: «Очень тяжело осознавать, что большинство погибших солдат хоронили в общих могилах, безымянными... а некоторые и не были похоронены вовсе. Не дай нам Бог через всё это пройти, всё это прочувствовать».

Анастасия Пархомцева: «Неподготовленные к войне солдаты!.. Никакого чувства, кроме страха за них!»

Ольга Редина: «Мне очень грустно осознавать, что так много русских солдат были похоронены безымянными, хотя некоторым из них повезло еще меньше – они были обречены обратиться в прах непогребенными».

Мария Третьякова: «Контрольный выстрел - последний выстрел в жертву, добивающий, гарантирующий смерть. Но в данном произведении он имеет другое значение: «...дать такую аналитику с места события, после которой остальным журналистам там становилось делать нечего».

Ольга Шлома: «В своих новеллах автор передает нам те эмоции, которые, к счастью, мы не испытывали и, даст Бог, не испытаем никогда».

Кристина Юрченко: «И пока есть такие матери, как Любовь Васильевна Родионова, Россия может спать спокойно: у неё достойные защитники».

У **Анны Родиковой** во время конференции родились строки:

А что же всё-таки есть жизнь?
Вопрос сложнейший, как и век,
Но он всегда кричит: «Держись!
Ведь ты не робот – Человек!»
А кто творит твою судьбу?
Решает, сколько тебе жить?
Кто слышит слёзы и мольбу?
Советует, чем дорожить?
Ответ давным-давно готов,
Его не бойся ты прочесть:
Для всех у Господа – любовь,
Душевность, радость, совесть, честь!

Алёна Кисенко: «Отрадно то, что уже по первым словам девчонок в группе о конференции, я могу сказать, что мы сами от себя не ожидали того, что вместе можем многое. Спасибо всем!»

Работа проделана колоссальная. Будущие бакалавры по крупицам, сами того не ведая, собрали мощный литературный материал. Состоявшаяся конференция до сих пор «перед глазами». Выступление каждой девушки помню отчетливо. Их открытость, доброжелательность и искреннее отношение к общему делу, убеждена, надолго останется и в их памяти. Самостоятельный поиск информации, попытки понять смысл произведений – не это ли истинное удовольствие? Радуюсь полезному делу, проживанию счастливых моментов, когда душа и плакала, и пела.

Информация во время поиска летела ко мне почтовым голубем: у крестника обнаружила книгу «Поклонимся великим тем годам», подаренную членом редколлегии, главным

редактором Суземской районной газеты «Рассвет» Анатолием Ивановичем Третьяковым. Случайно ли? Конечно, нет!

«ПОД ЧЁРНЫМ КРЫЛОМ ВОЙНЫ» – глава книги, написанная Анной Григорьевной Ивановой (Зюкиной), партизанкой отряда имени Кагановича и имени Будённого, матерью нашего автора – Николая Фёдоровича Иванова. Для нас знаково то, что по окончании Комаричского педагогического училища Анна Григорьевна проработала учителем начальных классов. 42 года – пример, достойный подражания!

Мы благодарим писателя-земляка за возможность вести диалог на страницах книг, ждём новых встреч на Брянщине и от всего нашего большого студенческого братства поздравляем с ДНЁМ РОЖДЕНИЯ! Пусть сказанное нами будет для Вас, Николай Фёдорович, дорогим подарком, как для нас – Ваши книги.

Низкий Вам поклон, Николай Фёдорович!

Николай ИВАНОВ 20.06.14 09:37

Милые, дорогие земляки, девчонки. Необычайно тронут вашим прочтением моих книг. Совершенно неожиданное осмысление образов, необычное видение сюжета. Русской классической школе с такими будущими педагогами суждено выстоять! Спасибо, Нина Петровна, за Ваших учеников. Надеюсь, до скорой общей встречи на Брянщине.

Как ни странно, но вот таким сообществом – автор и читатель – встреча пока не состоялась. «Ещё не вечер», - скажем прямо: будущие учителя пока что бакалавры (заканчивают четвёртый курс), а презентация книги пройдёт в Клубе «ЧЕСТЬ ИМЕЮ!» накануне трагической памятной даты – 21 июня, где главными будут ставшие родными люди – мои коллеги и военный писатель, охраняющий мир, – Николай Фёдорович Иванов. Так или иначе, но события из книг автора, прочтение их студентками, графические представления заглавий, героев новелл подвели

меня однажды к той черте, где всё имеет большой смысл, только мы это анализируем после случившегося. Нам даются наставления Божии, но мы глухи, слепы и порой неразумны. Я имею в виду рисунки Алёны Кисенко и её словесные представления прочитанного – о матери Евгения Родионова, его подвиге, о желании нарисовать портрет автора, но так и ненаписанного.

О случившемся в жизни другой девушки вы, дорогие читатели, узнаете из «домашнего задания», полученного на семинаре драмы, идею которого предложил Николай Фёдорович Иванов, а я счастлива, что являюсь участником такого семинара. И пусть это не драма, согласно классическим канонам, но история с рисунками, гибелью молодого человека, известием, прилетевшим в наш посёлок, не давала мне покоя целый год.

А история такова: Борис купил себе мотоцикл и решил показать мастер-класс управления этим транспортным средством, но... не справился, перешёл... в небожители. Он лежал лицом к заходящему солнцу. Телефонные трели не давали покоя луговой траве... рядом с кладбищем... Но он не слышал ни тревоги любимой, ни причитаний матери.

События сплелись в одной косе, а лента чёрная легла дорогой боли. Всё соединило воображение. А потом родилась драма и вылилась на бумагу.

МОЯ БЕЛАЯ ЧАЙКА

Драма в 2 действиях

Действующие лица:

Настёна
Борис
Мама Настёны
Мама Бориса
Студенты

ДЕЙСТВИЕ I

Сцена 1

Комната Настёны. На её письменном столе икона Иисуса Христа в терновом венце и портрет любимого. В руках простой карандаш – Настёна каждый вечер записывает события прошедшего дня. Она смотрит на белый лист бумаги. Карандаш в её руке дрожит.

НАСТЁНА

Непредсказуем мир, и день на вечер
Не может быть похожим никогда.
А ночь темна, как шаль, легла на плечи.
Взойдёт ли вновь счастливая звезда?

Зажигает свечу и ставит перед иконой. Переводит взгляд на портрет.

Тебя давно со мною нет, любимый!
Но ощущение такое, что ты рядом.
Смотрю на фото – миг неповторимый!..
Ты мне позволишь прикоснуться взглядом
К тому, что было? Очень важно помнить,
Христу молиться и просить прощенья,
Чтоб смыслом без тебя мне жизнь наполнить...

МАТЬ НАСТЁНЫ

(из своей комнаты)

О Господи! Дай силы нам на всё!

Мать и дочь одновременно осеняют себя крестом. Настёна разворачивает сложенный вчетверо лист бумаги.

НАСТЁНА

Спасибо Вам, любимый педагог!
Кто, как не Вы, понять меня так смог?
Мир рухнул, и Земля тогда дрожала...
Как догадались? Слова не сказала,
Хранила втайне имя я своё.

Звучит стихотворение – голос за кадром.

БЕЛАЯ ЧАЙКА

Моя белая Чайка! Моя птица морская!
Я всегда с тобой рядом, где бы ты ни была.
Никогда не коснётся нас злоба людская,
Потому что у нас все четыре крыла.

Моя белая Чайка! Создание Бога!
Я люблю тебя сердцем на все времена.
От земли и до неба как песня дорога,
А два края её – наших букв имена.

Моя белая, чистая, светлая Птица!
Я теперь на тебя только сверху смотрю...
Знай и помни: с тобою никто не сравнится,
На закат не похожую Чудо-зарю.

НАСТЁНА

Помню имя своё – так назвал он однажды.
...С этим именем год я живу без него.

Сцена 2

Счастливые Настёна и Борис вспоминают день своего знакомства. Борису нравится называть Настёной свою любимую Настю.

БОРИС

Ты помнишь миг встречи, Настёна?

НАСТЁНА

(вопросом на вопрос)

Могу ли я это забыть?

БОРИС

Я был твоим взором спасённый.
«Дай, Господи, мне полюбить!» –

Такая вот мысль поселилась
В тоскующем сердце моём.

НАСТЁНА

Нам счастье двоим улыбнулось!

БОРИС

Мы здесь оказались вдвоём!

НАСТЁНА

Нас ангел сводил так умело...
И встреч всех коротких не счесть.

БОРИС

Но день был назначен. Несмело
Мы приняли добрую весть.

НАСТЁНА

Да мы обмануться боялись!
А голос шептал мне: «Иди!»

БОРИС

И взгляды в тот миг повстречались...

НАСТЁНА

Не думали, что впереди...

Сцена 3

Настёна – студентка педагогического факультета университета. Учится с удовольствием, много читает.

На экране компьютера текст новеллы «Золотистый золотой» Николая Иванова. На столе только что законченный рисунок, но краски ещё блестят, словно после дождя при заходящем солнце.

Звонок в дверь. Это Борис.

НАСТЁНА

О, как ты нужен мне в сию минуту!

БОРИС

Давай согрею руки... Что с тобой?

НАСТЁНА

Семью ветрами я была продута,
Пока держала кисть. Её судьбой
Восхищена, покорена и бита...

...Нет, я должна сначала всё начать.

БОРИС

Конечно, всё сначала! Расскажи-ка
Всё по порядку. Слушаю тебя.

НАСТЁНА

Когда прочла заглавие рассказа,
Подумала о солнечном луче!
И почему представилось мне сразу,
Что с группой прочитаем мы в уче...

Голос Настёны дрожит. Глаза, полные страха, ищут поддержки у Бориса.

БОРИС

В учебном заведении? Быть может...
Но у тебя готовый свой ответ!

Берёт в руки рисунок.

Я текста не читал...

Кто мне поможет? (*вопрос в пространство*)

Настёнушка, включи скорее свет.

Настёна выполняет просьбу.

БОРИС

Нет, милая, не верхний свет, настольный.

Всматривается в рисунок, переводит взгляд с одной половины на другую.

Не только жизни торжество...
Беда большая!
Моё стремление – скорее всё узнать.
Я должен прочитать в сию минуту...
Позволишь ли? Чтоб не была продута...
Я должен защитить, душа моя,
Тебя от боли, от таких волнений...

НАСТЁНА

Жизнь состоит из многих потрясений...

БОРИС

Чтобы понять, как дорога она?

НАСТЁНА

Я думаю, что так.

Говорит медленно и тихо.

О матери здесь речь:
О подвиге её – о погребенье сына,
О вызове, о чести, что беречь
Лишь смолоду...

Молчит несколько секунд и начинает очень быстро говорить:

Представь себе картину:
Косматый бородач диктует волю,
А мальчик, силой ввязанный в войну,
В одно мгновенье видит свою долю,
Но помнит, что воюет за страну...

Садится в кресло, набрасывает на себя плед.

Читай, читай! Мешать тебе не стану...

Наблюдает за Борисом.

БОРИС

Рисунок твой поставим, как икону –
За своевольность пусть Господь простит! –
Мы совершим обряд. А по закону
Христианин заветы Божьи чтит.

НАСТЁНА

Ты, Боря, прав! И я с тобой согласна!
Такое чтение не может быть напрасным,
Ведь автор сердцем этот текст писал...

Сцена 4

Показ рисунка женщины-матери на экране.

БОРИС

Над рисунком твоим долго думал, Настёна,
Приоткрылась мне вечная тайна её
(показывает на образ женщины):

Я увидел Россию, огнём опалённую
И под солнцем её золотое жнивье.

Образ женщины русской ни с чем не сравнится!
Я подумал о маме – поселилась тоска.

Смотрит на Настёну:

Этот воин, ты знаешь, все ночи мне снится,
И усталость под утро не снимает рука –
Рука Господа, я ведь усердно молился
И просил повернуть все события вспять.
О себе долго думал: для чего я родился?
И сейчас моё сердце очень трудно унять.

НАСТЁНА

Пытаясь рассеять мрак нависший.

Я тебя успокою. Хочешь, песню спою?

БОРИС

Погружён в себя. Он не слышит Настёны.

Помню взрослых беседу, что чего-то я стою.

Но всегда почему-то у судьбы на краю.

НАСТЁНА

Хочешь, прямо скажу?

Пытается улыбнуться.

Ты, как пламя горяч, а душа золотая.

Да и имя твоё достаёт до небес.

БОРИС

Хочет того же, что и Настёна, – улыбнуться.

Мой великий художник,

Судьбу мне пророчишь?

НАСТЁНА

Улыбается.

Не боишься судьбы? Ты узнать её хочешь?

БОРИС

Улыбается в ответ.

От любимой?! Хочу! Не томи предсказаньем!

НАСТЁНА

Все святого, ты знаешь, зовут страстотерпцем,

Сын Владимира верил другим, как себе,

Русь святую любил всей душою и сердцем,

Воспротивился злу в своей горькой судьбе.

Как бессмысленна власть, межусобные войны,
Распри, ненависть – в этом ли смысл?
Те, кто верит в любовь, почитанья достойны,
А венец страстотерпца как главная мысль.

БОРИС

Миротворец великий, добрый мой Покровитель!
А ты знаешь, Настёна, уже десять веков
Он судьбы моей самый честной Управитель.
На роду так написано...
Кто я таков?..

Реплика:

*1015 –год убийства Бориса и Глеба, младших сыновей князя
Владимира. А за окном Бориса и Настёны – 2015 год.*

Сцена 5

*Последнее занятие по литературе. Студенты в ожидании
продуктивного диалога.*

*На доске – работы Настёны. Кроме одной. Она держит её в
руках.*

НАСТЁНА

Коллеги милые, надёжные друзья!
Мне страшно говорить!
Не рассказать... нельзя.
Со мной ещё такого не бывало,
Хотя живу на этом свете мало.

СТУДЕНТЫ

1-й голос

Да не томи, Настёна! Понимаем.

2-й голос

И мы тебя всецело принимаем.

3-й голос

Мы твой талант увидели в прочтенье
Таких новелл!

4-й голос

Художник ты...

5-й голос

Ты в поиске решения проблем!..

НАСТЁНА

Переворачивает лист бумаги, держит его на вытянутых руках впереди себя, чтобы сохранить спокойствие, которого нет с тех самых пор, как изображение легло на белое поле листа.

К листу бумаги тянется рука,
И карандаш простой не знает скуки.
Прямых наклонных – целая река,
С изгибом – чтобы не было разлуки.

Хочу портрет по памяти создать,
Я к автору – с особенным почтеньем,
В его душевности – земная благодать.
А сердце моё – в трепетном волненье:
Стирает ластик линий череду,
Бросаю на бумагу – не выходит
Задуманный портрет.
Я как в бреду...
Кто мной руководит?
Иль верховодит?
О нет! А к образу того,
Кто стал святым,
Причислен к лику вечных –
Я не готова рисовать его...

Но что со мною? Может быть, не я,
А свыше повеление Господне?
На мне то отраженье бытия,
Которое свершится? Не сегодня?!
Мне страшно, право... Господи, боюсь...

Готов рисунок.
Нимб уместен здесь,
Герой новеллы на иконе писан...

СТУДЕНТЫ

Хором:

Настёна, мы с тобою. Не страшись!

НАСТЁНА

Мне баба Маша говорит: «Божись!» –
А в переводе: искренне молись,
Чтоб не случилось ничего худого.

*Пустеет аудитория, тускнеет свет. Страшный крик
Настёны: «Нет! Боря! Нет!!!»*

ДЕЙСТВИЕ II

Сцена 1

На коленях три женских фигуры в чёрном. На заднем плане мать Бориса – перед образом святого благоверного князя Бориса, мать Настёны – перед образом Божией Матери Казанской, Алёна – перед образом Иисуса Христа в терновом венце. Горят свечи.

НАСТЁНА

О Господи! Накликкала беду!

Взглядом скользит по рисункам.

Зачем я рисовала, Боже правый???

На гору ту сейчас с Тобой иду

И ощущаю на себе венец кровавый...

О Господи!

Прости меня, прости!!!

Я пред Тобою...

Пред Борисом...

Виновата!

Плачет.

МАТЬ НАСТЁНЫ

О Матерь Божия! Растить бы им, растить
Свою любовь... За что такая плата?
Я не могу понять своим умом...

НАСТЁНА

Откладывает в сторону рисунки

Мой милый!.. Боря!..
Нет, потом, потом...
Сейчас одно на сердце:
Виновата!

МАТЬ БОРИСА

О Господи! Мне белый свет не мил,
Туман седой окутывает душу,

И на борьбу не остаётся сил,
И замки тьмы
теперь мне не разрушить.

Святому я молюсь и день и ночь,
Прошу Его о сотворенье чуда,
О гибели гоню я мысли прочь...

Сыночек мой! Как без тебя я буду?

Я Господа прошу за жизни час,
За вразумленье в окоёме света,
Чтобы явил терпения запас...

Сцена 2

НАСТЁНА

Тихо произносит у портрета Бориса

Мне кажется, что ты уехал.
Где-то...
В твой дивный город
Я к тебе стремлюсь!
Лечу, как Чайка!

Уронив голову на руки, засыпает.

На экране компьютера что-то светлое, успокаивающий душу пейзаж. Тихая музыка.

Мягкий мужской голос за кадром:

Здравствуй,
Гордая Чайка –
Белозвучье полёта!
Мой уход –
Не прощанье,
Только

Точка отсчёта.
Здесь,
У Божьих ладоней,
Радость
Кудри ласкает,
Здесь Любовь,
Как стозвонье,
В моё сердце стекает.
И звучит, окрыляя,
Тех, кто верит и помнит.
Не тревожься, родная:
Вместе Небо и Корни...

Настёна просыпается. Подходит к окну.

НАСТЁНА
Твоё «Здравствуй»
Заветом
Для меня прозвучало.
Я хожу и дышу...
Знаю, это немало...
Твоё «Здравствуй» –
«Живи»!
Я теперь понимаю
И рисунки свои –
Дар Небес –
Принимаю.
Ты позволь мне,
Родной,
Обо всём рассказать,
Через Небо и Корни
Все смыслы связать.

Берёт в руки карандашный рисунок воина, обращаясь к изображению:

Когда тебя не стало среди нас –
Среди земных, –
Я места ведь себе не находила,
Смотрела на рисунок и винила
Одну себя: ты был в живых,
А я...
А я тебя уже похоронила
И нимб над головою возвела.
Нет,
Не герой новеллы Иванова,
Не автор –
Ты на рисунке и всегда, и снова,
Я поняла!..

Встаёт.

Мне надо успокоить наших мам,
Здесь горе на троих – не пополам.

Сцена 3

Обращается к матери Бориса и своей. Показывает рисунок.

НАСТЁНА

Мои родные, милые мои!
Давайте вместе погрустим, поплачем
И потоскуем – можно ли иначе?
Как ни печален нас троих удел,
Как ни трудна дорога в поднебесье...

А к нам сегодня голубь прилетел
И поделился своей доброй вестью.

Держит карандашный рисунок перед собой.

О как же долго он не получался!
Рука моя – как будто не моя.
Он в моё сердце голубем стучался,
В одно слились два наших светлых «я».
И мне Господь моею же рукою
Знак подавал – Он нас оберегал!
Я это поняла, томясь тоскою...

МАТЬ НАСТЁНЫ

Да, вот оно – начало всех начал.

Крестится. Обнимает Настёну:

О Господи!
Молю Тебя. Молю:
Дай дочери
С колен скорей подняться,
Идти вперёд –
Я так её люблю!..
Пошли благую милость –
Улыбаться...

МАТЬ БОРИСА

Зажигает свечу.

Зажигаю свечу – пусть она
Погорит об усопших.
Пламя куполом в небо,
А в сердце, как рана,
Печаль.

МАТЬ НАСТЁНЫ

Есть у Памяти свойство:
От цветов очищаясь усохших,
Возвращать, как зарю,
Несказанно далёкую даль.

НАСТЁНА

Смотрит сквозь пространство. Медленно произносит:

Я люблю Бориса как мужчину,
Но больше... больше как ребёнка я люблю...

Женщины вопросительно смотрят на Настёну.

МАТЬ НАСТЁНЫ

Ты о чём? Эту грань очень тонко
Лишь проводит Господь, а не ты!..

НАСТЁНА

Я согласна с тобой. Но цветы!..

МАТЬ БОРИСА

Ты о ландышах вспомнила, дочка?
Я тебя понимаю. Мне покоя они не дают...

МАТЬ НАСТЁНЫ

Не томите загадкой! Где точка?
Да при чём эти ландыши тут?

*Смотрит на мать Бориса, переводит взгляд на Настёну,
вспоминает христианское сказание:*

Богородица-мать...
У распятия сына!
Вся в горячих слезах,
Что стекали на камень немой...

НАСТЁНА

Как живая сейчас предо мною картина...
Он... ребёнок... ещё не родившийся... мой!..

МАТЬ БОРИСА

У Иисуса Христа
Все любимы,
Как дети,
Зажигаются звёздами
В летней ли,
Зимней ночи.
Одиноко без них
На огромной
И дивной планете...

МАТЬ НАСТЁНЫ

Если хочешь,
Поплачь,
А быть может
(кто знает?),
Молчи:
И в молчании этом
Ты
Господа
Голос услышишь.

НАСТЁНА

Наставлением
Голос
Для живого тебя
Прозвучит:
Если
Память хранишь,
Одним воздухом
Дышишь,
Твоё сердце
 живое
 стучит
 в унисон.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ

Открываются двери, и снова знакомые лица светлой поступью входят и садятся за праздничный стол...

И тихонько о нас начинаешь молиться – о живых и о тех, чей на небе престол.

ЗАНАВЕС

О том, что Настёна – невеста, я узнала от моей добрейшей соседки Лидии Николаевны, переживающей за красавицу и умницу так, как за внучку родную. По разумению мудрой женщины, назначение Анастасии – созидать: создавать семью, рожать детей, любить весь мир. И помнить...

Перемогала и я этот долгий период боли и страдания юного создания, живущего рядом. Видела её молящейся в нашей сельской церкви, тихой в быту, дружелюбной в общении. Она смирилась с тяжёлым крестом, выпавшим на долю девушки, но не растратила дар по мелочам. Настёна стала учителем начальных классов, Анастасией Евгеньевной. Её доброта и любовь к людям как благовест. И теперь я могу подарить ей пережитое моим сердцем, потому что этап нравственного страдания ею завершён. Пусть жизнь будет благосклонной к Женщине с таким красивым именем Анастасия – Настя, Настася, Ната, Нася, Нюся, Настёна, Натуся, Настуся, Туся, Настюня, Настюша, Стася, Тася, Тая, Ася, Сюша, Асюта. Света тебе и тепла!

СЛОВО Н.Ф. ИВАНОВА

во время Творческой встречи в БОНУБ им. Ф.И. Тютчева

Памятная Творческая встреча с Николаем Фёдоровичем Ивановым 12 февраля 2014 года в БОНУБ имени Ф.И. Тютчева, связанная с презентацией книги «Новеллы цвета хаки» запечатлена на снимке, представленном ниже, она возвращает в душу атмосферу торжества Слова, связанного с патриотическим воспитанием. И все книги автора на выставке – об этом же.

А то, что успела записать из выступления Николая Фёдоровича, помещаю здесь, чтобы помнить.

«15 февраля – особенная дата: 25-летие вывода советских войск из Афганистана. Тяжёлое было время.

Колонна шла через перевал Саланг и скользила по ледяной крошке, пришлось поливать соляркой, чтобы не сорваться в пропасть. Эти исторические события забыть невозможно.

Книги свои я добываю. После их прочтения люди узнают что-то новое, мечтают побывать и бывают там; своими глазами хотят посмотреть то, о чём пишу.

Мне приятно выполнить миссию – вручить первую памятную медаль «25 лет вывода войск из Демократической Республики Афганистан» Алексею Новицкому, не афганцу, моему земляку, журналисту от Бога, много сделавшему для того, чтобы не забывали погибших советских ребят, защищавших рубежи нашей Родины.

ПРЕЗЕНТАЦИЯ и КОММЕНТАРИИ

(как продолжение разговора)

Меня представили к «Красной Звезде», но получил орден «За службу Родине», а при увольнении – медаль «За отвагу».

Совершил более 60 прыжков. Есть и неучтённые прыжки – когда прыгаешь за кого-то.

...В интернете при желании вы найдёте фотографию, где я через час после плена. Сложный период в моей жизни, но... не о нём хочу сказать, а о людях, которые шли выручать меня, не думая о своей жизни. На первое место в своей судьбе я всегда ставлю настоящую мужскую дружбу и храню её в своём сердце, как воинскую клятву. А документальная повесть «Вход в плен бесплатный, или Расстрелять в ноябре» – о противостоянии Добра злу, о служении Отчизне, которой обязаны всем. О Чести, ибо русский офицер Честь имеет.

Мы не станем листать всю презентацию, представленную на встрече, но, уверяю вас в том, что короткие минуты рассказа писателя, вопросы к нему читателей, чтение его произведений студентами создали атмосферу обаяния, торжества разума и уверенности в себе. А фотографии семидесятых вызвали восторг.

Курильские острова

Край земли... Это моя мечта: мысленно возвращаюсь туда очень часто.

Артур Николаевич Чилингаров опустился на дно Северного Ледовитого океана в районе Северного полюса, а я мечтаю водрузить на нём копию «Знамени Победы».

Именно здесь хочется сказать о том, что мечта Николая Иванова стала реальностью: «Мы подняли над местом казни молодогвардейцев копию знамени Победы, которую нам в свое время вручили писатели-фронтовики во главе с Юрием Бондаревым.

Вместе с крымскими писателями мы поднимали его на легендарной Сапун-горе, с калининградцами – на самой западной точке страны, на косе города Балтийска. И приняли решение: добиваться того, чтобы поставить здесь, у волн Балтики, памятник Василию Теркину (А. Твардовский дописывал свою поэму в этих краях). И чтобы самый народный военный герой смотрел на Запад, откуда к нам приходили войны. И чтобы там, на Западе, знали, что советский, русский солдат при любом раскладе все равно дойдёт до самого краешка нашей земли»[<http://gazeta-suzemka.ru/category/literatura/>].

Писатель Михаил Гаврюшин под этим снимком написал: *«Спасибо тебе, братишка десантник! Доброе дело, святое! Да упокоятся с миром ребятки наши. Отцы наши! Кровь наша и плоть! И совесть народа».*

Примите и от нас, всех знающих Вас, Николай Фёдорович, читающих Ваши произведения, откликающиеся на всё написанное Вами, слова признания и гордости за Ваше подвижничество!

В следующем разделе книги – маленький отрезок Вашего творческого пути к *горизонту*, где смена деятельности и есть отдых. Дана информация под рубриками «Написано», «Опубликовано», «Издано», «Театр», «Иное». И благодарность за помощь в создании такого неоценимого богатства для земли русской.

А В ОТНОШЕНИИ СЕБЯ НЕ ЛЮБИТ ГОВОРИТЬ

НАПИСАНО

2006

- киносценарий «Бумеранг» – 4 серии;
- повесть «Бумеранг» (на основе киносценария) – 337 с.;
- пьеса «Женский пляж» (Вера, Надежда, Война);
- повесть «Белый танец» (дополнение) – 50 с.;
- эссе «Золотистый-золотой» – 5 с.;
- эссе «Помяни, Господи» – 4 с.;
- повесть «Зачистка» – 32 с.

2007

- завершение повести «Зачистка» – 43 с.;
- повесть – «Трёхсотые» – 106 с.;
- новелла «Тузы бубновые» – 8 с.;
- новелла «Контрольный выстрел» – 8 с.;
- киносценарий «Бумеранг» – 110 с. (переработка сериала);
- киносценарий «Наружка» – 4 серии.

2009

- киносценарий «Наружка» – 8 серий (400 с.);
- новелла «Вера. Надежда. Война» – 7 с.;
- книга «Выбираю ветер в лицо» (Иван Тараев) – 215 с.

2010

- пьеса «Да царствуют правда и милость» (март);
- новелла «Тот, кто стреляет первым» – 9 с. (октябрь);
- новелла «Дела земные» – 9 с. (ноябрь);
- начало киносценария по «Золотисто-золотому».

2011

- книга-альбом «Нам дороги эти позабыть нельзя»;
- переработка романа (Реки помнят свои берега).

2012

- работа над романом;
- работа над книгой «Прохоровское поле: Да святится имя твое».

2013

- работа над романом;
- работа над книгой «Прохоровское поле: Да святится имя твое» – 184 с., 300 фотографий;
- новелла «Брянская повесть» – 18 с.;
- новелла «Небожители» – 15 с. (19 апреля);
- новелла «Комбатанты» – 13 с.;
- пьеса «Спас-на-Любви» – 90 с.

2014

- книга Н.И. Кондратова «Охотничьей тропой России»;
- книга Госрезерва «Сигнал»: для людей и Отечества»;
- новелла «Засечная черта» - 16 с.;
- повесть (из пьесы) «Золушки объекта 217» – 150 с.

2015 год

- книга о В.М. Тимощенко;
- дополнение к книге «Прохоровское поле: Да святится имя твое»;
- новелла «Партер. Седьмой ряд» – 7 с.

ОПУБЛИКОВАНО

2006

- серия фотопортретов в газете «Российский писатель»;
- рассказ «Золотистый-золотой» – «Российский писатель» (№19 «Октябрь»);
- рассказ «Помяни, Господи» – «Российский писатель» (декабрь);
- отрывок «Расстрелять в ноябре» (в двухтомнике к 50-летию журнала «Наш современник»).

2007

- повесть «Белый танец», эссе «Золотистый-золотой», «Помяни, Господи» - «Роман-журнал» № 12-06г.;
- «Золотистый-золотой» - «Рассвет». 20 февраля;
- «Золотистый-золотой» - Истра. 20 февраля;
- альманах «Краснодар литературный». – Краснодар: Пульс-Софт, 2007.– «Золотистый-золотой» -с. 24; «У синей реченьки...» - с. 26; «Помяни нас, Господи...» – с. 40;
- рассказ «Точка возврата» – журнал «На боевом посту» № 3. с. 52;
- повесть «Зачистка». Газета «Красная звезда». 3 подачи с 11 мая;
- «Золотистый золотой», «Помяни, Господи» – газета «Пограничник» (Санкт-Петербург). – 16 мая;
- повесть «Зачистка» - журнал «Наш современник» № 5;
- повесть «Белый танец» – газета «Пограничник» (Санкт-Петербург) - август-сентябрь;
- пьеса «Белый танец» - журнал «Воин России» № 7;
- Белый танец (Вера, Надежда, Война) / Н. Иванов // Воин России. - 2007. - N 7. - с. 108-125;
- «Золотистый золотой» – газета «Подмосковье». 14 августа;
- «Белый танец», «Золотисто золотой», «Помяни, Господи» – «Московский альманах» № 4.

2008

- новелла «Тузы бубновые» – газета «Подмосковье» от 23 июня;
- новелла «Тузы бубновые» – газета «День литературы» от 23 июля;
- новелла «Тузы бубновые» – газета «Пограничник» от 13 сентября;
- новеллы «Тузы бубновые», «Помяни, Господи» – журнал «Бийский вестник» № 4;
- новелла «Золотисто-Золотой» – «Литературная газета», 10 декабря.

2009

- новеллы: «Друг мой Колька», «Золотисто-золотой», «Тузы бубновые», «Код памяти», «Помяни, Господи» - в коллективном сборнике «Семнадцать лет спустя». «Воениздат» (январь);
- новелла «Контрольный выстрел» – газета «Моздокский вестник» от 7 февраля;
- новелла «Вера. Надежда. Война» – газета «Подмосковье» от 24 июля;
- новелла «Тузы бубновые» – газета «Граница России» № 31 (август);
- новелла «Золотисто-золотой» журнал «Италмас» (Ижевск) – № 1.

2010

- «Тузы бубновые» - журнал «Италмас» (Ижевск) № 1;
- «Золотистый золотой», «Тузы бубновые», «Помяни, господи», «Контрольный выстрел», «Вера. Надежда. Война» – «Брянск литературный», 2010 г.;
- отрывок из романа («Колокол») – журнал «На боевом посту», № 10.

2011

- «Тузы бубновые» – журнал (Ижевск) № 1;
- «Золотистый золотой» - «Белорусская нива», 7 апреля;
- журнал «Наш современник» № 2. – «Семь нот о любви»;
- журнал «Москва» № 12 – «Дела земные»;
- журнал «День и ночь» № 5 (Красноярск) – «Семь нот о любви».

2012

- «Дела земные», «Вера. Надежда. Война», «Помяни, Господи»
- журнал «На боевом посту» № 1;
- «Без права на славу» (главы из романа) – журнал «Неман» (Беларусь). № 5.

2013

- газета «День литературы» № 5 май – новелла «Брянская повесть».
- журнал «Неман» - новелла «Брянская повесть»;
- журнал «Карамзинский сад» (Ульяновск) №1 – «Золотистый золотой»;
- журнал «Наш современник» № 10 – «Брянский рейд (Брянская повесть)».

2014

- новеллы «Комбатанты», «Небожители» – альманах «Нижегородец» № 1. Нижний Новгород;
- новелла «Вера. Надежда. Война» – День литературы, Февраль;
- новелла «Брянская повесть» – журнал «Берега» № 3, Калининград;
- новелла «Брянская повесть» – журнал «Дороги России» № 1;
- новеллы «Золотистый золотой», «Небожители», «Вера. Надежда. Война» – журнал МВД «Жеглов, Шарапов и К» № 2;
- «Новеллы цвета хаки» – журнал «Простор» (Казахстан) – №№ 4-5;

- новелла «Брянская повесть» - журнал «Родная Ладога» № 5;
- новеллы под общим названием «Комбатанты» – альманах «Подвиг», август;
- новелла «Комбатанты» – «Омск литературный», июнь;
- новелла «Засечная черта» - журнал «Берега» № 6;
- новелла «Засечная черта» – газета «День литературы», сентябрь;
- новелла «Засечная черта» – альманах «Подвиг», ноябрь;
- новелла «Засечная черта» – журнал «Наш современник», декабрь.

2015

- новелла «Засечная черта». Апрельский номер журнала «Немига литературная»;
- Альманах «Подвиг» – повесть «Золушки объекта 217» – июнь;
- отрывок из романа («Камерный полковник») – журнал «Берега» Калининград. № 4;
- новелла «Партер. Седьмой ряд» - «День литературы», ноябрь;
- новелла «Партер. Седьмой ряд». Журнал «Берега». Калининград. № 6.

ИЗДАНО

2006

- книга «Мы вернемся живыми» (изд-во «ЭКСМО») – август;
- книга «Спецназ, который не вернется» (изд-во «ЭКСМО») – октябрь.

2007

- книга «Зачистка» – «ЭКСМО» (июль);
- покет-бук «Мы вернемся живыми» – ЭКСМО (ноябрь);
- покет-бук «Спецназ, который не вернется» – ЭКСМО (ноябрь).

2008

- книга: «Шторм» начать раньше - «Вече» (февраль);

- книга «Расстрелять в ноябре» (покет-бук) – «ЭКСМО» (апрель);
- книга «Зачистка» (покет-бук) – «ЭКСМО» (август).

2009

- книга: «Чеченский бумеранг» – «Вече» (ноябрь).

2010

- книга «Николай Кондратов: Выбираю ветер в лицо» (апрель);
- сборник «Высокое слово правды» (сентябрь).

2011

- книга «Семь нот о любви» (январь);
- книга-альбом «Нам дороги эти позабыть нельзя» (апрель);
- серия «Боевые береты»: «Чеченский бумеранг» – АСТ, июль;
- серия «Боевые береты»: «Московский излом» (Черные береты) – АСТ, июль;
- серия «Боевые береты»; «Афганский шторм» – АСТ, ноябрь.

2012

- Московский излом (покет) – май;
- «Афганский «Шторм» (покет) – май;
- допечатка «Семь нот о любви» – Федерация сильнейших атлетов России.

2013

- книга «Прохоровское поле: Да святится имя твое» – июнь;
- переиздана книга «Шторм» начать раньше». «Вече» – ноябрь.

2015

- книга серии «Военные приключения» – «Контрольный выстрел». Издательство «Вече». Апрель;
- второе дополненное издание книги «Прохоровское поле: Да святится имя твое» - май;

- книга «Новеллы цвета хаки». Издательство «Граница». Декабрь.

ИНОЕ

2006

- выезд на Ямал (18-20 мая);
- участие в Пушкинских днях (Полотняный завод, Оптина пустынь);
- участие в мероприятиях на стыке трех славянских государств;
- представлял СП России на 30-х Шукшинских днях. Алтай (19-25 июля).

2007

- участие в работе Семинара молодых писателей Северо-Запада (Санкт-Петербург);
- участие в Днях Бояна (Трубчевск) – 26 мая;
- со 2 июля – заместитель главного редактора журнала «Подмосковье»;
- 10-14 октября – командировка в Чечню, Аргунское ущелье.

2008

- 7 ноября – подписание договора на создание телесериала «Наружка».

2009

- январь – книга «Чеченский бумеранг» вошла в список 100 книг, выдвинутых библиотекарями Министерства обороны для создания патриотической библиотечки для армии;
- 9 апреля – на 13 съезде СП избран сопредседателем – секретарем правления Союза писателей России;
- 31 августа – 3 сентября – провел Пленум СП России в Цхинвале, Владикавказе и Беслане.

2010

- составил сборник «Высокое слово правды» - о Пленуме в Цхинвале;
- избран рабочим секретарем СП России (6 июня, Пленум в Курске);
- участие в подготовке и проведении литературно-исторической экспедицию «825 лет Слово о полку Игореве». (2-5 июля. Брянск – Трубчевск – Новгород-Северский – Смелиж);
- проведение сборов с журналистами, работающими в горячих точках Алабино, Балтийск, Цхинвал, Красный Крест (Покровское);
- премия ФСБ РФ за сборник «Высокое слово правды» (ноябрь).

2011

- премия им. Станцева (Екатеринбург, апрель);
- премия Бояна (Трубчевск) – май;
- лауреат премии «Нашего современника» за 2011 год;
- курсы «Бастион» – июнь Юрга (Новосибирск), август – Владикавказ;
- избран заместителем председателя правления Союза писателей России.

2012

- 16 мая – Премия «Прохоровское поле»;
- 3-8 июня – Курсы «Бастион» во Владивостоке;
- 13-16 июня – выезд творческой группы в Шатой (Чечня);
- 26 августа – курсы «Бастион» в Наро-Фоминске;
- 6-9 сентября – делегация в Дагестан («Белые журавли»);
- 5 ноября – премия им. Д.Н. Мамина-Сибиряка.

2013

- Лауреат премии «Прохоровское поле» – июль;
- 8-11 марта – открывал международный литературный фестиваль «Омская зима»;

- 18 марта – выезд творческой группы Брянского землячества в Моздок;
- 17-20 мая – совещание молодых писателей в Каменец-Уральском;
- 11-13 сентября – курсы «Бастион» в Новороссийске;
- 14 сентября – открывал фестиваль «Козьмы Прутков» в Пустыньке (Ленинградская область);
- 27-28 сентября – Пленум СП в Уфе;
- 21-23 октября – 14 съезд СП России в Калуге;
- Октябрь – заместитель Председателя СП, Генеральный директор СП России.

2014

- 14 февраля – презентация творчества и книги «Новеллы цвета хаки» в Брянской областной библиотеке им. Тютчева;
- 7-9 марта – поездка в Севастополь. Водружение Копии Знамени Победы на Сапун-горе;
- 28 марта – презентация творчества в Суземке;
- 6 июня – сборы курса «Бастион» в Мулино;
- 22 июня – открывал «Тёркинские чтения» в г. Гвардейске. Водружение копии Знамени Победы на самой западной точке страны – Балтийске;
- сентябрь – Лауреат областной премии им. А.К. Толстого «Серебряная лира» (Брянск);
- 21 ноября, Ростов-на-Дону - 1 место в Конкурсе «Слава России – 2014» – за публикации «Крейсер «Крым» и «Крейсер «Победа» в журнале «Берега»;
- 16 декабря – премия ФСБ России «За лучшее произведение о сотрудниках органов госбезопасности» – книга «Новеллы цвета хаки»;
- 18 – 22 декабря – сопровождение 10 гуманитарного конвоя в Луганск.

2015

- январь – поездка в Краснодар и Луганск;
- 2 – 7 июня – курсы «Бастион» в Севастополе;
- 27 мая – создание творческой мастерской драматургов «Слово и Образ»;

- 23 – 26 июля – участие в Шукшинских чтениях. Барнаул – Бийск – Сростки;
- 28 ноября – участие в 100-летию К.Симонова на Буйничском поле (Могилев);
- 7, 19 декабря – закрытие Года литературы в Томске.

Крымский период Н. Иванова – особая республика, как и Украина. Но несколько слов всё же хочется оставить как зарубку на восковой дощечке. Чтобы вернуться!

* * *

Вдыхаешь утра свежего глоток
и новости с Недремлющего поля.
В круговороте устье и исток,
а сайт израненный, исписанный до боли –
до боли сердца.
Кровь стучит в висках, а напряжение –
зашкаливает время.
Россия – Крым сегодня как в тисках,
на плечи пало им чужое бремя.
Спасибо Слову – пусть оно звучит
на всём пространстве Матери-Природы.
Писатель настоящий не молчит,
а рассудить безумных могут годы.
Но всё сегодня происходит и сейчас!
http://www.rospisatel.ru/ivanov_n-krym.htm

Глядя на послужной список Николая Фёдоровича Иванова, невольно подумаешь, что в сутках его столько часов, сколько писателю надо на создание, издание, доработки, поездки, анализ и синтез, встречи, презентации, семинары, заседания, поиск героев на правом фланге. Я помню неоспоримую фразу, услышанную однажды, и повторю её ещё раз: **«Надо идти к горизонту – он не кончается никогда!»** И слово «горизонт», по моему, у писателя любимое.

Этот список не весь, горизонт далеко –
Слава Богу, друзья, слава Богу.
Уникальный наш Автор шагает легко,
Расчищая людскую дорогу.
Мы не видим в пути испытаний его,
И он нам не расскажет об этом,
Но, читая сквозь боль пониманье сего,
Принимаем: с любовью воспето
Отношение к жизни, творенью небес,
К человеку – созданию Бога.
И хранит Иванова густой Брянский лес,
А ступеньки родного порога
Всё ведут и ведут к горизонту, как встарь
Славных воинов русских, могучих.
Пусть читает псалмы пономарь,
Море слёз не вмещает горячих.
Этот список не весь, горизонт далеко –
Слава Богу, друзья, слава Богу.

01.04.2016 г. 22:45

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ: «ВЕЛИКИЙ МОЛИТВЕННИК РОССИИ»

Эта фраза пришла мне по душе. Её написала Елена в комментарии к публикации **Николая Фёдоровича Иванова**

«Какие песни сложит жизнь (Из фронтового блокнота)» [<http://www.rospisatel.ru/ivanov-lug.htm>] **от 29 марта 2016 года.** А Григорий Исаакович Блехман скажет своему другу-писателю: «... Масштаб твоей личности очень много значит». Согласно с уже сказанным и написанным в адрес героя Союза Советских Социалистических Республик – огромной планеты, которую Словом своим он спасает и по сей день. А мы читаем, переживаем за него, молимся и спорим по поводу молитв. **Валентина Валентиновна Ефимовская** права, что *«Николай Иванов совершает свой паломнический подвиг нас ради», «...писателя-воина путём спасения по дорогам войны ведёт сам Господь».* Иначе не скажешь, другого не дано.

О Великой Отечественной войне советского народа я прочитала произведения многих авторов, к просмотру спектакля «Горячий снег» Брянского областного театра имени А.К. Толстого готовилась усердно, медленно впитывая страницу за страницей; плакала над «Молодой гвардией» Александра Фадеева; «Жди меня...» Константина Симонова читала на районных конкурсах; разговаривала строками Александра Твардовского, а его «Дом у дороги» и сейчас покоя не даёт.

Убеждаюсь по прочтении повестей, романов, рассказов и новелл Николая Иванова в том, что он – создатель нашего Дома, где мы должны жить по заповедям Божиим, потому и называют его паломником, идущим дорогами войны ради мира:

Война пряталась в тумане, маскируя выстрелы и лязг техники под раскатистый весенний гром.

Из белого тумана, заполняя собой всё видимое пространство, растянувшись на пять километров, надвигались на войну белые КамАЗы. С флажками России и МЧС по бортам. Пятидесятка! Пятидесятая с начала войны колонна в сто с лишним машин гуманитарки для Луганска. И даже то, что донецкая сотня пошла другой дорогой, «луганского» гула и земной дрожи хватило, чтобы затмить канонаду.

Через несколько минут, следуя за белой колонной, я отыскал взглядом то солдатское поле. И привстал от чувств: оно было засеяно озимыми. Может, даже теми семенами, что вёз тогда я. Значит, и впрямь ничего не напрасно в этой жизни? Как говорил уроженец почти этих мест Леонид Ильич Брежнев, «Будет хлеб – будет и песня!» «Моя» рожь уже проросла, заполонила изумрудом всё пространство до самой станицы, и только островки снега, словно солдаты в белых масхалатах, замерли в низинах-окопах. Охраняют «гуманитарку»? В готовности встретить войну, идущую из тумана?

[<http://www.rospisatel.ru/ivanov-lug.htm>]

Страницы фронтового блокнота военного журналиста открыты собеседникам, а интерпретация побуждает к отклику:

Война и мир в противовесе.
Туман рассеется, как дым.
Весна в карете, как в экспрессе,
С ростками жизни над седым –
Седым туманом, злобным лязгом
И вязким страхом в жизни сей.
Неравнодушны они к дрязгам,
А нам – хороших новостей
О жизни мирной, жизни вешней,
О тихом вечере, росе,
О белом платье у черешни,
О южной светлой полосе.
Об Украине... Что же ныне?
Сквозь раны Матушки-Земли
Ростки озимых проросли.
Зелёный поезд не киношный –
Нельзя убить любовь нарочно.

Всё это похвалы достойно!
И Правда знает, что творит.
Благочестиво и пристойно
Добро с народом говорит.
29 – 30.03.16

А перед появлением публикации Н.Ф. Иванова читала материалы **Андрея Чернова** (24 марта 2016 г. 21:57 Фейсбук): «Сегодня в Луганске состоялась презентация сборника Союза писателей ЛНР **«Время Донбасса»**. Очень был рад видеть нашего дорогого гостя из Москвы – Николая Иванова. Много читали стихов и много говорили, порою - чрезмерно эмоционально. Событие состоялось – и это хорошо».

Андрей!
Я Вам благодарна
За добрую весть.
Луганск ваш сегодня –
И Доблесть, и Честь!
Пишите как есть –
Годы всё сохранят,
А Слово – как танка
Стальная броня.
Живите, творите,
Вам Время как щит,
Оно от невзгод вас
Всегда защитит.

Военные события в страдающем Донбассе волновали всех присутствующих в Русском центре столичной библиотеки им. М. Горького. Заместитель министра информации, печати и массовых коммуникаций **Максим Беспалов** назвал презентацию «первой ласточкой в рамках концепции развития печатных изданий в ЛНР». Деятельность СП ЛНР высоко оценил сопредседатель Союза писателей России Николай Иванов: «Книгами, подобными «Времени Донбасса», нужно воспитывать победителей. Он также отметил беспрецедентность включения в сборник драматургии, посвященной событиям войны в Донбассе. Кроме того, привез из Москвы Почётные грамоты от правления Союза писателей России, которыми за «служение русскому Слову» были награждены Министерство информации, печати и массовых

коммуникаций ЛНР, Министерство культуры ЛНР, Луганская универсальная научная библиотека им. М. Горького и Союз писателей ЛНР. Сборник «Время Донбасса» увидел свет в феврале этого года. В нём представлены поэзия, проза и драматургия писателей ЛНР, ДНР, России. Книга издана в Луганске при поддержке Министерства информации, печати и массовых коммуникаций [<http://lugansk1.info/13880-itogovyj-literaturnyj-sbornik-soyuza-pisatelej-lnr-prezentovali-v-luganske/>].

«Проделана серьезная работа, планка литературного качества поднята очень высоко. Я не помню, чтобы в Москве за последнее время выходили такие сборники» [<http://lug-info.com/news/one/sbornik-vremya-donbassa-postupil-v-bibliotechnuyu-sistemu-lnr-foto-11885>]. Эту реплику Николая Фёдоровича я рассматриваю как похвалу бережно охраняющим ростки жизни писателям Донбасса, а не упрёк России.

И прежде чем прочитать выдержки из фронтового блокнота Николая Иванова, остановимся у ворот перед Домом миротворца: **«Мы – одно духовное пространство, один русский мир. Очень знаково, что луганская писательская организация приглашает в свои проекты авторов из Донецка и России. В этой книге – настоящий нерв войны. И эта книга – настоящее оружие»** [<http://lug-info.com/news/one/sbornik-vremya-donbassa-postupil-v-bibliotechnuyu-sistemu-dnr-11924>].

В Луганск я ехал на презентацию книги «Время Донбасса». Созданный стараниями руководителей Союза писателей ЛНР Глебом Бобровым и Андреем Черновым, профинансированный Министерством информации, печати и массовых коммуникаций республики (эх, хотя бы раз в России наше подобное агентство выделило средства на издание книги данной направленности!) сборник вобрал в себя авторов из Луганска, Донецка и России. Презентации прошли в Горловке, Луганской республиканской библиотеке им. Горького, в Донецком агентстве новостей. Около тысячи экземпляров разошлись по библиотекам Новороссии, Москвы и Санкт-Петербурга.

Время и события оцениваются по тому, какие песни будут о них слагаться потомками. Но уже сейчас очевидно: время Донбасса – это время героев. Время стойкости и преданности своей земле, своим истокам, своей истории, своему родному языку.

...А Богородицу расстреляли на рассвете.

Вырезанная из журнала, картина-иконка была приклеена на дверь дома, расположенного рядом с донецким аэропортом. Два небольших осколочка пробили грудь Божьей матери, и этого хватило, чтобы солнце вместилось в эти отверстия и проникло вслед за рваным железом в детскую спальню. Говорили потом, что если бы был Георгий Победоносец, то он укрылся щитом, и авось смерть прошла бы мимо...

Недавно прокричали украинские СМИ об очередной великой «перемогe» – установке в Кривом Роге первого памятника погибшим «атошникам» (своим солдатам страна не придумала иных определений, кроме как «атошники» и «киборги»). В первом случае – пренебрежение, во втором – пропаганда. Но нигде нет сердца). Прототипом для скульптуры послужил местный «киборг», сгинувший в Донецком аэропорту миномётчик Евгений Абросимов. Мы знаем, чем занимаются на войне миномётчики. А в Донецке в это же время открывали Аллею ангелов с именами 66 детей, погибших в городе в том числе от миномётных

обстрелов. Двоим не исполнилось и годика... И ковал для этой Аллеи донецкий кузнец Виктор Михалёв розы из осколков мин, снарядов, гранат, гильз. И попадались ему прилетевшие со стороны карателей снаряды с надписью «Всё лучшее – детям». Недоучившиеся недоумки прекрасно осознавали, на кого они посылают смерть. Склоняют головы прохожие и около Луганской детской больницы, потому что первым памятником в ЛНР тоже стала композиция детям: на броневых листах местный электросварщик сделал прорезы таким образом, что видна фигура солдата, прикрывающего собой ребёнка.

При защите родного дома случайностей не бывает. И жители Донбасса не войну в конечном итоге ведут. Они защищают своё будущее.

И свято чтут прошлое.

...Возвращаться из Донецка в Луганск можно двумя дорогами. Южной, через Красный Луч, чуть дольше, но безопаснее. Напрямую, через Дебальцево, всего три подорванных моста, проверка документов на границе двух республик, место гибели одного из командиров ополчения Мозгового (три венка на дорожном знаке «Крутой поворот»), какие-то иные сложности по мелочам. Однако я был рад именно этой трассе, потому что увидел ещё один штрих победившего шахтёрского края: параллельно трассе тащил по железной дороге пять пассажирских вагонов паровозик: с прошлой недели из Луганска на Ясиноватую начал ходить ежедневный пассажирский поезд. И в вагонном окне успел рассмотреть силуэт девушки, читающей книгу. Это тоже было время Донбасса...

Проза, не дающая покоя... Проза, воспевающая Жизнь! Написанная и ещё не написанная – рождающаяся в результате командировок «куда-то на юга» – в Сирию:

«В работе над новой книгой. Только через личные впечатления. Подробности и детализацию исключаем, кроме полевого храма».

Громко стучит сердце. И невольно мои мысли возвращаются к Притче о сеятеле из Евангелия от Матфея (глава 13):

Вот вышел Сеятель сеять. И когда он сеял, то иное семя упало при дороге, и птицы поклевали его.

Иное же упало на места каменистые, где мало было земли, и вскоре всошло, но скоро и засохло, потому что не имело корня и влаги.

Иное упало в терние (сорную траву), и выросло терние и заглушило его.

Иное упало на добрую землю и принесло плод: одно во сто крат, а другое в шестьдесят, иное же в тридцать.

Кто имеет уши слышать да слышит!

А путь к Горизонту великого паломника, война Духа, Христова война, молитвенника России нескончаем.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТЗЫВ ГРИГОРИЯ БЛЕХМАНА НА КНИГУ «ПУТЬ К ГОРИЗОНТУ»	3
Обращение к читателю: «Монолог сердца»	4
АВТОР – ПОНЯТИЕ УНИКАЛЬНОЕ	8
Автор реальный (биографический)	8
Фильм «Брянская повесть»	24
Замечательным людям, имеющим отношение к фильму «Брянская повесть»	29
Библиографический список произведений автора (в хронологической последовательности на декабрь 2015 года)	40
Драматургия Николая Иванова	46
Литературные премии	47
Писателю. Стихотворение	53
Автор внутритекстовый (имманентный)	54
ОН УМЫВАЛСЯ ЗЕРНОМ! КАК БУДТО ИЗ РОДНИКА...	
(прочтение документальной повести «Вход в плен бесплатный, или Расстрелять в ноябре»)	61
ЗАГЛАВИЯ О МНОГОМ ГОВОРЯТ	91
«Гроза над Гиндукушем»	103
«Да будет очистительной гроза»	103
«Рассветы Саура»	117
«"Алькор" принимает вызов»	118
«Чёрные береты»	118
«Операцию "Шторм" начать раньше»	118
«Департамент налоговой полиции»	119
«Маросейка, 12... Срочно»	119
«Наружка»	119
«Вход в плен бесплатный, или Расстрелять в ноябре»	120
«Спецназ, который не вернётся»	120
«Поклонимся великим тем годам»	121
«Мы вернёмся живыми»	121
«Зачистка»	121
«Белый танец (Вера. Надежда. Война)»	122
«Чеченский бумеранг»	122
«Московский излом»	123
«Без права на славу»	123
«Брянская повесть»	124
«К истине дорога»	124
«Прохоровское поле: Да святится имя твое»	129
«Новеллы цвета хаки»	129

«Тот, кто стреляет первым»	130
«У синей реченьки»	130
«Небожители»	131
«Звёзды Млечного Пути»	131
«Контрольный выстрел»	142
«Спас-на-Любви», «Золушки объекта 217»	142
«Ко дню рождения»	143
«Медовый Спас, пчелиный праздник» (<i>«Золушкам Медового Спаса» Николая Иванова посвящается</i>)	144
«Партер. Седьмой ряд»	153
«Засечная черта»	154
Опубликованное на сайте «Российский писатель»	
<i>Валентина Ефимовская «Лекарство войны» (размышления о военной прозе Н. Ф. Иванова по книге повестей «Зачистка»)), «За други своя», «Пятый угол», «Подвиг любви»</i>	
<i>Николай Стародымов «Белый танец» Николая Иванова</i>	
<i>Наталья Терёхина «Узнаем ли мы его? Есть ли дно у бездны безумия?»</i>	157
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СОДЕРЖАНИЯ	
С ОПОРОЙ НА ЗАГЛАВИЯ	158
«Тузы бубновые»	158
«Чёрные береты»	164
Пусть у Ангела крылья не будут в напряге. Стихотворение	174
«Брянская повесть». Новелла	174
Диалог с автором и комментированное чтение как главные приёмы понимания художественного произведения	176
За добро на Руси воздавалось добром. Стихотворение	196
ВОСПРИЯТИЕ «БРЯНСКОЙ ПОВЕСТИ»	
Эмоциональный фон по прочтении «Брянской повести»	
Николая Иванова. <i>Ермикова Анжела</i>	198
Когда колокольчик Вы в руки возьмёте. Стихотворение	201
Колёса вращают Время!	
<i>Письмо автору «Брянской повести» Николаю Иванову от Жанны Бородулиной (Пономарёвой)</i>	202
Определение понятия «Человечность» в толковых словарях русского языка. Схема	206
Наполнение составляющих понятия «Человечность» содержанием «Брянской повести» Николая Иванова. <i>Елена Наумова</i>	207
Художественный образ «Брянской повести». <i>Яна Бабенко</i>	208
Человечность. <i>Александра Малахова</i>	209

Заповеди Человечности «Брянской повести» (с точки зрения педагога)	209
Человечность. Стихотворение	210
Материалы на сайте «Российский писатель» о новелле Н.В. Терёхина. Урок-педмастерская. Остановка в пути (Тема дороги в новелле Н.Ф. Иванова «Брянская повесть»)	211
Н.В. Терёхина. Кто счастье сотворит? (Урок-педмастерская по новелле Н.Ф. Иванова «Брянская повесть») Отзыв о новелле «Помяни, Господи». <i>Дарья Бутаева</i>	211
ЧИТАТЕЛЬСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «АВТОР – ГЕРОЙ - ЧИТАТЕЛЬ»...	213
МОЯ БЕЛАЯ ЧАЙКА. <i>Драма в 2 действиях</i>	251
СЛОВО Н.Ф. ИВАНОВА <i>во время Творческой встречи в БОНУБ им. Ф.И. Тютчева</i>	270
ПРЕЗЕНТАЦИЯ и КОММЕНТАРИИ <i>(как продолжение разговора)</i>	272
А В ОТНОШЕНИИ СЕБЯ НЕ ЛЮБИТ ГОВОРИТЬ <i>(творческий путь)</i>	274
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ: «ВЕЛИКИЙ МОЛИТВЕННИК РОССИИ» НИКОЛАЮ ИВАНОВУ	285
Война и мир в противовесе. Стихотворение	287

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

Общероссийская общественная организация
правление

119146, МОСКВА, Комсомольский проспект, 13
(499) 246-7565

тел.: 8

факс: 8 (499) 245-2902

№ 32-с

« 12 » апреля 2016 г.

Я, Иванов Николай Федорович, даю согласие на использование фотографий, материалов о моей деятельности, а также на включение отрывков из написанных мной произведений в книге **Нины Волченковой** «Путь к горизонту».

Сопредседатель СП России

Н.Ф. Иванов